

БИЧЪ НА СОВРЕМЕННОСТЬ

рѣшительная раздѣлка съ самымъ духомъ нашего просвѣщеннаго вѣка,

или

ОПРАВДАНІЕ ИСТИНЫ

и

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ

СОВѢСТИ, УМА И НАУКИ

И. Аристова

Посвящается русскимъ просвѣщеннымъ людямъ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1875

БИЧЪ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

БИЧЪ НА СОВРЕМЕННОСТЬ

РѢШИТЕЛЬНАЯ РАЗДѢЛКА СЪ САМЫМЪ ДУХОМЪ НАШЕГО ПРОСВѢЩЕННАГО ВѢКА,

или

ОПРАВДАНІЕ ИСТИНЫ

и

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ

СОВѢСТИ, УМА И НАУКИ

И. Аристова

Посвящается русскимъ просвѣщеннымъ людямъ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1875

Дозволено цензурою. Москва, 11-го мая 1874 года.

Типографія Скарятина, на углу Фонарнаго пер., д. Франка.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Много встрѣтилъ я тяжелыхъ искушеній и, повидимому, непреодолимыхъ для меня препятствій, когда рѣшился высказать все сказанное мною здѣсь, въ предлагаемомъ мною теперь изображеніи всѣхъ крайностей и бѣдствій нашего духа, въ духѣ нашего времени (изложеніе которыхъ я полагаю въ начало дѣланія слова, вызываемаго этою крайностью положенія нашего). И ни одно изъ этихъ искушеній и препятствій, касавшихся до меня одного, не смутило и не остановило меня въ моемъ начинаніи.

Но есть у меня искушеніе, которое—какъ не до меня одного касающееся, — очень смущало и долго останавливало меня; а именно, тридцать лѣтъ постояннаго день и ночь писанія, — записыванія и отмѣчанія — для себя самого, всего, что было нужно мнѣ, сдѣлало меня такимъ безграмотнымъ, что я почти отвыкъ отъ общеупотребительнаго способа выраженія своихъ мыслей при передачѣ ихъ другимъ, отъ общеупотребительнаго, говорю, и правильнаго склада рѣчи;—ибо я выработалъ для себя такимъ образомъ какіе-то іероглифы какихъ-то сокращенныхъ намековъ,

которые и могутъ быть удовлетворительны и достаточно конечно только про себя самого. И не смотря на то, что я употребилъ всѣ мои старанія сдѣлать понятнымъ и доступнымъ для всѣхъ—все излагаемое мною здѣсь, я боюсь всетаки, что остается еще много затрудненій и на долю моего читателя; но требованіе необходимости и крайность положенія нашего таковы, что я наконецъ рѣшаюсь говорить, не смотря и на это невѣжество мое въ словѣ, задающее мнѣ такой трудъ, въ трудномъ для меня, искусствѣ передачи моихъ мыслей другимъ, однакожъ я дѣлаю это отнюдь и ни въ какомъ случаѣ, не по пренебреженію къ слуху, слушающихъ мою нескладную рѣчь, а только потому, что я нахожу себя не въ правѣ, — даже и по причинѣ самой безграмотности своей, отказываться отъ дѣла слова моего: ибо, и отнюдь не пренебрегая, говорю, слухомъ слушателей моихъ, я, однакоже, пишу отнюдь не для услажденія ихъ слуха; не для того чтобы только занять и потѣшить ихъ „чешущи ихъ слухъ“, а по усмотрѣнію настоятельной нужды въ томъ, что высказать я понуждаюсь по сему моею совѣстью. Ибо и самое невѣжество въ словѣ, я говорю, по убѣжденію моему не освобождаетъ отъ обязанности говорить объ дѣлѣ слова, когда эта обязанность налагается самымъ разумѣніемъ этого дѣла, и тѣми крайностями, въ какія повергаетъ неразумѣющихъ—неразумѣніе онаго.—Одно мое горе, что слово мое не легко будетъ даваться моимъ слушателямъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ.

Рѣшаясь говорить о духѣ нашего времени, я чувствую, что мнѣ приходится копировать извѣстную картину Айвазовскаго, но которой мнѣ не довелось и видѣть никогда, и о которой даже я никакъ не могъ себѣ составить и понятія, такъ что я и вообразить себѣ не могу, чтобы это могло быть такое, я говорю объ его Хаосѣ, ибо какъ вообразить себѣ хаосъ?! Какъ и въ какихъ чертахъ и образахъ могъ уловить художникъ изображеніе безъ образнаго состоянія бытія, еще безъ видовъ и безъ свойствъ его; — изображеніе, если не самой пустоты, то состоянія пустоты всего;— состоянія, въ которомъ было все, что было въ хаосѣ.

Но чѣмъ безобразнѣе и пустѣе безсвязная слитность, царствующая въ хаосѣ мысленнаго міра нашего, созданнаго у насъ духомъ нашего времени, въ которомъ мы живемъ и дѣйствуемъ;—тѣмъ безусловнѣе необходимость,—неотложная и страшная необходимость — оглянуться намъ, — и остановиться у себя на этомъ хаосѣ безотрадной, мрачной и глухой безбрежности всего живаго человѣческаго у человѣка въ его современномъ состояніи; на этой жалкой и безпомощной безбрежности у него

всего, что есть существеннаго въ существѣ его, т. е. на безбрежности у него его внутренняго бытія, его разума и совѣсти.

Ибо духъ нашего времени, воспроизведя у насъ по роду своему эту своеобразную, сообразную себѣ цивилизацію нашу — не только отразился у насъ такимъ образомъ весь въ духѣ этой современной цивилизаціи нашей; но и такъ преобразился у насъ въ этомъ новомъ своемъ искуственномъ видѣ, въ этомъ прототипѣ, или живомъ порожденіи своемъ, — что это новое построеніе искуства, которое онъ назвалъ у себя свѣтомъ, свѣтомъ просвѣщенія своего, такъ переросло у насъ его самаго, что уже стало у него — какимъ-то безобразнымъ и безсмысленнымъ, — но руководственнымъ живымъ началомъ жизни, охватившимъ жизнь его во всѣхъ ея жизненныхъ отправленіяхъ и направленіяхъ; — такъ что эта живая безобразность и слитность мысленная, этотъ духъ, говорю, современной цивилизаціи нашей, ставши у насъ такимъ образомъ живою силою вѣка, превратился наконецъ уже въ такую чудовищную силу неотразимаго владычества въ наше время, — въ обратномъ вліяніи у насъ уже этого искуственнаго построенія вѣка на самый духъ вѣка, что объятый и осѣтованный современною силою этой искуственности своей вѣкъ нашъ и очутился у насъ такимъ образомъ весь теперь — чудомъ силы, говорю, этого новѣйшаго искуства, этаго послѣдняго дѣла времени, очутился у насъ теперь весь — въ рукахъ этаго дѣла рукъ своихъ; — и это не въ мѣру только преобладанія и превосходства искуства надъ безъискуственностію, — а безпримѣрно и неслыхано безмѣрно, *пообладанный* и порабощенный этою искуственною силою своей и совершенно поглощенный — *въ цѣломъ умственномъ и нравственномъ состояніи своемъ* — этимъ духомъ современнаго просвѣщенія въ силѣ его своеобразнаго свѣта и направленія.

Такъ что понять и разгадать вполнѣ у насъ духъ нашего времени, изслѣдовать и разобрать все наше насущное состояніе

въ немъ и можно у насъ только, взвѣсивши и опредѣливши самый духъ этого современнаго просвѣщенія нашего, съ которымъ собственно и приходится поэтому имѣть намъ дѣло въ этой раздѣлкѣ нашей съ духомъ вѣка; потому что въ этомъ духѣ просвѣщенія своего и доведенъ у насъ духъ вѣка до той наличной степени и мѣры его безмѣрнаго разстройства умственнаго и нравственнаго, — которая и соотвѣтствуетъ у насъ вполнѣ всей темнотѣ этаго руководственнаго свѣта нашего и всей силѣ все объявшаго его владычества у насъ въ нашъ вѣкъ: такъ что въ силѣ этаго свѣта просвѣщенія своего мы до такой степени уже не имѣемъ ничего ясно и твердо опредѣленнаго для себя въ своемъ мысленномъ мірѣ, что даже наконецъ не знаемъ уже, полагаться ли намъ на то, чего мы держимся какъ бы цѣлой основы своего нравственнаго состоянія, или же смѣяться намъ надъ этимъ какъ надъ тѣмъ, чего стыдиться намъ приходится у себя на основаніи другихъ началъ своего мысленнаго міра . . . . и это въ самыхъ, говорю, началоисходныхъ, коренныхъ основаніяхъ своей жизни и мысли, въ этомъ, такомъ насущномъ свѣтѣ просвѣщенія своего; какъ въ страшной силѣ, говорю, безсилья умственнаго и безбрежности нравственной въ рукахъ которой совершенно уже и находимся мы въ наше время.

Ибо такова она—эта, такъ сказать, двоевидная живая сила нашего времени; — двоевидная, говорю; — какъ сила страшнаго безсилья и тьмы опредѣленной и формальной съ одной стороны, и это именно по ея внутреннему содержанію и по самому направленію ея, (что и хочу я показать, такъ какъ это и составляетъ конечно одну изъ задачъ моего сочиненія, хотя и не главную конечно; ибо конечный бичь на тьму состоитъ только въ изложеніи всей силы содержанія самаго свѣта разумѣется). А съ другой стороны, другой видъ этой силы составляетъ у нее то самое, *что она есть по дѣйствію своему*; — какъ сила страшнаго насилья и жесточайшаго изъ всѣхъ воз-

можныхъ видовъ деспотизма, который и тиранствуетъ у насъ теперь надъ этимъ несчастнымъ (т. е. въ умственномъ и нравственномъ состоянiи его) вѣкомъ нашимъ, какъ надъ естественнымъ уже de facto рабомъ этой тьмы у насъ; хотя это и по одной только безразборчивости его въ дѣлѣ свѣта, въ дѣлѣ истины самой. —

А между тѣмъ мы и не смотря на то, и ни на что не смотря, — мы преспокойно себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, не только не хотимъ и подумать о томъ, какая это чудовищная сила такъ безусловно и безпрепятственно у насъ овладѣваетъ нами въ беззащитности небрежнаго и невѣжественнаго невниманiя нашего ума, — мирно поддающагося ей въ духѣ этаго лжесвѣта своего, — и возмутительно невозмутимо раболѣпно, и наивно безмятежно и безъ всякой тѣни сомнѣнiя или недовѣрiя подчиняющагося этому абсолютному деспотизму насилiя, господствующаго въ ней произвола мысленнаго; — мы, говорю, не только мирно безсловесно такимъ образомъ уступаемъ силѣ этого безусловнаго владычества у насъ; — но и сами еще своими руками, смѣло и спокойно надѣваемъ себѣ на шею этотъ мысленный удавъ новаго времени; — совершенно безсознательно и безотчетно, сами не зная, что мы это дѣлаемъ съ собой; — и только еще рвешся себѣ изо всѣхъ силъ, какъ бы намъ проникнуться вполнѣ свѣтомъ этого просвѣщенiя своего; какъ-бы только пропитаться имъ насквозь и только бы не отстать какъ нибудь отъ всѣхъ въ этомъ всеобщемъ увлеченiи влачимыхъ неудержимой силой вѣка (этой на столько переросшей его, — его самодѣльщиной); какъ бы, говорю, не отстать только отъ всѣхъ несущихся въ этомъ направленiи всеобщаго увлеченiя; — и это отъ всѣхъ, говорю; и это отъ такихъ рьяныхъ наѣздниковъ и партизановъ своего духа, которые въ силѣ всеобщности своей безпощадно честятъ и клеймятъ самымъ позорнымъ въ наше время именемъ — именемъ „отсталыхъ“ и „ретроградовъ“, всѣхъ не поспѣвающихъ за ду-

хомъ времени, за быстротой его безбрежнаго неудержимаго теченія въ потокѣ господствующаго направленія его . . .

Когда же тутъ поспѣть и посмѣть еще прежде посмотрѣть въ глаза этого свѣта или духа, и обратить еще вниманіе и на концы, или на ту сторону, куда глядятъ концы этого направленія его; когда даже еще и безъ нашего спроса и согласія, а не только и безъ нашего усердія въ содѣйствіи ему, этотъ потокъ темной силы сокрушительно, не преоборимо уноситъ у насъ все, — и всѣхъ оставляющихъ только мѣсто ему у себя въ потьмахъ безпомощной и слѣпой этой безсознательности нашей; въ отсутствіи, говорю, у насъ не только яснаго и опредѣленнаго, но въ отсутствіи и *всякаго сознанія* о томъ, какой это именно силѣ мы уступаемъ и поддаемся или и содѣйствуемъ еще всѣми силами своего усердія;—и въ какомъ это именно направленіи влачимся мы увлекаемые ею; и куда именно глядятъ концы этого направленія у насъ; — когда мы, говорю, и не подумаемъ остановиться на томъ, какое именно содержаніе и направленіе у насъ самаго духа или свѣта нашего просвѣщенія.

А въ этомъ только и состоитъ вся тайна силы и непреоборимости его и его господственнаго величія у насъ, говорю я. Ибо когда только — и кто только не осмѣлится, боясь безсмысленности въ смыслѣ или безсовѣстности въ разумѣ, не осмѣлится только рѣшиться отдаваться ему въ руки, или, вѣрнѣе сказать, только оставаться у него въ рукахъ, у этого свѣта просвѣщенія своего, *не посмотрѣвши прежде* свободно смѣло и разумно властно въ лицо этому (не для всѣхъ ослѣпительному) солнцу новаго вѣка, — тогда и у того, хотя и не будетъ конечно такъ, какъ это было тогда, когда „*ста* солнце прямо Гаваона и луна верху дебрей,“ — однакожъ будетъ такъ во всякомъ случаѣ, что уже въ его собственныхъ рукахъ *станетъ* оно тогда *только* сподручнымъ и послушнымъ орудіемъ его ума, — это прекрасное свѣтило новаго вѣка, очу-

тившись такимъ образомъ въ его собственномъ полномъ распоряженіи у него.

Но если такъ глубокознаменательна и такъ обязательна и для каждаго изъ насъ такая необходимая осмотрительность у насъ въ дѣлѣ самаго свѣта нашего современнаго; — если такъ явно неумолимо настоятельны требованія разума въ этомъ дѣлѣ для всѣхъ и для каждаго, говорю, кто сколько онъ только „въ здравомъ умѣ и въ твердой памяти": — (ибо какъ можетъ и не быть такой настоятельной требовательности въ дѣлѣ самой существенной и самой жизненной изъ всѣхъ человѣческихъ обязанностей, — въ обязанности говорю, — прежде всего строго осмотрительной и добросовѣстной внимательности къ дѣлу самаго свѣта своего; ибо какъ не понять и не допустить, или, вѣрнѣе сказать, куда и уйдти отъ неизбѣжнаго въ здравомъ смыслѣ сознанія того, что будетъ или чего и не можетъ не быть съ нами тогда, когда и самый свѣтъ, который въ насъ, будетъ у насъ тьма сущая).

Но если, говорю, это и не можетъ быть иначе для каждаго человѣка и про самаго себя, — если, какъ сказалъ я, такъ глубоко знаменательно и такъ обязательно для всѣхъ и для каждаго, такая строжайшая осмотрительность въ этомъ дѣлѣ естественно первой необходимости его разума у человѣка, какъ существа свободнаго въ своемъ разумѣ: — то, что сказать, и можно посудить и понять — какова и на сколько обязательна послѣ этого вопіющая необходимость такой страшной осмотрительности въ этомъ дѣлѣ для тѣхъ, кому на долю выпало дѣло воспитательнаго назначенія или по крайней мѣрѣ воспитательнаго вліянія въ обществѣ. А между тѣмъ и какова же мѣра у насъ нашей усыпленности въ нашъ вѣкъ и нашего небреженія объ этой первой, передовой, или какъ бы предварительной обязанности человѣческой у человѣка, предваряющей и предупреждающей у насъ и самую человѣчность или нечеловѣчность нашу предустроеніемъ самой возможности или невоз-

можности для насъ всего разумнаго, живаго человѣческаго..... Какова мѣра небреженія у насъ объ этой первочеловѣческой обязанности нашей, говорю, когда у насъ, передъ лицемъ всѣхъ насъ, въ нашемъ насущномъ свѣтѣ просвѣщенія такія противорѣчія въ разумѣ, такія противурѣчія нравственныя, такія противурѣчія между разумомъ и нравственностью, какъ опредѣленные симптомы тьми и разложенія умственнаго, — уже такъ отъявленно господственно, и уже наконецъ съ такимъ цинизмомъ выступаютъ въ немъ, въ этомъ насущномъ, говорю, руководственномъ свѣтѣ современной жизни нашей, въ этой живой силѣ вѣка; — и выступаютъ такимъ образомъ они въ этомъ насущномъ современномъ свѣтѣ просвѣщенія нашего, какъ характеристическія, существенныя черты его опредѣленія у насъ; по сему формально и рѣшительно открывающія и свидѣтельствующія, всякому сколько нибудь внимательному смыслу, какой это именно свѣтъ у насъ этотъ свѣтъ просвѣщенія современнаго . . . .

А между тѣмъ, и не смотря на то, что эти, говорю, твердо и ясно опредѣлившіяся въ немъ черты его собственной, его исключительной особенности, что всѣ эти безвыходныя и всёодуряющія противорѣчія являются у насъ въ немъ уже, такъ сказать, осязательно явственно и формально опредѣленными чертами тьмы опредѣленной и несомнѣнно явной: не смотря на это, эта неизобразимая и непроходимая тьма вѣка продолжаетъ у насъ всетаки не возбранно и безпрепятственно господственно стоять въ чинѣ руководственнаго свѣта нашего времени.

И такъ я только задаюсь опять своимъ вопросомъ — послѣ этого, т. е. и при такомъ насущномъ свѣтѣ просвѣщенія нашего, и при такой силѣ увлекательно поголовнаго небреженія у насъ объ этомъ,—какова и какая именно мѣра осмотрительности необходима для родителей у насъ, для честныхъ наставниковъ вообще, хочу я сказать; и особенно для попечительныхъ

правительствъ, на отвѣтственности которыхъ находится руководительство цѣлыхъ народовъ? —

А наконецъ, чтобы вполнѣ уже выговорить мнѣ то, что именно пуще всего и лежитъ у меня на сердцѣ теперь и къ чему и поспѣшаетъ у меня слово, на сію минуту — я долженъ откровенно сказать и о томъ наконецъ, что намъ особенно и пуще всего нельзя не трепетать за нашъ народъ теперь, именно на сію минуту, въ виду предстоящаго ему сближенія съ людьми просвѣщенія, съ которыми ему придется наконецъ смѣшаться и сойтись уже такъ тѣсно; въ виду того, хочу я сказать, неизбѣжнаго вліянія, какое будетъ имѣть общая воинская повинность на дѣло народнаго образованія въ виду цѣлонароднаго образовательнаго движенія, которое не можетъ не произойти въ народѣ, когда ему придется цѣлыми массами поперебывать на государственной службѣ,—что не можетъ же не выдвинуть его наконецъ изъ его по крайней мѣрѣ, такъ сказать, непочатаго непосредственнаго состоянія. —

Какая же страшная бѣда грозитъ при этомъ народу нашему, если при нашемъ современномъ просвѣщеніи будетъ допущена хотя малѣйшая непредусмотрительность и неосторожность во время такого торжественнаго и рѣшительнаго акта въ его народной жизни. И какая по сему величайшая отвѣтственность за всякое упущеніе при этомъ лежитъ у насъ — и это уже конечно не на одномъ только правительствѣ; не могу не высказать и этой мысли, потому что невозможно требовать всего отъ одного только правительства, особенно въ такомъ цѣлонародномъ дѣлѣ и еще въ самомъ животрепещущемъ дѣлѣ его; да еще въ виду и той опасности нельзя не прибавить и этаго, потому что мы вовсе не намѣрены говорить на вѣтеръ, въ сферѣ одной отвлеченности только, помимо всей присущей намъ дѣйствительности, а въ мірѣ насущной дѣйствительности нашей намъ нельзя не имѣть дѣла съ той живой и дѣйствительной опасностью, чтобы это самое жгучее дѣло минуты не

попало у насъ въ руки тѣхъ извѣстнаго направленія не прошенныхъ печальниковъ нашего народнаго образованія у насъ, которые у насъ всегда сильнѣе насъ и это не въ числѣ только, но и въ самомъ духѣ ихъ, (хотя это и въ духѣ самаго безсилья), но всегда сильнѣе у насъ они въ своемъ, чѣмъ мы въ своемъ духѣ, (хотя это и въ духѣ силы), по крайней мѣрѣ безъ сравненія ретивѣе насъ они всегда, хотя и это тоже неудивительно, потому что у насъ одинъ двигатель, въ дѣлѣ свѣта, — это только совѣсть наша, совѣсть въ разумѣ и чувствѣ, а они тутъ ловятъ попутнаго вѣтра и на этомъ вертятся у нихъ всѣ ихъ расчеты; а искренность совѣсти поспѣетъ ли за страстью и за пропогандой; поэтому они всегда и забѣгаютъ у насъ впередъ и, предупреждая насъ, они и теперь уже изъ кожи рвутся, какъ бы дорваться имъ у насъ до народа нашего; и мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ такими личностями и теперь уже; но теперь мы, а не народъ, теперь еще неподвижный и слишкомъ недоступный для ихъ экспериментовъ; а тогда какъ народъ нашъ будетъ такимъ образомъ, говорю, такъ сказать сдвинутъ съ мѣста своего непосредственнаго стоянія въ непочатомъ состояніи его, тогда на сколько онъ долженъ будетъ сдѣлаться впечатлительнѣе и воспріимчивѣе у насъ въ новомъ уже естественно болѣе подвижномъ состояніи своемъ, разъ сдвинутый уже съ мѣста своей неподвижности; и на сколько сдѣлается онъ, говорю, сподручнѣе у насъ тогда и для этихъ рыцарей тенденціозной пропоганды нашей, для этихъ, говорю, гуманныхъ героевъ, печальниковъ у насъ нашего народнаго образованія. Но мы, конечно, говоря все это, не упускаемъ изъ виду и того, что если они и сильнѣе насъ можетъ быть и числомъ, а во всякомъ случаѣ и неугомонной ретивостью своей; но за то сила самой истины на столько превосходитъ всю силу, всѣхъ тенденціозныхъ лжей и заблужденій, что и вся сила ихъ союза, союза этихъ лжей и заблужденій и съ численною силою и съ силой всякой личной ретивости не мо-

жетъ постоять у насъ передъ лицомъ силы самой истины; но не забудемъ мы и того однакожъ, что всепоборающая сила истины снисходительно — Божественно сама нуждается у насъ въ одномъ — это въ правдѣ искренности ея свободныхъ свидѣтелей. А наконецъ не можемъ и не должны мы забывать и упускать изъ виду и того, какъ сказалъ я,—что одно правительство, безъ живой поддержки дружнаго общественнаго содѣйствія ему всѣхъ честныхъ просвѣщенныхъ силъ народа, какъ и что оно подѣлаетъ и что оно можетъ сдѣлать у насъ даже и съ одними этими назойливыми рыцарями пропаганды нашей? Ибо чего ему можно добиться и достичь и что оно можетъ успѣть съ однимъ механизмомъ своихъ оффиціальныхъ мѣропріятій и съ одной этой своей безсильной репрессивной силой, безъ того, что составляетъ душу всего этого, т. е. безъ живаго и вседѣйственнаго участія во всѣхъ его дѣйствіяхъ всѣхъ честныхъ силъ общественныхъ; безъ такого вседѣйственнаго, говорю, содѣйствія ему общественнаго во всѣхъ его живыхъ и жизненныхъ интересахъ и цѣляхъ, — и это конечно въ силѣ глубокосознательнаго сочувствія ему общественнаго во всемъ, и особенно какъ этому и быть иначе въ этомъ, говорю, приближающемся къ намъ великомъ цѣлонародномъ уже, а потому уже и совершенно общемъ ихъ дѣлѣ у нихъ, у правительства и у общества; въ этомъ приближающемся къ намъ времени, говорю, когда народъ нашъ, поднятый у насъ съ мѣста вѣковой неподвижности своей и поставленный передъ лицомъ мироваго движенія общественнаго и мысленнаго, наконецъ обратится къ намъ естественно во всей силѣ неразвитости своей умственной и будетъ смотрѣть у насъ изъ рукъ въ насущныхъ потребностяхъ своего образованія.

Что же тогда на этотъ запросъ нужды народной мы можемъ предложить ему сознательно выработаннаго у насъ и опредѣленно состоявшагося въ нашемъ мысленномъ и нравственномъ мірѣ во свѣтѣ современнаго просвѣщенія нашего? И куда

именно тогда мы примемъ его у себя, — въ какой это именно свѣтъ просвѣщенія своего введемъ мы его и чѣмъ именно учредимъ и угостимъ его у себя тамъ: — мы, хозяева этого свѣта нашего, у насъ — всѣ честныя образованныя силы Россіи, вотъ вопросъ?!?

Ибо всѣ честныя образованныя силы народныя, какъ сказалъ я, — естественно и по совѣсти не могутъ и не должны быть чуждыми у насъ требованіямъ этого великаго дѣла.

Но могутъ ли они и оставаться у насъ праздными послѣ этого при такомъ насущномъ свѣтѣ просвѣщенія нашего современнаго, въ виду этого такимъ образомъ подвигающагося къ намъ дѣла, чтобы тогда, когда уже наступитъ время его, быть имъ въ состояніи у насъ искренно и честно разрѣшить этотъ вопросъ?

Могутъ ли онѣ послѣ этого, говорю я, и теперь уже оставаться у насъ праздными и въ виду только еще надвигающейся на насъ требовательности этого дѣла, передъ лицомъ, говорю, и самаго только приближенія ея къ намъ, когда мы живемъ на канунѣ того, что этотъ запросъ нужды народной такимъ образомъ не сегодня—завтра долженъ будетъ вырости передъ нами во всей его естественной величинѣ и силѣ?

И такъ, нѣтъ ли, говорю я, намъ дѣла *и теперь уже* и только наканунѣ еще этого великаго дѣла, чтобы тогда, когда наступитъ время — не отступить намъ передъ явившимся уже запросомъ такой нужды народной?

А между тѣмъ, замѣтимъ мимоходомъ, что у извѣстныхъ печальниковъ нашего народнаго образованія есть свое, — уже давно сформировавшееся, твердоопредѣленное parti pris въ ихъ тенденціозной пропогандѣ. . . . .

Но намъ, чтобы быть готовыми и способными дать опредѣленный отвѣтъ на этотъ запросъ народный, —намъ надо еще прежде всего для самихъ себя искренно и честно разобраться дома у себя въ отношеніи *къ нашему* собственному свѣту у

насъ; разобраться, говорю, въ себѣ самихъ *и дать себѣ отчетъ*, во чтобы то ни стало, сознательно опредѣленный, ясный и твердый въ насущномъ свѣтѣ нашего современнаго просвѣщенія у насъ, чтобы такимъ образомъ дѣйствительно, искренно и честно разобраться наконецъ и съ своимъ наличнымъ свѣтомъ разума и жизни.

И это отнюдь конечно, говорю, не во первыхъ по требованію нужды народной..... Ибо кто самъ для себя, у себя дома; (внутри себя), не пойметъ и не найдетъ надобности въ этомъ, въ этой такой разборкѣ для себя самаго, у того откуда же возмется искренность въ дѣлѣ засвидѣтельствованія этой надобности передъ народомъ? А безъ такого всесущественнаго, живаго и искренняго неравнодушія къ дѣлу своего свѣта, а потому и безъ возможности твердо сознательнаго, несомнѣннаго стоянія во свѣтѣ какъ во свѣтѣ — все мертво и неодушевленно и все темно и извращено неизбѣжно всегда во всякомъ quasi свѣтѣ какъ бы то ни было блистательнаго просвѣщенія, но блистательнаго всегда только по наружности безъ этого.

И такъ хотя во первыхъ для себя, но во всякомъ случаѣ однакожъ по совѣсти, по чувству и по разуму такимъ образомъ *все и со всѣхъ* сторонъ окружаетъ насъ, тѣснитъ и загоняетъ все туда-же: и настоятельныя требованія обстоятельствъ времени, говорю, такъ же какъ и вопіющія требованія самаго разума торжественно поставляютъ насъ неумолимо обязательно для насъ, сколько есть только у насъ смысла въ совѣсти и честности въ разумѣ и чувствѣ,—неумолимо обязательно *поставляютъ насъ все передъ лицомъ* той же самой страшной необходимости нашей оглянуться намъ у себя *на свой мысленный міръ*, и строго серьезно осмотрительно разобраться наконецъ съ самымъ свѣтомъ или духомъ своего насущнаго просвѣщенія.

Все поставляетъ насъ, говорю, передъ лицомъ этой страш-

ной необходимости остановиться наконецъ на самомъ *духѣ* или *содержаніи* его самаго у себя, этого свѣта просвѣщенія своего и въ немъ это самомъ и дать себѣ отчетъ опредѣленный, ясный и твердый; — чтобы такимъ образомъ уже послѣ этого отнюдь и ни подъ какимъ видомъ не оставаться болѣе безразборчиво во свѣтѣ этаго насущнаго просвѣщенія своего жалкими, тупыми и безсильными рабами роковыхъ приговоровъ темнаго и нахально-невѣжественнаго направленія его,— этаго квази свѣта просвѣщенія своего, уже съ наглымъ цинизмомъ наконецъ выставляющаго у нась нынче свое «*рѣшительное непониманіе ни чего*» *въ дѣлѣ самой истины* (абсолютной истины, конечно) за современный девизъ свой (а вѣдь это есть, говоря по просту и не для смѣху, и безъ насмѣшки, а серьезно и на общепонятномъ языкѣ: *въ дѣлѣ разума и совѣсти, господа!)*.

Все заставляетъ насъ, говорю, остановиться наконецъ на самомъ этомъ разсмотрѣніи самаго свѣта просвѣщенія своего, чтобы какъ мы сейчасъ сказали не оставаться намъ болѣе слѣпыми и безусловными рабами, какого ни на есть его и направленія и духа, какъ это было у насъ до сихъ поръ во все время вѣковаго нашего отчаяннаго небреженія объ истинѣ самой, дошедшаго у насъ и доведшаго насъ во свѣтѣ просвѣщенія нашего этимъ самымъ равнодушіемъ къ истинѣ и проникнутаго какъ цѣлымъ его духомъ у насъ, и насъ пропитавшаго имъ это въ себѣ по роду своему до того, что мы, люди просвѣщенія, на голосъ этого равнодушія къ истинѣ какъ на голосъ или въ тонъ, самаго, говорю, духа свѣта просвѣщенія своего, отъявленно заявляли уже о себѣ; и заявляли это какъ принципъ своего духа въ духѣ этого просвѣщенія своего,— какъ бы износя въ этомъ заявленіи своемъ живую силу цѣлаго содержанія всей его догмы у себя: заявляли смѣло и надмѣнно «что это и не по нашей части у насъ всё, что касается до истины самой» — (до абсолютной истины, говорю),—на чемъ

свѣтъ стоитъ отъявленно заявляя и *исповѣдуя* у себя это такъ, какъ будто-бы вынося такимъ образомъ въ этомъ заявленіи весь духъ своего свѣта просвѣщенія, въ силѣ своего чувства у себя того, что мы её знать не хотимъ, какая она есть сама истина.

И это на основаніи всѣхъ принциповъ и тенденцій самаго свѣта просвѣщенія, и по всѣмъ правиламъ его искуства современнаго у насъ; соотвѣтственной всѣмъ его цѣлямъ, видамъ и и тересамъ и въ силу цѣлаго всего вліянія его на насъ (*).

И я только спрошу теперь и отдаю это на судъ всего безпристрастія и искренности: въ такомъ третированіи её en canaille, — въ вымѣренной мною такимъ образомъ, мѣрѣ пренебреженія съ какимъ относятся у насъ къ истинѣ самой (къ ее дѣлу и къ дѣлу свѣта её самой у насъ) уловилъ ли я и выразумѣлъ ли духъ нашего просвѣщеннаго времени (уже совершенно потерявшаго у насъ даже всякое понятіе о живомъ неравнодушіи къ истинѣ, что оно есть — и каково оно есть, въ самомъ себѣ, — до того, что уже у насъ, какъ цѣлое дѣло его самаго понимается, и содержится нами, подъ его собственнымъ именемъ, подъ именемъ самаго неравнодушія къ истинѣ, какое нибудь одно это борзорыцарствованіе наше противъ ка-

---

(*) Хотя въ этомъ — такомъ барзоисповѣданіи нашемъ и запутывается у насъ языкъ нашъ современной — и зацѣпляется у насъ какъ то неловко за слова совершенно несходныя у насъ, и даже совершенно противоположныя — съ силою такого исповѣданія всей силы и всецѣлаго содержанія — нашего современнаго направленія и духа, но за слова однако же самыя изящныя и самыя излюбленныя вѣкомъ (особеннымъ любителемъ у насъ красивыхъ словъ): ибо это именно за слова самой — будто бы любви нашей къ истинѣ. —

И хотя эти слова какъ слова — и уживаются у насъ легко и удобно въ фальшѣ вѣка (насущной у него въ силѣ его равнодушія къ истинѣ) уживаются, говорю, легко и удобно у насъ съ жизненнымъ противурѣчіемъ имъ у насъ всего на дѣлѣ жизни нашей — современной; но самое то слово исповѣданія нашего встрѣчается у насъ съ этими словами излюбленными вѣкомъ уже какъ съ явно видимымъ противурѣчьемъ; ибо уже слова съ словами сталкиваясь и разлѣтаются у насъ въ розь уморительно обидно.

кихъ нибудь уже отжившихъ вѣкъ свой лжей и заблужденій, на чемъ мы и думаемъ выѣзжать наконецъ какъ на самой любви къ истинѣ).

Уловилъ ли я, говорю, въ этой такимъ образомъ вымѣренной мною мѣрѣ — нашего равнодушія къ истинѣ *знаменіе времени*, и выразумѣлъ ли духъ нашего просвѣщеннаго вѣка и самаго просвѣщенія нашего; — попалъ ли я впопадъ, и напалъ ли на слѣдъ, вѣрно услѣдивъ его такимъ образомъ по всѣмъ его слѣдамъ, — улучивъ въ этомъ всецѣлое опредѣленіе всего направленія самаго духа нашего у насъ въ свѣтѣ этаго насущнаго просвѣщенія нашего, похваляющагося у насъ своимъ небрежніемъ о дѣлѣ истины самой,—какъ высочайшимъ тактомъ своимъ или высшимъ актомъ своей силы и мѣры своей свѣтлости, своей чуждости всѣмъ предразсудкамъ и своей свободы отъ всѣхъ былыхъ закорѣнелыхъ предубѣжденій человѣчества?...

И смѣло и спокойно похваляется у насъ этимъ свѣтъ нашего просвѣщенія, какъ стоящій у насъ твердо и на твердой почвѣ серьезно чувствуемой нами въ немъ серьезности своей въ области великой утилитарной ограниченности нашей, ограниченной у насъ и ограничивающей насъ во свѣтѣ просвѣщенія нашею такою узкостью расчетовъ барышей однихъ, что этотъ нашъ насущный свѣтъ и узаконяетъ уже у насъ зависимость нашего ума и самой истины отъ рабства нашего (въ этомъ царствѣ безграничной силы утилитарности въ наше время) отъ рабства нашего всѣмъ чуждымъ, внѣшнимъ и стороннимъ для истины и для её свѣта вліяніемъ на насъ и на нее у насъ совнѣ — чего бы то ни было, но всё болѣе дорогаго — намъ чѣмъ сама истина, такой наличной цѣною, оцѣненная у насъ во свѣтѣ современнаго просвѣщенія нашего.—

И такъ вотъ какъ всей силой разума и совѣсти, и всѣми требованіями времени и всего положенія нашего во свѣтѣ просвѣщенія мы поставляемся передъ лицомъ этой вопіющей не-

избѣжной необходимости во чтобы то ни стало дать наконецъ отчетъ себѣ въ своемъ собственномъ насущномъ свѣтѣ просвѣщенія у себя, въ томъ, говорю, *какой* это именно свѣтъ у насъ.

Но разъ поставленные ужъ такимъ образомъ, съ такой неотразимой силою передъ лицомъ страшной живой и вопіющей необходимости этой разобраться намъ со свѣтомъ просвѣщенія своего; — такимъ образомъ лицемъ къ лицу неотвратимо и неуклонно стоящіе уже передъ лицомъ её, какъ окруженные со всѣхъ сторонъ нравственной невозможностью болѣе для разума разумныхъ въ наше время уклоняться отъ лица этой необходимости, не отрекаясь уже за знамо́ и сознательно отъ самаго разума и отъ совѣсти: — такимъ образомъ, говорю, уже такъ неуклонно стоящіе передъ лицомъ такой неотразимой необходимости нашей — во что бы то ни стало внести свѣтъ здравой критики въ изслѣдованіе самаго свѣта просвѣщенія своего: мы не можемъ однакожъ не замѣтить при этомъ — и того уже, что какъ только остановились мы такимъ образомъ на этой вопіющей необходимости нашей, какъ только стали мы передъ лицомъ её, т. е. какъ только обратили мы въ эту сторону *вниманіе наше*, такъ этимъ самымъ уже мы не только вызвали на брань, — но уже *и вступили въ борьбу* со всѣми темными силами вѣка, и не только въ лицо уже противостали мы это такимъ образомъ; но уже и опрокинули и однимъ этимъ мы самую передовую силу всей тьмы вѣка; а вмѣстѣ съ тѣмъ тѣмъ самымъ уже съ перваго же шагу обезпечили за собой такимъ образомъ и полную побѣду, какъ состоящую—всю въ тайнѣ трезваго вниманія, какъ ясно мы увидимъ это далѣе; — и какъ твердо извѣстно это всѣмъ не небрегующимъ о дѣлѣ разума; ибо для нихъ извѣстно явно, что вся сила свѣта и всей его побѣды надъ страшной властью тьмы всегда — вся въ силѣ откровеній, этаго вниманія трезваго, раскрыть которыхъ этихъ откровеній нашего

вниманія; — вотъ что поэтому и будетъ составлять предметъ — настоящаго сочиненія нашего.—

Ибо какъ и сказали уже мы съ самаго начала: просвѣщеніе наше, которымъ такъ безсмысленно рвались мы только проникнуться и пропитаться имъ насквозь, — безъ разбору и безъ оглядки на то, *чѣмъ* это именно, это просвѣщеніе наше, говорю, очевидно покрываемое только *невниманіемъ* нашимъ къ самому содержанію и направленію его духа или свѣта и могло такъ держаться и продержаться у насъ въ чинѣ руководственнаго свѣта нашего, т. е. только такимъ образомъ и могли такъ легко . . . . . укрываться у насъ въ немъ отъ насъ и сходить ему съ рукъ у насъ всѣ темныя продѣлки его тьмы, смѣло и свободно выдѣлываемыя въ немъ, такъ безнаказанно у насъ, какъ дѣло самаго свѣта (и это въ самыхъ коренныхъ и безусловно существенныхъ отправленіяхъ его жизни и силы); конечно это могло быть такъ, говорю, только передъ лицомъ такого полнаго былаго невниманія нашего къ тому, — *что это именно выдѣлывается у насъ* въ самомъ духѣ просвѣщенія нашего подъ видомъ или подъ именемъ свѣта, — и еще руководственнаго свѣта у насъ разума и жизни.

Такъ что одно это самое невниманіе вѣка къ тому, — какой именно разумъ истины, — какъ истое содержаніе свѣта содержится въ свѣтѣ современнаго просвѣщенія нашего, оно это само, *одно это самое невниманіе* наше и есть у насъ во свѣтѣ современнаго просвѣщенія нашего *та самая передовая сила его* или то его *носило* у насъ, — то не свѣтлое только — *облако*, носящее его у насъ какъ выносящее на себѣ всю вмѣстимость у насъ въ немъ, — всю вмѣстимость въ разумѣ людей просвѣщенія всѣхъ этихъ дикихъ и иначе никакъ не вмѣстимыхъ конечно ни въ какомъ разумѣ несообразностей и противорѣчій содержащихся у насъ во свѣтѣ наличнаго современнаго просвѣщенія нашего, во всей силѣ его прогресса и всего процвѣтанія у насъ всѣхъ этихъ по виду свѣтовидныхъ отпра-

вленій онаго. —Хотя, какъ мы увидимъ далѣе, — эта она же эта мутность мысленная — этаго тупаго, и все притупляющаго въ разумѣ и въ совѣсти и въ чувствѣ невниманія нашего или нашего равнодушія и нашей безъучастности къ дѣлу самаго свѣта у себя, — она же это есть — и тотъ самый мысленный (или безсмысленной) элементъ, — который растворяетъ и претворяетъ у насъ и всё содержаніе мысленнаго міра, все умственное состояніе нашего времени въ ту жидкость мысленную, самая слитность которой уже и пропускаетъ и допускаетъ у насъ разтвореніе и всякаго нестроенія мысленнаго и нравственнаго; хотя она же эта за то, эта жидкость мысленная и переливается у насъ въ этомъ разливанномъ морѣ нашего современнаго просвѣщенія: — такъ легко и эластично, такими волнами свѣта на взглядъ нашихъ современниковъ.

И такъ вотъ какая это передовая сила современной тьмы нашей естественно такимъ образомъ обращена нами въ ничто — и однимъ только обращеніемъ вниманія на самой этотъ свѣтъ насущный вѣка; на самой духъ или содержаніе этаго современнаго просвѣщенія нашего. —

Но что подѣлается и что станется у насъ при этомъ и *со всѣми* темными отправленіями этого лжесвѣта, этой мысленной тьмы нашей, этаго вседѣятельнаго духа просвѣщенія, говорю, когда отнимется отсюда всё покрывающій у насъ здѣсь покровомъ своимъ, и такъ все рѣшающій здѣсь элементъ невниманія нашего; — когда силою вниманія, говорю, такъ всесильно разсѣкающаго въ мірѣ мысленномъ неразрывной безъ него — кровный союзъ лукавства съ невниманіемъ (всегда неизбѣжный въ потьмахъ безумства всякаго обмана, лжи и заблужденія), когда силою вниманія, разсѣкающаго этотъ союзъ самымъ *умерщвленіемъ* одного изъ союзниковъ и раззореніемъ до тла другаго (вовсеобнаженности онаго — безъ покрововъ невниманія), — когда, говорю, силою этого вниманія вызовется и поставится — такимъ образомъ передъ лицомъ его —

не лицевая сторона всей слитной безразборчивости безобразія — всего смѣшенія вещей, царствующаго такъ безпрепятственно въ этой путаницѣ мысленной у насъ подъ кровомъ невниманія нашего во свѣтѣ современнаго просвѣщенія. И когда такимъ образомъ, сила этого вниманія порализируя всѣ силы тьмы не отразимою уликой у неё её лукавства (явнаго конечно для вниманія въ безумствѣ всякой лжи и заблужденія), неодолимо сокрушительно отниметъ такимъ образомъ у тьмы всѣ способы ее и средства на извращеніе и разстройство всѣхъ нашихъ силъ: а потому что станется уже тогда, говорю, со всею силой этой путаницы мысленной — когда уже въ разумномъ естествѣ возставшемъ такимъ образомъ во всей силѣ (какъ возвратившемъ себѣ все употребленіе силъ своихъ, освобожденныхъ у него въ силѣ этого вниманія отъ ига неестественной и убійственной для него тьмы) — жизнь заживетъ уже и уже засвѣтится свѣтъ такимъ образомъ неудержимо безпрепятственно, въ свободѣ силъ разумныхъ, ожившихъ, говорю, въ силѣ вниманія; — въ этой силѣ — способной творить чудеса, — какъ извѣстно это извѣдавшимъ его силу.

Что станется тогда, говорю, и со всѣми темными построеніями невниманія и что отъ нихъ останется у насъ тогда!

Ибо какъ и одно присутствіе свѣта—есть уже отсутствіе тьмы, такъ и въ присутствіи вниманія, говорю, всѣ жалкія плоды и слѣдствія и порожденія невниманія, какъ несуществующаго болѣе при семъ,—лишенные поддержки этой силы своего безсилія — чѣмъ могутъ и держаться и во что должны превратиться у насъ безъ него!?!

Но не станемъ забѣгать впередъ, заранѣе предупреждая — о чудесахъ вниманія; и оставимъ это на усмотрѣніе самихъ смотрящихъ на дѣла его, на дѣла этого всесущественнаго и цѣложизненнаго вниманія къ дѣлу самаго свѣта своего. А мы теперь займемся своимъ дѣломъ; ибо мы предположили себѣ обратить и остановить вниманіе нашихъ читателей, на чуде-

сахъ особаго — другаго роду, а именно на чудесахъ великаго прогресса у насъ, нашего современнаго просвѣщенія.

Но и не забѣгая далеко впередъ, — уже и въ предстоящей нашимъ глазамъ самой встрѣчѣ, — этаго разливаннаго моря свѣта современнаго просвѣщенія нашего — съ волнами свѣта новаго иного рода; а именно со свѣтомъ здравой критики и его самаго; и самаго этаго насущнаго свѣта просвѣщенія нашего и смотря съ точки зрѣнія анализа только самаго этаго встрѣчнаго девятаго вала, до чего и дошли уже мы; — и остановясь только на этой точкѣ зрѣнія, уже мы можемъ посудить о томъ однакожъ, — на чемъ и не мѣшаетъ намъ еще остановиться здѣсь, чтобы вынести отсюда и еще нѣкоторый нужный намъ свѣтъ, для освѣщенія *самаго* дѣла нашего смотрѣнія, нашего анализа, говорю, и разсмотрѣнія, самаго свѣта просвѣщенія нашего; мы можемъ уже посудить, говорю, о томъ, какъ и при первомъ же серьезномъ обращеніи вниманія на всѣ эти некрѣпкія построенія и мертворожденныя порожденія тьмы нашей мысленной, — такъ царственно-вѣнчанной у насъ подъ сѣнью невниманія нашего, — великимъ званіемъ — свѣта мысленнаго (свѣта просвѣщенія нашего у насъ), какъ при первомъ же серьезномъ взглядѣ, говорю, на дѣло этой тьмы не можетъ не открыться намъ и не остановить всего вниманія нашего здѣсь при этомъ, въ этой *лукавой слитности* тьмы нашей современной — самое присутствіе здѣсь этаго самаго *лукавства*, говорю, въ этой насущной у насъ тьмѣ естества нашего, какъ въ тьмѣ всегда и неотразимо неизбѣжно лукавой у существа разумнаго.

Такъ какъ разумному безумно оставаться во тьмѣ — естественно *иначе* нев озможно — потому что безсмысленность безумства человѣческаго и можетъ состоять и состояться у человѣка — только въ одной несостоятельной у него — самодѣятельности его разума, — какъ нибудь, въ чемъ нибудь и почему нибудь — не вполнѣ самостоятельно свободнаго и само-

бытнаго въ своей дѣятельности во всѣхъ отправленіяхъ этаго его безумства у человѣка; безумства по сему и возможнаго только у человѣка, ибо корова не безумствуетъ и оставаясь безъ ума,—ибо она только корова; а человѣкъ можетъ безумно безъ ума и дѣйствовать и жить *по собственной только винѣ* не употребленія въ дѣло своего разума; — и такъ *преступно* наступая только на свою собственную разумную природу у себя; — не *естественно*, разумной безумно обходясь въ своихъ дѣйствіяхъ безъ употребленія въ дѣло разума.

И такимъ только образомъ, преступно; говорю, *лукаво безсловесно уже* и попираются у него или имъ законы его разума во всей безсмысленности тьмы у человѣка, — въ его уже и нехотя тогда, невольно и неизбѣжно, говорю, — лукаво безсловесныхъ такимъ образомъ и жизни и дѣлахъ его.

Такъ что въ безумствѣ заблужденія человѣческаго и различается всегда, не одно только произвольное у него неупотребленіе въ дѣло разума, но и невольное уже при этомъ у него лукавство — малодушно криводушнаго *злоупотребленія* онаго; и если первое, (въ его безумствѣ) — и есть его вина *источная* всѣхъ золъ его, за то второе, это казнь уже виновнаго ума, въ этой *лукавой* ужъ безсмысленности тьмы и состоящая, — и составляющая самую суть онаго безумства и самую дѣйствительность зла его у человѣка.

Но здѣсь не мѣсто намъ конечно входить въ подробности теоретическаго изслѣдованія дѣла тьмы; и мы только вскользь и мимоходомъ здѣсь коснулись этаго, чтобы только указать — какъ нашъ критическій анализъ безумства насущной тьмы вѣка (т. е. тьмы этаго лжесвѣта просвѣщенія нашего) — долженъ неминуемо встрѣтиться у насъ, естественно и не съ однимъ только сномъ невниманія ума, — но и съ этимъ, неразлучнымъ съ сномъ его, и дѣятельнымъ элементомъ всѣхъ сонныхъ отправленій онаго, — т. е. и съ этимъ, говорю, малодушнымъ криводушіемъ его лукавства; которое и движется

свободно въ немъ и движетъ безпрепятственно — всегда умъ сонной. —

И вотъ послѣ какихъ объясненій, я возвращусь теперь къ тому, что было сказано мной прежде о знаменательномъ направленіи или о самомъ духѣ нашего просвѣщеннаго времени, взвѣшенномъ и вымѣренномъ нами, какъ въ цѣлой силѣ содержанія и направленія его — опредѣленною нами тогда мѣрою его равнодушія къ истинѣ. —

И если можетъ быть кого нибудь остановило и поразило тогда — указанное нами наличное отношеніе нашего вѣка къ истинѣ во свѣтѣ просвѣщенія его; — если могло кому нибудь тогда и показаться даже можетъ быть — и преувеличенымъ у насъ — это указаніе наше, то мы должны теперь оговориться, что тогда мы ограничились указаніемъ и такой только мѣры его у насъ; этаго наличнаго отношенія нашего къ истинѣ, и остановились только на томъ, что было сказано нами тогда, не прибавля я къ этому ничего болѣе въ то время; — что и это мы сдѣлали тогда потому только, — что мы сочли за лучшее только послѣ вышеприведенныхъ нами сейчасъ объясненій прибавить къ этому и еще то: — *что и это самое небреженіе наше* съ какимъ мы относимся къ истинѣ во свѣтѣ просвѣщенія своего; и все наше равнодушіе къ ней, и вся наша безразборчивость въ ней и въ дѣлѣ свѣта своего, и самое невниманіе наше къ самому духу или направленію наличнаго свѣта своего, что и это самое, — и все это еще не то, что есть самаго худшаго у насъ въ отношеніи къ истинѣ во свѣтѣ современнаго просвѣщенія нашего. —

Ибо едва ли можетъ утаиться отъ кого нибудь въ наше время, — та затаенная, но дурно скрываемая у насъ — озлобленность уже — съ какою наше время прямо ополчается уже у насъ лукаво противъ истины; и хотя эта озлобленность и маскируется у насъ всячески — но не укрыться ей, конечно, отъ глазъ по крайней мѣрѣ того серьезнаго вниманія какое вызы-

вается естественно наличнымъ состоянiемъ свѣта просвѣщенiя нашего у добросовѣстно недремленныхъ умовъ не безъучастныхъ къ дѣлу свѣта своего, — отъ коихъ по сему не можетъ, говорю, утаиться какъ во свѣтѣ современнаго просвѣщенiя нашего у насъ дѣло видимо неограничивается однимъ только равнодушiемъ къ истинѣ, а очевидно, что эта самая у насъ такимъ образомъ затаенная озлобленность противъ нее: явно она уже это именно и составляетъ у нашего времени, самую душу его цивилизацiи. —

Такъ что лукаво изухищренными только мѣропрiятiями — этаго самаго чувства ощутительнаго озлобленiя противъ истины, хотя и фигурирующаго у насъ въ объятiяхъ его съ общей безразборчивостью нашей въ дѣлѣ свѣта; — этимъ только однимъ вполнѣ и опредѣляется уже у насъ, весь характеръ насущнаго просвѣщенiя нашего просвѣщеннаго времени, — о всесилiи всѣхъ активныхъ силъ этаго квази свѣта нашего, озлобленно ополчившагося у насъ противу чуть чуть что небезпомощною такимъ образомъ оставляемой у насъ истины.

Ибо неявно ли для всѣхъ и мало мальски не совсѣмъ безоглядныхъ — проглядываетъ, говорю, это лукавое возстанiе противъ истины у насъ во всемъ настроенiи и въ цѣломъ духѣ свѣта современнаго просвѣщенiя, во всѣхъ отношенiяхъ его къ истинѣ; не явно ли проглядываетъ и шевѣлится у насъ тамъ далеко не одно пасивное только нѣчто, далеко не одно только равнодушiе наше къ ней, говорю, — а что то видимо, ощутительно горячее, живое, неспокойное, — хотя и пуще всего прикрывающееся у насъ всячески, — наружностiю и видомъ, — спокойнаго достоинства; — но и въ такомъ своемъ видѣ или нарядѣ, оно не можетъ утаиться, говорю, отъ внимательныхъ у насъ *къ дѣлу своего свѣта*, — *къ дѣлу разума*; такъ и на столько не упускающихъ и не могущихъ упустить этого изъ виду; что для нихъ, для внимательно слѣдящихъ за всѣмъ ходомъ дѣла (и особенно для наблюдающихъ внима-

тельно и за всею закулисной процедурой этого дѣла свѣта просвѣщенія во всѣхъ пріемахъ самаго искуства построенія его, и во всей постановкѣ у насъ этаго такого дѣла свѣта нашего), для нихъ явно видимо уже, что и самое то равнодушіе наше къ истинѣ, что и оно само и это истое, *даже наглядно видимое* уже у насъ содержаніе или духъ и всецѣлое направленіе наше во свѣтѣ современнаго просвѣщенія нашего, что и оно само у насъ есть нѣчто напускное только и насквозь пронизанное иной, и его самаго у насъ и возбуждающей и проникающею силой.

Такъ, что для глазъ внимательнаго (и нѣсколько опытнаго) наблюдателя вся просвѣщенная современность наша такимъ образомъ и оказывается вся охваченной у насъ или проникнутой и самымъ равнодушіемъ къ истинѣ въ насущной безразборчивости нашей въ ней — видимо какъ дѣломъ иной силы—и явно подъ давленіемъ инаго болѣе активнаго элемента нашего свѣта, — и задумающаго именно и усыпляющаго въ насъ всякое живое неравнодушіе наше къ ней, что и естественно вполнѣ: ибо какъ дѣло соннаго ума у насъ всегда его лукавство — неизбѣжное, — такъ первая работа нашего лукавства у насъ всегда оправдывать и ограждать спокойной сонъ ума.—

И вотъ уже этотъ то активной элементъ, говорю, и движется и движетъ и производитъ все невидимо, — и въ этомъ видимомъ у насъ — пасивномъ будто-бы повидимому современномъ поголовномъ равнодушіи нашемъ къ истинѣ. И хотя въ объятіяхъ этого равнодушія нашего но онъ это самъ, этотъ активной уже элементъ, самъ онъ, говорю, и процвѣтаетъ у насъ и преуспѣваетъ и удовлетворяется и доростаетъ безпрепятственно благополучно, до своихъ громадныхъ размѣровъ у насъ въ такомъ великомъ прогрессѣ нашей цивилизаціи; и оплодотворяетъ у насъ наконецъ духъ нашей просвѣщенной современности всѣми великими дарами своими умственными

и нравственными, которыми такъ богата и такъ славится и сіяетъ — просвѣщенная современность наша во свѣтѣ *такимъ образомъ* просвѣщеннаго у насъ въ ней разума нашего.

Но хотя невидимо, говорю, — подъ шумокъ и этаго видимаго безсилія умственнаго — хозяйничаетъ онъ и здѣсь у насъ, — этотъ активной элементъ нашего свѣта, и въ этомъ самомъ, говорю, повальномъ въ наше просвѣщенное время—равнодушіи нашемъ къ истинѣ;—*но видимо — уже* и во всей своей силѣ сосредоточивается онъ, этотъ активной элементъ у насъ въ самомъ величіи великихъ собственно его носителей у насъ,—такимъ образомъ лично въ силѣ своего собственнаго духа и предносящихъ намъ или у насъ — его это, —этотъ насущный свѣтъ вѣка, въ этой великой современной цивилизаціи нашей; и это такимъ образомъ, т. е. всецѣло, говорю, сосредоточивается онъ не въ лицѣ однихъ только передовыхъ дѣятелей у насъ, нашей великой цивилизаціи, — этихъ могучихъ двигателей и представителей нашего современнаго просвѣщенія; — но и вълицѣ всѣхъ тѣхъ вожаковъ нашихъ въ немъ, каторые и не имѣютъ за собой и у себя и ни какой доли дѣятельности въ этомъ великомъ дѣлѣ просвѣщенія; и ничего кромѣ самой силы у нихъ этаго самаго только—активнаго элемента нашего свѣта; но выдвигающаго и ихъ однакожъ такимъ образомъ на первой планъ,—и дѣлающаго ихъ передовыми нашими у насъ; въ одной ихъ этой лютой, рьяной ревности — на службѣ самаго только ополченья противъ истины; — какъ занимающаго у насъ такое командующее положеніе во всей диспозиціи силъ нашего современнаго свѣта просвѣщенія.

И какъ спущенные со своры — тѣми великими охотниками этого знаменательнаго ополченія вѣка, подъ ихъ знаменами и подъ сенію ихъ великой — т. е. громадной дѣятельности въ дѣлѣ просвѣщенія, и эти недѣйствительные его члены, но дѣятельные члены только такого ополченія его; и они у насъ также вмѣстѣ съ тѣми великими дѣятелями этого свѣта, заправляютъ

всѣмъ у насъ въ духѣ нашего просвѣщеннаго вѣка и задаютъ намъ тонъ во всемъ современномъ направленіи его.—

И здѣсь уже въ духѣ самихъ передовыхъ личностей этихъ, — этотъ активной элементъ и развертывается у насъ уже во всей своей силѣ.

Такъ что во первыхъ если наше равнодушіе — равнодушіе нашего вѣка къ истинѣ, и есть у насъ равнодушіе наше къ ней вообще,—какая ни на есть она;—и какая бы она ни была — эта истина, то это озлобленіе противъ нее — у зазнамо, преднамѣренно — идущихъ противъ истины — есть уже у нихъ ихъ озлобленіе противъ сознательно опредѣленной для нихъ абсолютной истины.

А во вторыхъ: хотя это сознательное ополченіе противъ истины и закутывается у насъ здѣсь, у этихъ высокихъ носителей этаго знаменательнаго озлобленія противъ нее—въ парадно величавую тогу своего—одного только будто бы неудостоиванія и вниманія её, этой истины, въ величественномъ будто бы и незамѣчаніи её даже, въ простомъ какъ будто только нехотеніи заниматься ей,—какъ просто прямо уже на столько окончательно и совершенно непризнаваемой только за истину . . . . Но посмотрите же однако, что это за энергія такая—съ какой они у насъ, эти записные загоньщики нашего великаго свѣта современности — какъ будто мимоходомъ, а между тѣмъ такъ неудержимо рвутся окружить и запутать въ свои сѣти (какъ думаютъ—они несокрушимые для нее)—эту никакъ неуловимую для нихъ истину; и отъ чего же это съ такою жадностію, — какъ на готовую добычу — они бросаются у насъ на все что только имъ покажется — на взглядъ ихъ недальнозоркій въ границахъ неширокаго ихъ кругозора, — какимъ нибудь противурѣчіемъ въ истинѣ, или какъ бы какой несостоятельностію въ ней и у нее, что значитъ, что они такъ неудержимо у насъ рвутся какъ нибудь — да дорваться и добраться до чего нибудь такого у нее!?!....

А наконецъ что это и запереливающійся уже черезъ край и не могущій болѣе скрывать себя, — такой избытокъ чувства у нихъ — ихъ этого злорадства; когда имъ кажется, что наконецъ они нашли въ ней, что нибудь такое? Ибо въ этомъ злорадствѣ ихъ, тутъ, говорю, видна уже сердечность чувства; такъ что тутъ уже сказывается самый духъ ихъ: — какъ и на сколько значитъ и духа истины они не могутъ выносить; какъ самой духъ у нихъ не терпитъ ее значитъ; такой ужъ значитъ нестерпимой для нихъ истины; — какъ и обидной вѣдь конечно очень и очень, и для очень многихъ, и по очень многимъ причинамъ;—такъ что они уже и забываются у насъ отъ радости при этомъ до того, что ужь выходятъ изъ границъ и своей лицемѣрной мѣрности тогда, когда имъ кажется что наконецъ они напали у неё на что нибудь похожее на ихъ глаза, на это будто бы противурѣчье въ ней, или несостоятельность её.

И какъ высоко уже тогда они подымаютъ это побѣдное знамя свое; знамя такой, говорю, вожделенной для нихъ побѣды, такъ тщательно устраиваемой и всячески превозглашаемой и выставляемой ими тогда, уже какъ величайшее торжество своей силы и силы своего времени и своего просвѣщенія.—

Какое же это тутъ чувство, говорю, такъ удовлетворяется у насъ въ наше время, когда у насъ ужъ всѣми силами и мозга и науки такъ роются теперь и въ небѣ и въ землѣ наши рьяные ревнители — этаго — скажите-же какаго это именно чувства, говорю, чтобы только подыскать и добыть, имъ гдѣ нибудь, какъ нибудь, что нибудь такое, — чтобы могло — хоть сколько нибудь набросить, хоть какую нибудь тѣнь на свѣтлость истины: — и такъ никакъ конечно не укрыться отъ глазъ внимательныхъ, говорю, всей силѣ этого лукаваго озлобленія вѣка и подъ всей силой ловкости его лукавства въ этомъ озлобленіи его; но хотя такимъ образомъ и ясно, говорю, подъ тогой этого спокойнаго величія — совсѣмъ другое ви-

дитъ глазъ внимательнаго наблюдателя; — но за то надо видѣть, что за обояніе производитъ у насъ—на всю благовоспитанную массу—(воспитанную у насъ духомъ невниманія), — это лукаво—ловкая постановка—глухаго чувства озлобленія противъ истины—подъ видомъ будто бы презрѣнія только къ ней—(какъ будто бы заслуженнаго ей въ глазахъ ее презрителей).—

Ибо не для кого уже не тайно — каковы всѣ мировые результаты современные — этой такимъ образомъ — надежно ловко направленной у насъ постановки всего дѣла современнаго просвѣщенія и всего теченія его у насъ — какъ зрѣлища какого то великаго и славнаго — тріумфа, — какъ представленіе просто ужъ какого-то тріумфальнаго шествія — *торжествующихъ побѣдителей и разорителей истины* — во всей силѣ свѣта просвѣщенія своего — ослѣпляющихъ міръ ослѣпительностію этаго побѣднаго тріумфа своего, приковавшаго — всю массу просвѣщенную къ побѣдной колесницѣ этихъ великихъ супостатовъ истины, — и приковавшаго наглядно видимо — всеувлекающею силой — парадной постановки этаго, такого небывалаго торжества величья ихъ какъ будто бы побѣднаго надъ супостатомъ ихъ, — величія соединеннаго еще у нихъ со сцѣническою выдержанностію своего достоинства въ этой поражающей у нихъ—при всей побѣдной славѣ ихъ примѣрной мѣрной умѣренности ихъ тона или такта—

Ибо посмотрите съ какимъ приличіемъ истиннаго достоинства, и какъ размѣренно ловко и торжественно мѣрно ведутъ они — дѣло своей пропоганды у насъ противъ истины?!....

И только одни было нигилисты наши у нихъ выдали своихъ, какъ ребятишки рѣзвые, выболтавши всю злобу (противниковъ истины — противъ всего что только есть неприкосновеннаго у насъ въ ней);—но ихъ уняли скоро и не столько ихъ соперники, сколько сила своихъ у нихъ, планы которыхъ они разстроивали совершенно — своей наивно нелукавой — безтактной болтовней; въ которой они такъ открыто догрогивались до

всего того, противъ чего они воюютъ *и что всё ловкое* лукавство пропоганды — умѣетъ осмѣять и оплевать и не напарываясь на это, — заочно такъ сказать: а тѣ, говорю, — нагилисты наши, — и самую злобу противъ этаго безхитростно не прятали, а выставляли даже, тогда какъ здѣсь вся сила въ томъ, что этаго всего презрительно здѣсь — въ этой пропогандѣ — видимо преднамѣренно не хотятъ и замѣчать. —

И какъ только пришлось рыцарямъ нашего борзонигилизма проглотить свой языкъ, такъ тотчасъ силу зла и загнали внутрь..... И вотъ уже то самое, что такъ пустозвонно выбалтывалось тогда этими по большой части ханьжами вольнодумства и безбожья — то самое теперь такъ сдержанно—искусно, — и не преоборимо безпрепятственно — ужъ дѣйствуетъ у насъ во всемъ и вовсей своей силѣ, въ силѣ своего духа—въ насущномъ духѣ или свѣтѣ просвѣщенія нашего;—во всемъ:—въ художествѣ, въ политикѣ, въ наукѣ, и во всемъ строѣ общественной и частной просвѣщенной жизни современной, и вовсей литературѣ нашей — отъ самыхъ мелкихъ пустячковъ её и до самыхъ серьезныхъ ее произведеній въ наше время, во всемъ проводится все это (тогда выбалтывавшееся нигилистами— и осмѣянное въ нихъ): — теперь же это все проводится и дѣйствуетъ и движется и движетъ всѣмъ, и заправляетъ всячески всё въ мірѣ просвѣщенія.... безъ дальнихъ словъ и объясненій; и не только уже не выговариваясь походя — противъ всего неприкосновеннаго въ истинѣ, а на оборотъ молча такъ сказать, но заставляя все повидимому говорить въ искусномъ фокусничествѣ своемъ — по своему противъ нее, и относясь ко всему святому въ ней прямо только — какъ къ отложенно— уже неприкосновенно не стоющему и вниманія, какъ только будто бы и разговору больше не можетъ быть объ этомъ для людей не чуждыхъ просвѣщенія. — И нечувствительно, неотразимо, неизбѣжно, глатаемъ это мы во всѣхъ міазмахъ свѣта просвѣщенія нашего, всего насквозь пропитаннаго этой тьмою

отрицанія. — И, — уже сказать ужасно, — всякая у насъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка теперь, — какъ слѣдуетъ воспитанная современно — прислушайтесь какъ думаетъ и чувствуетъ уже она у насъ въ наше время въ духѣ просвѣщенія этаго.—

И такъ вотъ какъ и вотъ на сколько, какъ сказали мы выше — только уже систематически лукавыми мѣропріятіями — этаго заправляющаго всѣмъ у насъ чувства озлобленья противъ истины процвѣтающаго у насъ въ объятіяхъ повальнаго равнодушія къ ней всѣхъ заправляемыхъ имъ, — и такъ во всей просвѣщенной средѣ въ цѣлой массѣ её у насъ; — только однимъ этимъ уже, говорю,—вполнѣ опредѣляется у насъ все цѣло весь характеръ свѣта и всего направленія и хода — дѣла современнаго просвѣщенія нашего. . . .

Но вотъ мы нечувствительно — такимъ образомъ уже и внутри самаго храма величія нашей цивилизаціи и всей славы ее блистательнаго прогресса, въ самой средѣ его чудесъ и силъ и обояній. . . .

Ибо это озлобленное ополченіе у насъ противъ истины, это самое и есть тотъ самый центръ и средоточіе всей чудодѣйственной силы свѣта — нашей современной цивилизаціи у насъ, въ которомъ и концентрируется и изъ котораго и истекаетъ и вокругъ котораго и вращается у насъ все въ духѣ нашего просвѣщеннаго времени, во всей силѣ свѣта этого просвѣщенія его и во всемъ величіи у него его прогресса — въ дѣлѣ свѣта. —

Ибо съ какой бы стороны ни посмотрѣли мы на чудеса великаго прогресса въ дѣлѣ этаго насущнаго свѣта у насъ; и чтобы не назвали мы въ немъ — во всемъ является у него или въ немъ въ дѣйствіи своемъ у насъ — все эта же самая средоточная чудодѣйственная, активная сила свѣта просвѣщенія нашего.

Посмотримъ ли мы на то самое превыспреннее въ духѣ

просвѣщенія величіе его достоинства, (или заслуги его передъ вѣкомъ)—которое конечно и состоитъ у него видимо въ самой превознесенности уже его у насъ, или насъ въ немъ, (въ этомъ творящемъ всѣ чудеса — нашего времени — прогрессѣ нашемъ), въ самой превознесенности, говорю, его у насъ надъ всѣми уже предразсудками наконецъ . . . . Куда вознесся, и чего достигнулъ — или куда довелъ онъ насъ — въ этой блестящей полнотѣ—безгранично мягкой—цивилизованной уступчивости нашей въ нашихъ убѣжденіяхъ, дошедшей у насъ—до типично гуманной высоты ее и силы — во всеопредѣляющей уже у насъ въ духѣ вѣка: (во свѣтѣ просвѣщенія его) — формальной и рѣшительной осмѣянности въ наше время всякой абсолютной исключительности въ истинѣ, въ рѣшительномъ недопусканьи, говорю, въ ней—этой исключительности её, въ непризваніи — ни истины такою (абсолютно исключительною и единой и нетерпящей никакого совмѣстничества съ ней чего либо съ ней несогласнаго), ни самой возможности обладанія такою истиной (*).

Но это такое непризнаваніе, говорю, исключительности въ истинѣ, это и есть очевидно мѣра или средство уже самое рѣшительное противъ нее; это есть видимо — уже верхъ лукаваго искуства въ дѣлѣ ополченія противъ истины всѣхъ силъ нашего лжесвѣта, — это шедевръ его мѣропріятій, — новѣйшимъ только временемъ достигнутой, хотя открытой и не имъ,—но—имъ только и усвоенной, ему только и доступной конечно; такъ какъ конечно по его только мѣркѣ и пришлось оно — это такое новѣйшее орудіе и сила лукаваго иску-

(*) И хотя можетъ быть за знамо и сознательно утверждаютъ и признаютъ это такимъ образомъ и одни только передовые наши, — эти вожаки заправляющіе у насъ свѣтомъ просвѣщенія современнаго, но уже содержутъ это,— можетъ быть только что не вполнѣ, говорю, сознавая это за собой (или хоть бы и вовсе не сознавая нѣкоторые) — безусловно уже всѣ благодѣтельствуемые и ущедряемые и заправляемые—свѣтомъ или духомъ просвѣщенія нашего.—

ства, ибо только ему конечно—и может быть въ подъемъ, и по плечамъ только его изношенности душевной, говорю, и пришлось оно это такое непреоборимое уже у насъ орудіе и сила противъ истины, выставленные у насъ противъ нее такимъ лукавымъ искуствомъ вѣка безсовмѣстно и безпрепятственно, на широкомъ и раздольномъ для него наличномъ просторѣ у насъ нашего мысленнаго поприща и выставленное уже имъ въ краеугольный камень всего великаго дѣла борьбы у современности съ самымъ духомъ истины; выставленное прямо уже какъ состоявшаяся и *опредѣленная невозможность* для насъ *истины*; ибо вотъ что уже именно и создано у насъ такимъ образомъ для насъ активной силой вѣка, въ этой силѣ нетерпимости исключительной истины; нетерпимости поставляемой нами — какъ мы видимъ въ наше время какъ бы въ какой сердечной передовой принципъ всего свѣта просвѣщенія нашего: такъ что уже въ этомъ, мы и не скрываемся даже, а на оборотъ мы этимъ покрываемъ у себя, всѣ несостоятельности и всѣ абсурдности нашего времени.

Но уже это самое за то — самой фактъ существованія у насъ силы этаго передоваго принципа нашего и не потребуетъ отъ насъ особенныхъ серьезныхъ объясненій, такъ какъ онъ самъ у насъ на оборотъ послужитъ для насъ объясненіемъ всего нашего дѣла тьмы въ духѣ просвѣщенія нашего, если мы только совладѣемъ съ дѣломъ поставленія его самаго — этаго передоваго принципа нашего на видъ какъ слѣдуетъ, т. е. если съумѣемъ только мы представить его въ его настоящемъ видѣ или свѣтѣ, — возвратившись къ подробному разбору и изслѣдованію онаго, хотя для этаго и достаточно будетъ только взглянуть серьезно на то: что это у насъ за принципъ такой и что это у насъ за догма наша. . .

Или же если вмѣсто этаго знаменательнаго принципа современности остановитъ наше вниманіе и другая сторона чудесъ великаго прогресса нашего;— та самая напримѣръ: пора-

зительная стремительность у насъ, порывистыхъ научныхъ выходовъ какіе у насъ находятся наукой нашего времени; тѣхъ выходовъ, говорю, изъ всѣхъ страшныхъ недоумѣній и затрудненій, неразрѣшимыхъ и непроходимыхъ для ума, для совѣсти, для сердца, — въ которое они поставлены у насъ въ наше время во свѣтѣ современнаго просвѣщенія нашего; —тѣхъ выходовъ изъ этаго, какіе, говорю, у насъ находятся въ новѣйшихъ путяхъ научныхъ, и которые прокладываетъ намъ прогрессъ нашъ, —и въ которыхъ онъ — по Александровски уже теперь —и разсѣкаетъ у насъ узелъ всѣхъ недоумѣній такъ размашисто картоннымъ мечемъ своего отрицанія. —

Но здѣсь я думаю, мнѣ нечего и указывать на то, что это есть опредѣленно извѣстная уже, — только другая сторона — дѣйствій, — той же самой активной силы просвѣщенія нашего, другая только сторона дѣйствій, — здѣсь опредѣленно извѣстнаго уже ополченія у насъ противъ абсолютной истины; но только отличающаяся здѣсь у насъ отъ первой, сейчасъ указанной нами стороны дѣйствій (этой активной силы), уже характеромъ — особенной ее рѣзкости здѣсь. — И это потому конечно, что хотя та первая сторона ее дѣйствія и оказалась у насъ во главѣ всего дѣла всѣхъ противудѣйствій истины; — но за то здѣсь ужъ видимо самое сердце дѣла этаго ополченія нашего противъ нее; — ибо уже тутъ сердечность чувства слышится и видится у насъ во всемъ. —

И это потому, что эту высокую научную область, — для самой массы всей всегда и не совсѣмъ доступную, а между тѣмъ законодательную въ ней по высокому положенію этой области въ дѣлѣ просвѣщенія, —видимо по этому, конечно, ее и избрало себѣ высокопоставленное здѣсь у насъ наше ополченіе противъ истины, — избрало себѣ видимо за мѣсто самаго удовлетворенія себя въ самомъ чувствѣ своей современной озлобленности противъ нее; такъ что здѣсь ужъ непосредственно и удовлетворяется и насыщается у насъ вполнѣ это все раз-

рушительное озлобленіе вѣка противъ истины, прямо устремляясь уже здѣсь на самое, говорю, разрушеніе и разорѣніе всей силы истины у насъ; — прямо выдавая за истину, за истину научную, и за самую науку всѣ всевозможные, нелѣпейшія противурѣчія истинѣ и отрицанія её (т. е. утверждая и объявляя формально за прямое дѣло науки всѣ прямыя отрицанія всего абсолютнаго содержанія истины). И потому не удивительно, что въ этомъ дѣлѣ отрицанія научнаго, —уже какъ въ дѣлѣ чувства, говорю, — чувства какъ чувство такъ расходилось здѣсь въ активной силѣ вѣка, что насыщая здѣсь всю свою злобу противъ истины эта активная сила современнаго лжесвѣта вышла ужъ совсѣмъ у насъ, въ своемъ шатаніи здѣсь, изъ всѣхъ границъ своего искуства — до того, что ужъ какъ самый неискусный ратоборецъ, который бросаясь только поражать противника—самъ раскрывается при этомъ,— такъ и оно открылось здѣсь у насъ совсѣмъ всѣмъ пораженіямъ соперника своего при этомъ такомъ ожесточенномъ нападеніи своемъ на истину здѣсь въ этомъ дѣлѣ отрицанія своего.—

Но и область эта высокая за то, далекая такая для цѣлой массы просвѣщенной, да еще и въ дѣлѣ такомъ безразличномъ для нее какъ дѣло истины самой, то здѣсь уже по сему расчитанно — на вѣрняка и безопасно города беретъ у насъ это ополченіе наше противъ истины, — ловко заочно какъ увидимъ и отъ просвѣщенной массы, и отъ истины, и отъ самой науки.

Однако надо помнить, что успѣхъ его здѣсь въ этой области — всего опаснѣе, какъ самый соблазнительный и самый вліятельный отъ сюда на толпу; ибо:—„одно слово—наука“,— „наука глубока“ вотъ отзывы и рѣчи самые естественные въ устахъ полуобразованной массы, — хотя и до конца ногтей насквозь пропитанной у насъ всегда самымъ духомъ просвѣщенія. — И въ самомъ дѣлѣ заочно очень глубока наука, т. е. для всѣхъ неуглублявшихся въ нее, въ самые основы этихъ

приговоровъ отрицанія его истины, приговоровъ подписанныхъ по сему и безъ свидѣтелей и судьями врагами личными— судимой ими истины.

Но только такъ какъ здѣсь, какъ мы сказали, этотъ противникъ истины въ азартномъ устремленіи своемъ противъ нее такъ весь раскрылся самъ ударамъ своего соперника, что и покровъ его лукаваго искуства сталъ у него совсѣмъ уже прозраченъ здѣсь, — (ибо онъ разсчитываетъ у насъ здѣсь, говорю, на самую заглазность своего дѣла для толпы), какъ творящагося у насъ здѣсь въ области за облачной — науки; то по сему здѣсь, — съ такъ размахавшимся противникомъ истины надѣюсь я покончить сразу: — ибо здѣсь стоитъ только это — цѣлое научное дѣло отрицанія свести съ его ходулей и спустить только его на землю, — и однаго этаго уже за глаза довольно будетъ для всей раздѣлки съ нимъ: т. е. довольно будетъ только что называется перевести „съ россійскаго на русскій“ высокій смыслъ за облачныхъ — итоговъ этой науки для того чтобы такимъ образомъ уже испустивъ ее съ этой ее выси и поставивъ на общую среду или арену обще человѣческаго сужденія — отдать ее чрезъ это на судъ и разсужденіе — простаго здраваго смысла чтобъ дѣло раздѣлки съ ней такимъ образомъ и было уже сдѣлано совсѣмъ и конечно благополучно и рѣшительно. —

Но наконецъ еще и съ третьей стороны: — остановимся ли мы на томъ уже, — въ чемъ кажется всего замѣтнѣе и прогресируетъ нашъ вѣкъ во свѣтѣ просвѣщенія своего, преуспѣвая неимовѣрно и безпримѣрно въ этой всесторонней развитости современнаго ума; — ибо въ широкораскидистой силѣ этой страшной развитости—всеобъявшей и границъ себѣ незнающей и не находящей у насъ болѣе въ умѣ современномъ—этотъ умъ вѣка и превзошелъ уже у насъ и самого себя и всѣ естественныя мѣры силы нашей умственной и нравственной природы,—выступивъ изъ всѣхъ своихъ границъ — во свѣтѣ про-

свѣщенія нашего; но кто имѣетъ только сколько нибудь чуткое и пробужденное вниманіе въ нашъ вѣкъ, и сколько нибудь обладаетъ знаніемъ вѣка тотъ можетъ ли не знать, не видѣть и не чувствовать; т. е. и можетъ ли не обратить вниманія на то, что здѣсь скрывается у насъ подъ всей шумихой этой мишуры.

И въ комъ еще сохранилось хоть что нибудь живое, кто сколько нибудь сохранилъ еще жизненность ума и сердца — тотъ какъ и не содрогнется у насъ передъ тѣмъ, — что открывается у насъ здѣсь для чуткаго вниманія, говорю, и какъ не отступитъ съ ужасомъ отъ обдающей у насъ здѣсь холодомъ своимъ и смрадомъ — живой — живущей тлѣніемъ и разложеніемъ всего живаго здѣсь; — передъ лицомъ, говорю, живой «мерзости пустоты» у насъ здѣсь въ этой всесторонней развитости нашей современной, — пустоты осѣтовавшей умъ и сердце нашей современности; — такъ какъ здѣсь уже всего ощутительнѣе и замѣтнѣе всего, ясной и глубокой слѣдъ широкаго опустошенія, произведеннаго на лице всей современности нашей—этою активной силою возстанія противъ истины, этой активной силою, говорю, свѣта современнаго просвѣщенія нашего у насъ. —

Ибо здѣсь у насъ, въ неслыханномъ до насъ и небываломъ — новѣйшемъ продуктѣ нашей современности; въ неслыханной и небывалой еще до насъ *эмансипацiи ума* нашего современнаго, какъ современно, просвѣщеннаго у насъ насущно—современной силою и свѣтомъ права его у насъ на независимость его отъ всѣхъ законовъ разума и отъ всѣхъ требованій истины, а потому и отъ всей не прикосновенной силы обязательствъ жизни въ нашъ вѣкъ (во свѣтѣ, говорю, современнаго просвѣщенія нашего); въ этой эмансипаціи ума, говорю, предавшей его въ силѣ произвола — въ руки всякаго рабства — всевозможной, неизбѣжной и постыдной зависимости его въ ней (въ этой эмансипаціи его) — отъ всѣхъ чуж-

дыхъ ему, внѣшнихъ (стороннихъ разуму и истинѣ) вліяній на него всего безпрепятственно и беззавѣтно — расхищающаго его потока мимоходнаго теченія вещей и обстоятельствъ («великаго теченія общихъ причинъ» какъ выражается нашъ вѣкъ)—здѣсь онъ, умъ вѣка, и влачится уже у насъ, — неудержимо безсловесно влекомый всѣми безсловесными влеченіями своими (управляемый и направляемый въ нихъ безъ препятственно уже попутнымъ вѣтромъ активной силы вѣка — въ духѣ и направленіи его современнаго просвѣщенія)—и это во всѣхъ своихъ словесныхъ отправленіяхъ, какъ не находящій уже въ нихъ нигдѣ и ничего болѣе—на чемъ бы ему остановиться и опереться у себя—оставленнаго безпомощнымъ,—безъ силы, безъ опоръ—свободной самодѣятельности своей въ ней,—въ этой современной, говорю, эмансипаціи его, которая и представляется мнѣ по сему у насъ, въ этой всесвѣтной силѣ ополченія нашего противъ истины, въ этомъ прогрессѣ всѣхъ чудесъ борьбы вѣка съ несносной для него истиной, *въ этой нашей активной силѣ духа* просвѣщенія, говорю, несущей во главѣ своей — невозможность истины для насъ, — а въ сердцѣ разрушеніе и разореніе всѣхъ силъ истины, — и представляется мнѣ эта наша современная эмансипація ума въ активной силѣ вѣка — уже какъ бы какимъ живымъ орудіемъ всѣхъ её дѣйствій у насъ, какъ осуществляющая уже надѣлѣ и въ самой дѣйствительности всѣ замыслы этой активной силы въ насъ;—представляется, говорю, какъ бы какимъ то цѣлымъ организмомъ её что ли назвать у неё это; т. е. эта эмансипація ума мнѣ представляется ужъ въ активной силѣ вѣка за цѣлый весь составъ всѣхъ органовъ этой активной силы, органовъ всѣхъ отправленій её дѣятельности въ насъ,—даже и съ самой—какъ бы какой всепоглощающей её утробою у насъ, все у насъ— и поглащающей, и переваривающей, и извѣргающей изъ себя въ даръ современной вѣку и современному человѣку нашему въ этой такъ разрастающейся силѣ развитости его у насъ.

Ибо здѣсь, какъ послѣ мы увидимъ это ясно при всестороннемъ и подробномъ обозрѣніи этаго са̀маго широкаго поля современной дѣятельности у насъ нашей активной силы свѣта современнаго просвѣщенія нашего,—здѣсь въ этомъ третьемъ уже видѣ дѣйствія вседѣйственаго противу дѣйствія истинѣ: здѣсь, съ этой стороны его дѣйствія,—т. е. въ этой самой уже, говорю, нашей эмансипаціи ума эта активная сила свѣта нашего насущнаго въ такомъ своемъ послѣднемъ—произведеніи уже крайней тьмы её у насъ является у насъ царюющей уже въ роскошно сладострастномъ—всемирномъ мирѣ нашего ума просвѣщеннаго; какъ уже почившаго у насъ здѣсь на лаврахъ всей его активной силы просвѣщенія современнаго; такъ что усыпленный умъ вѣка находящійся здѣсь такимъ образомъ помановенію её у насъ въ общемъ итогѣ двухъ первыхъ актовъ её дѣйствія въ рукахъ нашего личнаго и всякаго наличнаго произвола нашего современнаго; и является у насъ здѣсь по этому весь преданнымъ уже по волѣ произвола нашего на всякое злоупотребленіе и на расхищеніе всему движущему и возбуждающему у насъ совершенно намъ современной произволъ. —

Вотъ и третья сторона, и третья область дѣйствія—вседѣйственной и все объявшей, все поглощающей у насъ активной силы вѣка:—но это уже не такая опредѣленная область дѣйствія её—какъ тѣ двѣ первыя стороны ее дѣятельности у насъ;—ибо это есть очевидно область самой уже неопредѣленности по самому опредѣленію её—у насъ—по всѣмъ существеннымъ её чертамъ и свойствамъ. —

И тутъ уже,—при полномъ обозрѣніи этой области — придется многое намъ у себя и доглядѣть и разобрать; ибо это ужъ что называется «море великое и пространное идѣже гады имъ же несть числа», — ибо чего, чего — не наплодилъ у насъ намъ властной, облеченной властью права, — произволъ ума нашего — въ наше, такое умное время.—

Но теперь уже мы такимъ образомъ осмотрѣвшись нѣсколько въ этомъ храмѣ чудесъ великаго прогресса нашего,— этого новаго Бога вѣка, окинувъ общимъ взглядомъ всѣ изваянныя его и требища и жертвы, — теперь мы уже подойдемъ къ нимъ ближе; — и примимся уже иначе за идоловъ его,—за самые эти кумиры міра, которыми въ такомъ ихъ трехстороннемъ изваяніи у насъ — со всѣхъ сторонъ обставленъ этотъ храмъ чудесъ великаго прогресса просвѣщенія. —

А храмъ этотъ у насъ — весь современно просвѣщенный міръ нашъ, такъ и обставленный поэтому во свѣтѣ просвѣщенія своего, — что эти изваянія его и составляютъ, такимъ образомъ, всю обстановку всесторонюю — новѣйшей просвѣщенной жизни вѣка. —

Посмотримъ же что будетъ съ ними, когда мы этотъ свѣточь критики своей суровой и безпощадной на эту безпощадную тьму вѣка — поднесемъ къ самой физіономіи ее, — этой рукотворенной трехсторонней тьмы, созданной на рабство наше ей — нашимъ просвѣщеннымъ вѣкомъ у насъ въ его ожесточеніи противъ истины: ибо до сихъ поръ мы указали еще только—то, что эти всѣ три стороны,—такъ трехсторонно просвѣщенной жизни нашей въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, — что всѣ они у насъ произведены именно этой активной силы вѣка;—но мы должны теперь остановиться всей силой своего анализа *на нихъ* самихъ, на этихъ самихъ трехъ сторонахъ всесвѣтнаго произведенія этой активной силы; ибо вся сила въ нихъ самихъ:—въ нихъ мы стоимъ уже на твердой почвѣ факта въ сознаніи силы зла и тьмы во всемъ пространствѣ дѣла раздѣлки нашей съ этимъ духомъ вѣка. —

Ибо тутъ уже не разсужденія только и мнѣнія какія нибудь, а опредѣленные факты, говорю, у насъ въ рукахъ въ этихъ трехъ опредѣленныхъ всесторонних сторонахъ свѣта мысленной жизни нашего просвѣщеннаго вѣка: — ибо это,

однимъ словомъ, прямо положительные данные — всѣхъ общихъ положеній нашихъ въ духѣ вѣка; и всѣхъ существенныхъ формальныхъ опредѣленій характера и состоянія свѣта или духа, — цѣлаго состоянія самаго духа, говорю, — или *всецѣлаго* направленія нашего просвѣщеннаго вѣка.

Ибо если и не остается онъ у насъ безъ исключеній — все-конечно — нашъ просвѣщенный міръ; — не безъ исключеній изъ этихъ общихъ положеній всецѣлаго опредѣленія его у насъ — во всемъ его объемѣ просвѣщенномъ; то это только лишь какъ исключеній — частныхъ, личныхъ, единичныхъ, изо-всей просвѣщенной массы его; и такихъ исключеній, которыя и мыслимы у насъ не иначе, какъ въ смыслѣ только лишь формальной жизненной раздѣлки ихъ у нихъ, у этихъ личностей, у этихъ сыновъ исключенія своего, раздѣлки личной ихъ съ ихъ наличнымъ свѣтомъ — во свѣтѣ современнаго просвѣщенія нашего.

Но голосъ этихъ исключительныхъ личностей: — голосъ ихъ раздѣлки личной, — серьезной, жизненной и не на жизнь а на смерть — раздѣлки съ духомъ просвѣщенія своего — слышится ли у насъ гласно, — и раздается ли въ ушахъ всесвѣтной массы просвѣщенной, — такъ «гласно» оглушаемой — со-всѣхъ сторонъ — согласно неумолкаемо вопіющими противными голосами? И есть-ли такимъ образомъ, этотъ такой согласной хоръ овладѣваетъ у насъ такъ всесильно всей — нашей современной гласностью: то можно ли, и позволительно ли продолжать еще молчать при этомъ тѣмъ, — которые обязываются своею личною раздѣлкой на то, чтобы подать имъ свой голосъ за дѣло нужды въ ней, въ раздѣлѣ этой съ духомъ нашего лжесвѣта.

Но приступая къ самому дѣлу нашей раздѣлки гласной — съ мракомъ насущнаго свѣта просвѣщенія нашего, мы остановимся еще разъ опять на томъ, что вниманіе наше къ этому дѣлу должно быть поднято у насъ и устремлено на это дѣло всѣми нашими силами: — потому что если это дѣло, какъ ска-

зали мы прежде;—прежде всего, есть дѣло самое существенное, самое жизненное, самое обязательное,—и формально отчаянно необходимое въ на шъ просвѣщенный вѣкъ, то оно еще и съ другой стороны самое требовательное у насъ и въ другомъ отношеніи еще, а именно и какъ самое затруднительное въ тоже время—при сколько нибудь недостаточной, сколько нибудь недостаточно жизненной и недостаточно всесердечной у насъ внимательности нашей къ нему (къ этому дѣлу раздѣлки всесторонней со всестороннею тьмой — свѣта просвѣщенія нашего).

Ибо, какъ ни совѣсти, ни разуму, ни вѣрѣ — нѣтъ уже и мѣста и никакой возможности у насъ въ насущномъ свѣтѣ просвѣщенія нашего безъ такой раздѣлки нашей съ нимъ; — такъ въ тоже время за то однакожъ съ другой стороны и свѣтлость и богатство, и вся сила — этаго современнаго свѣта просвѣщенія нашего даютъ намъ чувствовать понятно полновѣсно какъ и на сколько намъ нужна — какая энергическая всестороняя осмотрительность и самая строжайшая разборчивость въ дѣлѣ этой раздѣлки нашей съ нимъ,—съ такимъ противникомъ нашимъ;—котораго богатство, говорю, и свѣтлость и сила — кажется, что не слова одни: а значеніе — богатства, свѣтлости и силъ противника — не безсодержательная фраза.

Но для вполнѣ опредѣленнаго и вѣрнаго сужденія о всей силѣ требовательности дѣла этой раздѣлки, — нельзя не указать еще и на то исключительное свойство её,этой раздѣлки— съ самымъ направленіемъ и духомъ просвѣщенія нашего,что она у насъ, эта раздѣлка наша съ нимъ по самому характеру этаго противника нашего, и по всѣмъ такимъ опредѣленнымъ его свойствамъ и по всему объему вседѣйственнаго дѣйствія его — въ мірѣ мысленномъ—такова естественно;—что если только быть, — не чуждымъ свѣту просвѣщенія этаго, то уже неизбѣжно — надо быть — одно изъ двухъ: — или рабомъ его — или его *господиномъ* уже, — ибо иначе — *быть* не мо-

жетъ; — ужъ разъ связавшись съ нимъ середки нѣтъ: — или расхитить у него его корысти, отнявши достояніе его во что бы то ни стало, или же быть имъ увлечену непреодолимо иначе и безъ этаго.

И въ заключеніе всего еще скажу: скажите мнѣ, что у насъ значитъ, въ сравненіи съ врагомъ тайнымъ — и десять сильныхъ — но явныхъ враговъ моихъ, — когда я иду на нихъ за знамо, прямо, какъ на враговъ своихъ; что значитъ вредъ какой они мнѣ могутъ сдѣлать въ сравненіи съ тѣмъ, какъ можетъ повредить мнѣ и одинъ, и несильный врагъ но съзади скрытый и неожиданный . . . . . а этотъ, самый сильный противникъ мой — а между тѣмъ онъ льститъ — какъ самый затаенный врагъ — и убиваетъ непредвидено вблизи, — какъ самый близкій другъ: — ибо однимъ словомъ, это свѣтъ просвѣщенія нашего у насъ; и такъ свѣтъ нашъ насущный всячески, руководственный свѣтъ жизни и ума у насъ во всякомъ случаѣ, если только у насъ не достанетъ осторожности на то, чтобы всею силою вниманія своего открыть и доглядѣть и разобрать и уличить въ немъ у себя тьму опредѣленную. —

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Приступая теперь къ самой раздѣлкѣ съ духомъ нашего просвѣщеннаго вѣка, мы уже прямо будемъ имѣть дѣло теперь съ тѣми тремя темными сторонами, его (съ этимъ недопусканіемъ исключительности въ истинѣ, съ этими квази научными отрицаніями ея содержанія у насъ, и съ этой блестящей эмансипацiей нашего ума у насъ въ наше время), которыя мы уже и поставили себѣ на видъ во свѣтѣ современнаго просвѣщенія нашего. Ибо этими тремя крупными отличительными чертами нашего вѣка, такъ характеристически выражающими у насъ своеобразную физіономію его духа, мы въ бѣгломъ обзорѣ общихъ очертаній нашей просвѣщенной современности и старались уже обозначить самый типъ ея, совершенно исключительной у насъ, открывъ и уловивъ въ нихъ самый характеръ этаго духа вѣка, господствующаго у насъ въ духѣ современнаго просвѣщенія нашего.

И какъ мы увидимъ далѣе, — въ нихъ, или ими (этими тремя чертами) охватывается, опредѣляется и исчерпывается вполнѣ весь смыслъ и все содержаніе этаго духа времени, этаго исключительнаго характера, говорю, нашей современности во всемъ направленіи всецѣлаго умственнаго состоянія вѣка и всего современнаго его движенія у насъ въ мірѣ мысленномъ; въ насущномъ свѣтѣ нашего просвѣщенія.

И чтобъ начать намъ съ самаго начала, съ самаго начала исходнаго пункта всего, что есть заправляющаго у насъ въ нашемъ умственномъ мірѣ, во свѣтѣ просвѣщенія мы и начнемъ по этому конечно съ анализа этой первой изъ трехъ всесторонних сторонъ нашего духа времени, заправляющей у насъ и остальными двумя, ибо конечно это недопусканіе исключительности въ истинѣ, оно это и отпускаетъ у насъ на волю умъ нашъ (отдавая его на свободу нашего произвола), оно же это и даетъ свободу нашимъ отрицателямъ самаго содержанія истины дѣлать все что имъ угодно съ самой истиной.

И такъ мы начнемъ, говорю, съ раскрытія самаго содержанія того, что такимъ образомъ стоитъ у насъ во главѣ всего нашего современнаго движенія, покрывая у насъ всѣ его несостоятельности и предъ указывая ему всестороннюю неопредѣленность его направленія, какъ уже предначертанную для него въ этой начало исходной предзанятости нашего вѣка, въ этомъ, говорю, стоящемъ у насъ во главѣ всего, высочайшемъ произведеніи нашего лукаваго искуства въ дѣлѣ современнаго ополченія противъ истины, въ этой нашей догмѣ всѣхъ догмъ насущнаго современнаго свѣта просвѣщенія, т. е. начнемъ съ уличенія и разоблаченія всецѣлаго содержанія того обдержательнаго абсурда всѣхъ абсурдовъ, того — вѣрнѣе назвать — предразсудка всѣхъ предразсудковъ новаго времени, который между тѣмъ однако же у насъ нашъ просвѣщенный вѣкъ — вѣкъ истощанія умственнаго и нравственнаго — смѣлопоставляетъ у себя за верхъ всесвѣтлой превознесенности своей, именно какъ будто бы надъ всѣми предразсудками, т. е. какъ бы надъ всѣми всевозможными предубѣжденіями всякой предзанятости частной, личной односторонней; — хвастаясь имъ, этимъ своимъ абсурдомъ всѣхъ абсурдовъ, какъ силой высочайшей свѣтлости, какъ самымъ очищеннымъ даромъ свѣта просвѣщенія своего, и признавая по сему неподчиненіе ему,

(этому законодательному абсурду своему) за самый тупой предразсудокъ невѣжества, за окончательный признакъ совершенной неразвитости и за формальное и несомнѣнное свидѣтельство жалкой и крайней ограниченности, связанной какъ бы непониманіемъ ничего далѣе своего убѣжденія; — однимъ словомъ признавая это такое неподчиненіе ему — уже за полную и дикую варварскую отсталость отъ своего вѣка; — не замѣчая того и не останавливаясь на томъ, *что все наше стояніе въ области истины, какъ собственно стояніе въ ней на самомъ убѣжденіи своемъ въ ней*, на силѣ самой, говорю, убѣжденности нашей въ истинѣ своей или даже на самомъ просто признаваніи только ея, своей истины, за истину;— *что это именно и есть то, что есть самое сознаваніе въ ней прежде всего самой исключительности её у насъ*, то есть самой исключительности истины самой вообще, какъ самаго смысла истины или за самый смыслъ того, что мы только и понимаемъ подъ словомъ или подъ смысломъ истины. И такъ, говорю, не замѣчая того, что все наше стояніе въ области истины и есть и состоитъ все въ признаваніи этой исключительности въ истинѣ за её исключительную характеристическую и формально необходимую, совершенно абсолютную и всеобъемлющую черту ея опредѣленія.

Такъ что отрицать или не допускать въ истинѣ или за истиной такой ея исключительности у насъ въ разумѣ, — это есть, какъ уже мы говорили прежде, формально и опредѣленно отрицать самую уже возможность у насъ истины.

А между тѣмъ, вотъ это самое отрицаніе всякой исключительной истины, нашъ просвѣщенный вѣкъ и призналъ, говорю, такъ торжественно за такую высшую высоту всей силы своего свѣта просвѣщенія у себя; что въ силу этаго, такого рѣшительнаго приговора своего свѣта, съ высоты всесильной силы этаго господственнаго приговора своего, онъ уже какъ облеченный правомъ правды, безпощадно опрокидывается у насъ

безъ всякаго уже сомнѣнія всею силою всесвѣтлаго и всесвѣтнаго и всесильнаго, какъ полагаетъ онъ, осмѣянія своего на всякое уже у насъ утвержденіе, на всякое наше опредѣленное сознаваніе, говорю, или на всякое допусканіе нами въ истинѣ или за истиной своей, такой господственной и неприкосновенной черты ея, черты самой собственно исключительности ея у насъ (какъ это естественно и не можетъ быть иначе тамъ, гдѣ только есть мѣсто истинѣ).

И такъ вотъ какое непреоборимое господство тьмы уже неизбѣжной такимъ образомъ для насъ, создано у насъ въ господствующемъ свѣтѣ нашего насущнаго просвѣщенія, ибо вотъ какъ самую уже невозможность, говорю, истины, создалъ для насъ такимъ образомъ нашъ просвѣщенный вѣкъ, возведя *въ принципъ своего свѣта* абсолютное недопусканіе абсолютной исключительности въ истинѣ.

А что этотъ *принципъ* есть принципъ формальной и совершенной уже невозможности истины для насъ, съ этимъ не можетъ не согласиться никто, кто только не откажется обратить на него серьезное вниманіе и серьезно остановиться на этомъ принципѣ свѣта современнаго, ибо очевидно и свѣтла какъ самый свѣтъ, (но свѣтъ истинный), для внимательныхъ, — истина того, что *истина не можетъ быть не исключительной.*

И это требуетъ не доказательствъ, а требуетъ необходимо остановиться только, говорю, на этомъ такъ серьезно, какъ серьезно самое значеніе въ мірѣ мысленномъ такого темнаго принципа свѣта нашего у насъ.

Это требуетъ не доказательствъ, говорю, ибо это аксіома для умѣющихъ только разсуждать.

Но самая способность разсуждать такъ серьезно, здраво и дѣльно, добросовѣстно разсуждать только о дѣлѣ истины; она то именно, самая способность, говорю, судить объ этомъ дѣлѣ добропорядочно, прилично и честно, какъ слѣдуетъ существу разумному, чтобы не стать ему иначе неразумнымъ, она — то

именно самая то способность разсужденія и утрачена уже у насъ въ наше время, въ мѣру крайней степени упадка самаго значенія истины самой для человѣка вѣка; упадка опять таки соразмѣрнаго всегда съ мѣрой недостаточно яснаго сознаванія и признаванія этой самой исключительности въ истинѣ, — какъ одной и обладающей всесильной вызывательною силой въ мірѣ мысли.

Вотъ какъ и замкнутъ уже кругъ круговорота бездны тьмы, ибо вы видите, что непризнавая вполнѣ и во всей силѣ самой исключительности истины, нельзя и оцѣнить истину какъ слѣдуетъ; и такъ нельзя какъ слѣдуетъ серьезно относиться къ ней и къ ея дѣлу съ достаточной строго разборчивостію въ ней или внимательностію къ ней. А кàкъ безъ этаго и научиться намъ судить объ истинѣ какъ слѣдуетъ? Не умѣя же судить объ истинѣ, не мудрено, конечно, намъ уже упустить изъ виду всю силу и весь смыслъ и самой исключительности истины; а потому опять отсюда же, кругомъ по этому же слѣду, все въ этомъ же порядкѣ этого круговорота и возрастаетъ у насъ такимъ образомъ невозможность разумѣнія для насъ. . . . естественно, зависимо не удержимо, послѣдовательно постепенно, до самаго того дна бездны (тьмы мысленной): гдѣ наконецъ уже и сердце не болитъ у насъ болѣе о правдѣ истины, (такъ что и горюшки намъ мало, — и есть ли у насъ правда въ ней), гдѣ и когда и самая способность разсуждать о дѣлѣ истины наконецъ является уже и совсѣмъ утраченной у насъ, и гдѣ совсѣмъ уже открытъ по этому становится намъ умъ для цѣлой всей вмѣстимости у насъ или возможности для насъ уже и признавать у себя свою истину *не исключительною наконецъ*. Ибо вотъ уже гдѣ это дно всего круговорота тьмы . . . . . пускаемаго въ ходъ однакожъ съ этой самой точки самаго ослабленія и постепеннаго возрастанія стертости въ умѣ, яснаго сознаванія исключительности истины; опредѣленно ясное сознаваніе ко-

торой этой исключительности, на оборотъ, пускаетъ въ ходъ круговоротъ въ его обратномъ ходѣ. Вотъ почему на этомъ самомъ пунктѣ и сосредоточены усилія нашего всесвѣтнаго ополченія противъ истины, которое всѣми своими махинаціями и стремится подтачивать, стирать и ослаблять у насъ именно всю твердую и опредѣленную ясность этаго самаго сознанія, подрывая ее всячески у насъ и подкапываясь подъ нее со всѣхъ сторонъ всѣми своими силами; и мы видимъ уже какимъ успѣхомъ увѣнчались эти усилія ея въ наше время.... (Такъ что мы признаемъ за нужное въ непродолжительномъ времени посвятить особый трудъ на то, чтобы проэкзаменовать всю степень стертости у насъ этого сознанія вездѣ, во всемъ, со всѣхъ сторонъ; во всѣхъ многосторонних сторонахъ современной жизни и мысли,—всю степень этой стертости, которая на столько, говорю, и такъ уже усвоена нами и такъ пришлось по вкусу нашему вѣку у насъ, что онъ и допустилъ у себя хитрецамъ ловкихъ махинацій этой извѣстной намъ активной силы вѣка, возвѣсти эту стертость уже, говорю, въ сознательный принципъ современнаго свѣта просвѣщенія нашего у насъ въ наше время).

Вотъ почему и намъ нельзя не остановиться на этомъ же самомъ пунктѣ, на этомъ хотя и дѣтски-наивно абсурдномъ принципѣ всесвѣтнаго у насъ недопусканія исключительности въ истинѣ; абсурдность которая прямо бросается въ глаза конечно, но это такъ есть конечно только для обратившихъ на него вниманіе . . . . . и эта оговорка намъ нужна всегда и постоянно у насъ въ дѣлѣ этой раздѣлки нашей ибо и несмотря на всю въ глаза бросающуюся *при вниманіи* абсурдность всѣхъ абсурдовъ современныхъ, но чтобы указать ихъ современности нашей, намъ надобно однакожъ разбираться съ ними; и это для того именно, чтобы привлечь вниманіе къ нимъ и заставить остановиться на нихъ, ибо, такою только операціей и прекращается естественно существованіе всѣхъ абсурдовъ.

Иначе видите и видимый абсурдъ, ужъ самый кажется, наглядный (этотъ абсурдъ, говорю, недопусканія исключительности въ истинѣ), а между тѣмъ, онъ, не смотря на то однакожъ, такъ положительно господствуетъ у насъ въ духѣ нашего просвѣщеннаго вѣка, что у насъ смотрѣть à vol d'oiseau «безпристрастно» какъ думаютъ и говорять у насъ «со стороны» на всѣ возможныя всѣ существующія человѣческія убѣжденія всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, на всѣ и вѣры ихъ, и такъ и на всѣ истины человѣческія, это есть у насъ печать запечатлѣнія нашей просвѣщенности въ нашъ вѣкъ, а смѣть смотрѣть на свои собственныя убѣжденія какъ на истину, и причино—послѣдовательно при этомъ,—по сему самому всѣ убѣжденія, несогласныя съ ними, формально признавать за заблужденія и за ложь опредѣленную уже,—это такъ уморительно въ нашъ вѣкъ, и такъ дико звучитъ это въ ушахъ его высокопросвѣщенности, что въ этомъ уже лежитъ у насъ на насъ печать прямаго отверженія насъ, въ силу этого, отъ свѣтлой области высокой современной образованности нашей.

А кажется и говорить бы нечего, что это недопусканіе исключительности въ истинѣ (позволимъ же себѣ однакожъ серьезно наконецъ остановиться на этомъ и посмотрѣть и доглядѣть серьезно, что это такое, это недопусканіе исключительности въ ней) и говорить бы нечего о томъ, что это есть очевидно прямое отрицаніе той простой очевидности, той аксіомы, говорю, что если что противурѣчитъ истинѣ и несогласно съ ней почему нибудь, и какъ нибудь,—что если что либо отрицаетъ въ ней, что нибудь и какъ нибудь, то это все несогласное съ ней и отрицающее ее по этому уже и не можетъ быть истиной никакъ. Ибо кто же въ здравомъ умѣ и можетъ не признавать того,—что все противурѣчущее истинѣ, какимъ бы то нибыло образомъ, есть такимъ образомъ ложь несомнѣнная уже, если только истина есть истина.

Такъ взвѣсимъ же теперь смыслъ и значеніе этого непри-

знаванія исключительности въ истинѣ и поглядимъ при этомъ, какая есть возможность истины и остается ли и мѣсто ей при этомъ, и даже есть ли въ ней и смыслъ какой нибудь, — въ этой истинѣ или въ самомъ понятіи её и попиманіи ея за истину, если только есть правда въ этой современной просвѣщенной клеветѣ на такую абсолютную, какъ утверждаю я, исключительность ея, — (абсолютной нашей истины у насъ)., если только, говорю, въ самомъ дѣлѣ и дѣйствительно по утвержденіи темнаго принципа свѣта просвѣщенія такъ исключительно понимаемая истина есть *неправда ума*.

Ибо что за смыслъ истины; и какой смыслъ въ ней послѣ этаго, и остается ли уже какое нибудь понятіе истины въ самомъ понятіи ея при этомъ.

Такъ что признавать за истину и что либо не согласное съ истиной (признаваемой за истину), что либо и противурѣчущее ей, — это есть, кажется ужъ явно не только отрицать самую возможность истины, но и прямо отрѣкаться уже и отъ здраваго смысла въ тоже время, т. е. отъ простаго здраваго пониманія или приниманія истины за истину.

«Но что же, говорятъ намъ на это обыкновенно, и намъ «совѣтуетѣ въ правовѣрные?! Прика́жете и намъ въ гяуры «посылать и звать собаками всѣхъ несогласно съ нами мыслящихъ? И всѣмъ навязывать во чтобы то ни стало, чтобы «то, что истинно для насъ самихъ, чтобы это было истинно и «для всѣхъ, и утверждать, что несогласно съ нами думающіе — всѣ заблуждаются? Не возвратиться ль намъ ужь за «одно и къ средне-вѣковой схоластикѣ, и не поревновать ли «ужъ усердной нетерпимости былой все свѣтной лжи католи«цизма съ инквизиціей ея? да и не этой только какъ бы все«свѣтной лжи, но и всѣмъ дробнымъ, разнороднымъ, проти«воречивымъ лжамъ всѣхъ протестанскихъ сектъ; ибо и самая «мѣлкая изъ нихъ, но въ этомъ присвоеніи себѣ одной, единой «спасительной истины, неоставала, кажется, и ни одна изъ

«нихъ отъ цѣлаго католицизма. Ни одна, говорю, и самая «микроскопическая секта этаго протеста (по крайней мѣрѣ во «времени еще жизненной силы въ немъ); такъ что одинъ «Цвинглій только тогда и отсталъ отъ всѣхъ» (т. е. опередилъ весь свой вѣкъ).

Вотъ общій голосъ возраженія.

Но, господа, изъ за того что заблужденія въ истинѣ всегда быть могутъ, и всегда бываютъ въ человѣчествѣ; или хоть бы даже и изъ за того, что можетъ быть и варварская нетерпимость у людей убѣжденныхъ въ своей истинѣ — къ людямъ разномыслящимъ съ ними; и если бы могло быть даже что нибудь и хуже этого при этомъ убѣжденіи въ ней: но изъ за этого однакожъ руки поднимать на самую истину (какъ будто бы безъ истины и зло ужъ невозможно), т. е. рѣшаться изъ за этого не признавать ее и исключительной чтобъ только не было возможности признать за истину такую, т. е. за дѣйствительную истину и ложь какую нибудь, и чтобы только не было опасности, стоять за истину свою, какъ изувѣры за свою стоятъ; — то это вѣдь напоминаетъ, господа, ту сказку нѣкую о томъ, какъ въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, захотѣли разомъ порѣшить со всѣми погрѣшностями въ дѣлѣ слова, и чтобы ихъ за разъ всѣ предотвратить, такъ всѣмъ и запретили вовсе говорить. Или не согласиться ли ужъ — намъ и не жить, напримѣръ, изъ за того, чтобы только не было возможности шалить.

Но чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ виновата истина, что изъ за виноватыхъ передъ ней, (изъ за погрѣшающихъ-ли въ ней, т. е. ошибающихся, — изъ за погрѣшющихъ ли противъ нея, т. е. не истинно за истину, а за самую самость только свою и стоящихъ; и только какъ за истину); чѣмъ же виновата она, что мы изъ за виноватыхъ передъ ней, такимъ образомъ хотимъ и самое понятіе истины исторгнуть изъ ума людей; и чѣмъ же виноваты люди, все человѣчество, что если есть и

виноватые изъ нихъ, чтобы изъ за нихъ лишить и всѣхъ; по крайней мѣрѣ стараться такимъ образомъ лишить все человѣчество и самаго понятія объ истинѣ.

Нѣтъ, для неотрекшихся отъ истины для тѣхъ, кому она не нестерпима, а даже дорога, близка необходима, для тѣхъ во 1-хъ очень просто и понятно, что надо свѣту просвѣщенія не самое понятіе истины и извращать и искоренять; а отыскать ошибки въ томъ, въ чемъ состоятъ онѣ, и гдѣ онѣ есть именно: и эта ужъ дѣйствительно хоть и трудненько, но необходимо и обязательно для руководственнаго свѣта просвѣщенія, чтобъ выполнить ему его задачу (въ назначеніи его быть силою всесвѣтнаго свѣта), и чтобы такимъ образомъ истина было ограждена со всѣхъ сторонъ въ истинномъ свѣтѣ просвѣщенія, и ложь не принималась бы ужъ болѣе за истину; и въ истинѣ такимъ образомъ уже можно бы было смѣло стоять какъ въ истинѣ тогда—людямъ просвѣщеннымъ.

А во 2-хъ при этомъ и враждебныхъ отношеній къ разномыслящимъ здѣсь нечего бы было и опасаться уже; ибо ихъ надобно бояться не тамъ, конечно, гдѣ есть истина, гдѣ истинно за истину стоятъ, а тамъ на оборотъ, гдѣ это все на оборотъ.

Но то до истины и не касается, какъ во лжи, а не въ истинѣ стоящіе стоятъ за свои лжи и заблужденія, хотъ бы какъ и за истину въ потьмахъ своихъ.—

А истина всего характеристичнѣе, наглядно характиризуется у насъ, именно въ самомъ характерѣ и свойствѣ своихъ орудій дѣйствія. Ибо ни магометовъ мечь,—ни инквизиція, и козни изувѣрства и ложь подлоговъ и обмана, ни щитъ владѣющихъ князей, — все это не ея орудія и силы. А точно также тамъ гдѣ озлобленіе противъ разномыслящихъ сильнѣе тамъ и вѣрнѣе всего не истины ужъ дѣло. . . . тамъ даже подозрительно всегда, что не на истину ли именно ужъ такъ и злятся тамъ; ибо гоненія на истину всегда всего ожесточеннѣе; въ какомъ бы видѣ не являлась въ нихъ эта оже-

сточенная озлобленность на истину, въ грубой ли открытой силѣ варварства костровъ языческихъ и анафемъ папскихъ;— въ самомъ ли—утонченномъ варварствѣ лукаваго безсилія нашего времени, — въ его насмѣшкѣ ядовитой; когда теперь ужъ у насъ на развалинахъ разсыпавшагося могущества владычнаго на западѣ когда-то Ватикана (всесильно властвовавшаго тамъ силою подлога имени Божьяго въ разсчетахъ своего личнаго честолюбія съ всесильными тогда перунами всѣхъ силъ его анафемы на всѣхъ, дерзавшихъ видѣть интересы страсти подъ ферулою его святыни у него); когда, говорю, на развалинахъ этой уже павшей силы воцарилась сила новаго насилія, въ новый вѣкъ господствующаго и не на западѣ одномъ, и господствующаго страхомъ не анафемы уже, а страхомъ злыхъ искусниковъ насмѣшки въ наше время, насмѣшки—надъ силой всякой искренности въ истинѣ, этой язвительной насмѣшки нашей—современной,—страшной силою своею ужъ замѣнившей, говорю, въ наше время всѣ былые страхи «этихъ громовъ безъ молніи» Ватикана.

И эта то насмѣшка у насъ теперь орудіе силы въ рукахъ насилія новаго—новѣйшаго всесильнаго подлога,—подлога научнаго уже, но парадирующаго въ такомъ приличномъ видѣ, что чуть чуть что не святыней выступаетъ и онъ у насъ въ господствующемъ у насъ тонѣ или тактѣ—самомъ утонченнѣйшимъ у насъ во свѣтѣ современнаго духа просвѣщенія.

Но таковы всѣ орудія, говорю, не только что не истины самой, а даже это именно и всего чаще обыкновенныя орудія противъ нея.

А истина по самому характеру ея во первыхъ и прежде всего естественно свободна не только отъ всѣхъ этихъ порывовъ озлобленія такой тупой и дикой нетерпимости, но и чиста всегда отъ духа самой даже пропоганды; такъ что ея терпимость у нея, а также и отсутствіе въ ней всякой пропоганды, это какъ бы исключительное выраженіе ея физіоно-

міи у истины, всегда и отличающее ее отъ всякихъ лжеименныхъ истинъ. Ибо не пропоганда это, у насъ конечно, не только наше искренно свободно доблестное исповѣданіе своей истины въ церкви, не преклонно содержимой за истину въ глазахъ и всесвѣтно побивающей ее насущной силы нашего лжесвѣта просвѣщенія; но даже и самая торжественная ревность Апостольской всемірной проповѣди,—не пропоганда это отнюдь, и очевидно; а только лишь одно живое неравнодушіе къ истинѣ самой, во всѣхъ симптомахъ силы только самой жизненности этого живаго неравнодушія, говорю, являющагося въ дѣйствіи своемъ у насъ и въ томъ и въ другомъ его видѣ, т. е. и въ ревности Апостольской и въ исповѣданіи Церкви. Такъ что это отсутствіе пропоганды также какъ и духъ терпимости въ истинѣ это такія отличія ея отъ всякихъ лжеименныхъ истинъ, которые не уловимо-неподражаемы уже для нихъ!....

И такъ за чтожъ еще гоненіе на истину? Какіе же еще въ ней страхи?.... Но только, что изъ за какихъ бы то ни было въ ней страховъ, на взглядъ иныхъ людей;—но только что мириться на жизни безъ нея;—не говоря еще и о безсмысленности этого или въ этомъ; этимъ кромѣ того еще и обрисовывается уже ясно характеръ или складъ нравственнаго вкуса тѣхъ людей, которые опредѣляютъ себя этимъ предпочтеніемъ того, что для нихъ лучше какъ нибудь перебиваться безъ нее, чѣмъ безпокоиться еще такъ много о ней и ломать свою барскую голову такимъ многопопечительнымъ и требовательнымъ попеченіемъ объ истинѣ такой, какова она въ своей дѣйствительности; т. е. объ абсолютно исключительной истинѣ. А страхъ иныхъ людей и еще опредѣленнѣе того:—«нѣтъ,» чувствуютъ они,—«добейся-ка ея, такъ у нее не отобьешся ужъ ни какъ «отъ ея такихъ жизненныхъ требованій, съ которыми житья «ужъ ни какого нѣтъ ни какому широкому простору, безжиз-

«ненности, т. е. ни какому простору произвола въ разумѣ и «нравственности.»

Но дѣло не во вкусѣ здѣсь, однихъ немогущихъ и обойтись безъ истины, другихъ немогущихъ терпѣть и самого духа ея. . . . . а прямо въ томъ, что и не можетъ быть иначе, какъ мы сказали уже прежде: т. е. въ томъ, прямо, ясно и опредѣленно:—что истина не можетъ быть не исключительной, что и немыслимо и мыслить истину иначе, что признаваніе истины не исключительной, есть признанная невозможность истины и только. —

Ибо истиной не можетъ быть то, отрицаніе чего есть истина. Такъ что дѣйствительная истина и есть дѣйствительное отрицаніе всего отрицающаго ее.

Ибо все есть какъ есть: не существующее есть не существующее, а существующее, существуетъ, и существуетъ такъ какъ есть—и не зависимо отъ тото, какъ я нахожу его, а только всѣ находящіе—не такъ какъ есть—всѣ всеконечно ошибаются.

А кто находитъ такъ какъ есть, у того дѣйствительно есть истина; и не смотря на то, что другіе находятъ и не согласно съ нимъ (не такъ, какъ онъ находитъ). И не только истина есть у того, кто находитъ такъ какъ есть, но именно по этому самому уже всѣ несогласные съ нимъ, хотя бы и весь свѣтъ былъ несогласенъ съ нимъ,—всѣ ошибаются ужь несомнѣнно по сему; по причинѣ этаго самаго несогласія ихъ съ тѣмъ, кто находитъ такъ какъ есть.

И я уже не оговариваюсь болѣе въ томъ, что я вынужденъ такія общія мѣста такія азбучныя истины, а поставлять на видъ съ такимъ серьезнымъ видомъ; ибо не моя вина, конечно, что приходится за азбуку сажать нашъ просвѣщенный вѣкъ, когда онъ просвѣщенъ такимъ упусканіемъ изъ виду самыхъ общихъ истинъ, на которыхъ однакожъ все стоитъ и держится на свѣтѣ.

Но только, какъ бы колесо мысли просвѣщенной у нашихъ просвѣщенныхъ мыслителей современныхъ, не повернулось такъ, что на меня же опрокинутся они, пожалуй, какъ это и случается со мной почти что постоянно въ серьезныхъ спорахъ съ современниками моими: что чѣмъ яснѣе имъ докажешь нелѣпости ихъ мнѣнія, за которое они стоятъ, тѣмъ виноватѣе становишься у нихъ въ винѣ ужъ самой крупной передъ ними, а именно, что будто бы я это клевещу на нихъ, взводя на нихъ такія небылицы, такъ какъ они не только что никогда не думали (какъ они начинаютъ утверждать это подъ конецъ разговора) такъ нелѣпо, какъ это оказалось въ концѣ концовъ всѣхъ споровъ съ ними, но и подумать не могли они никакъ, конечно, такихъ нелѣпицъ явныхъ; и этотъ оборотъ и поворотъ такой не только что не удивителенъ а даже онъ и самый естественный у насъ при этой силѣ безразборчивости въ истинѣ и безучастности къ ней; и по силѣ такого безмнѣнія, неизбѣжнаго у насъ при этомъ, что кто у насъ и знаетъ хорошенько и какъ и что онъ признаетъ; а потому припомнить, что именно онъ говорилъ въ началѣ спора, ему и мудрено въ самомъ дѣлѣ, а невмѣстимость нелѣпицы, ставшей очевидною къ концу разговора належитъ между тѣмъ неотразимо....

Но ужъ пускай и здѣсь меня осудятъ тоже въ клеветѣ а только бы хоть въ этомъ видѣ да состоялось четко отрѣченіе вѣка отъ темнаго его абсурда всѣхъ абсурдовъ;—чрезъ что права̀ истины такимъ образомъ и возстановятся у него во всей ихъ силѣ. И тогда мы подчеркнемъ при этомъ только, что да будетъ же такъ, чтобъ ужъ впередъ этого абсурда непризнаванія исключительности въ истинѣ и не было бы только; и только!....

Но только ужъ смотрите же;— тогда смотрите послѣ этого на все несогласное съ истиной честно и искренно уже какъ на ложь, опредѣленную воистинно:—и относитесь къ этой лжи уже зазнамо, и сознательно отчетливо и разсудительно предусмотрительно какъ ко лжи опредѣленной; а съ истиной ужъ

обращайтесь добросовѣстно по всѣмъ закономъ разума и совѣсти, какъ съ истиной самой; а потому какъ съ неприкосновенной уже по всему прежде всего.

А пока и въ ожиданіи этого; такого ли, другаго ли какого оборота дѣла, мы станемъ дѣлать свое дѣло, и будемъ продолжать начатое нами.

И такъ на основаніи всего сказаннаго выше объ исключительности истины, мы неизбѣжно приводимся къ слѣдующимъ непреложнымъ основаніямъ для мысленнаго міра нашего, а именно: 1) что недопусканіе исключительности въ истинѣ есть ложь, относительно истины дѣйствительной, т. е. противъ находящихъ все такъ какъ есть въ самомъ дѣлѣ, какъ отрицающее оную истину у нихъ чрезъ признаваніе за истину и того, что отрицаетъ эту дѣйствительную ихъ истину;

2) что это утвержденіе и признаваніе истины неисключительной есть ложь и относительно всего, что только есть отрицающаго дѣйствительную истину, какъ допускающее и тѣрпящее возможность истины во лжи опредѣленной, все цѣлой силою ея несовмѣстности съ дѣйствительною истиной;

и 3) наконецъ, что то, именно какъ именно принимается все въ семъ абсурдѣ, т. е. какъ именно, и сидитъ истина ихъ въ ихъ головахъ образованныхъ, т. е. какъ понимается истина понимающими или принимающими и допускающими возможность истины и въ отрицаемомъ ей также какъ и въ ней отрицающей все несогласное съ ней у понимающихъ и принимающахъ истину, говорю, не за исключительную и такъ не за дѣйствительную только истину, съ какой одной поэтому и имѣетъ дѣло умъ вѣка что это такое недопусканіе исключительности въ истинѣ, что это есть посему нѣчто несравненно худшее и самаго того, что есть и заблужденіе самое, какое бы то ни было.

Ибо поймите же, что и въ самомъ заблужденіи одно, что есть хорошаго, что есть остатокъ всетаки еще чего то человѣ-

ческаго въ немъ и въ самомъ темномъ заблужденіи,—это есть именно хотя и ошибочное, но убѣжденье всетаки въ чемъ нибудь какъ въ истинѣ, а хотя и ошибочное но убѣжденіе это есть всетаки еще, какое то послѣднее мерцаніе свѣта истины на горизонтѣ мысленномъ уже и безъ истины, т. е. хотя солнце истины уже и закатилось тамъ; и заблужденія были всегда и во всѣ вѣка, а это что-то ужъ и тьмы темнѣе и хуже зла у насъ;—ужъ это что-то въ насъ не человѣческое водворяется у насъ теперь въ этомъ непризнаваніи исключительности въ истинѣ: тутъ и послѣднее, что только есть ужъ человѣческаго въ человѣкѣ и разумнаго въ его разумѣ, утрачено имъ въ этомъ,—въ этой способности его такимъ образомъ не находить уже и мѣста истинѣ; въ этой до такой степени, состоявшейся у него возможности для него допускать и самую невозможность ее, говорю; т. е. когда у него нашлась уже возможность и способность допускать это все свѣтное осмѣяніе и поруганіе, какому у насъ предается въ нашихъ глазахъ во свѣтѣ просвѣщенія нашего все значеніе всей силы смысла исключительности истины.

Ибо явно нѣтъ безсмыслицы безсмысленнѣе этого такого тёмнаго состоянія, въ которомъ мы уже во свѣтѣ просвѣщенія нашего доходимъ до способности *предавать осмѣянію*, говорю, эту и самую основу такимъ образомъ всякой серьезной (для разума разумныхъ и обязательной), сознательно необходимой строго-разборчивости въ дѣлѣ истины.

Ибо если дѣло правды въ истинѣ и дѣло искренности въ ея дѣлѣ одно: — болѣть о заблужденіяхъ и дать всегда отвѣтъ на нихъ въ серьезно искренномъ опроверженіи ихъ, всегда серьезно отвѣчая на какія бы то ни было заблужденія (ибо не до смѣха тамъ, гдѣ есть бѣда изъ бѣдъ, гдѣ есть тьма заблужденія); то уже это осмѣяніе истины самой, то этотъ жалкій и презрѣнный современный смѣхъ нашъ, эта наша современная сила, говорю, на смѣну всѣхъ перуновъ Ватикана, выступив-

шая у насъ нынѣ на защиту чего то худшаго и всѣхъ его обмановъ;—смѣхъ въ дѣлѣ истины, — это одно, что по закону мудреца не стоитъ и отвѣта, ибо по его закону «осмѣять смѣхъ», вотъ что одно здѣсь должное; а мы вынуждены были имѣть серьезную раздѣлку съ этимъ посмѣшищемъ все свѣтнымъ такого смѣха, защищающаго свою юродивую *догму истины неисключительной*,—смѣха, говорю, надъ силой строгой требовательности истины въ самомъ значеніи ея исключительности и заключающейся; и еще всё это какъ извѣстно «подъ личиною усердія» къ ней въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, ратовавшій такъ искренно за истину противъ всѣхъ заблужденій (что и есть только отступленій отъ нея), что вмѣстѣ съ отрицаніемъ ихъ, онъ уже съ ними за одно и истину отвергнулъ; — такъ что даже и имя честное ея осмѣяно у насъ въ умахъ современныхъ.

Но злой и жалкій этотъ смѣхъ; но этотъ такой, самый передовой даръ намъ свѣта просвѣщенія нашего; *этотъ смѣхъ* осмѣянія самой исключительности въ истинѣ, такъ жадно *усвоенный вѣкомъ*, мы приняли уже какъ зрѣлый плодъ многовѣковаго возраста и роста прогрессирующей цивилизаціи нашей; какъ плодъ пожатый только такъ обильно у насъ въ нашъ вѣкъ нашимъ такимъ и зрѣлымъ и плодоноснымъ просвѣщеніемъ; ибо путемъ только послѣдовательнаго и многовѣковаго, говорю, историческаго развитія и мнѣній качествъ нравственныхъ и умственныхъ, унаслѣдована нами и сила и способность совершиться наконецъ у насъ въ наше время такому акту плодоносія такого....

Ибо только пройдя путемъ много-знаменательныхъ и страшныхъ лжей и заблужденій лжевѣръ и лгущихъ философій могло достигнуть наконецъ человѣчество этой степени и силы истощанія нравственнаго въ умахъ извѣрившихся въ истинѣ такой ужъ силы истощанія, которая и разродилась наконецъ въ наше время у насъ уже этою чудовищною сердечной вѣрою

нашей въ самую невозможность истины; что видимо и очевидно составляетъ самый духъ и сердце этаго абсурда задушевно искренняго недопусканія исключительности въ ней; и что есть уже бездна крайней пустоты и безкачественности.

И видимо, говорю, что на такую невиданную и неслыханную и небывалую до насъ высоту взобралось и могло взобраться у насъ наконецъ просвѣщеніе наше въ такой вѣрѣ своей, это конечно только взгромоздивши такимъ образомъ престолъ свой наконецъ уже на самомъ верхѣ этой страшной громады безчисленныхъ обломковъ лжей и заблужденій всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

Но да не думаетъ нашъ просвѣщенный вѣкъ, что это у него есть возвращеніе къ великимъ и конечнымъ судьбамъ просвѣщенія языческаго (съ его Эвемерами), того просвѣщенія, которое, въ концѣ концовъ своихъ, такъ блистательно побивало у себя всѣ свои quasi истины, чѣмъ и закончило оно естественно свой ограниченный карьеръ въ отсутствіи у него свѣта истины самой.

А также пусть не думаетъ однако же нашъ вѣкъ хвалиться (въ насущномъ духѣ просвѣщенія своего) и своимъ отличіемъ будто бы въ этомъ отъ софизма языческаго, что это будто у него совсѣмъ не то, а свое его собственное и нѣчто будто новое совсѣмъ; ибо и тѣмъ и другимъ въ одно и тоже время мы видимъ, что у него есть поползновеніе хвалиться.

Но, увы, ни тѣмъ и ни другимъ не можетъ похвалиться онъ; ибо хотя и всеконечно тоже самое и у него это, но тамъ это имѣло весь свой смыслъ и всё великое свое значеніе тамъ, гдѣ истины не знали люди. И такъ совсѣмъ другое дѣло здѣсь; но и это только потому, что здѣсь *это самое;* но передъ лицемъ истины (въ присутствіи ея самой), — это ужъ есть новое нѣчто и дѣйствительно уже совсѣмъ другое дѣло у вѣка нашего: но въ самой мѣрѣ только нравственнаго безобразія и состоитъ у

него новизна этого принятія и усвоенія имъ языческаго этого финала уже въ глазахъ у самой истины.

Теперь мнѣ кажется довольно съ этой нашей передовой областью тьмы—свѣта просвѣщенія нашего; по крайней мѣрѣ довольно (на этотъ разъ) для этого краткаго и общаго обзора, какой мы предположили (себѣ) сдѣлать въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ цѣлаго современнаго состоянія самого духа вѣка просвѣщенія и самого духа просвѣщенія его; въ этомъ очеркѣ, который мы полагаемъ въ начало предпринимаемой нами дѣятельности, начинаемой этимъ сочиненіемъ.

На этотъ разъ, говорю, кажется, довольно будетъ съ этою первою, передовою областью въ духѣ просвѣщенія; къ дѣлу раздѣлки съ которой еще конечно придется намъ возвращаться, и можетъ быть не разъ имѣть съ ней дѣло и болѣе серьезное, въ болѣе полныхъ сочиненіяхъ.—

Только нельзя не предупредить при этомъ, что при той степени силы этой такой предзанятости нашей въ духѣ просвѣщенія, при томъ что мы такъ сильно задались предубѣжденіемъ противъ исключительности въ истинѣ, при томъ какъ вошло это у насъ ужъ въ плоть и кровь всего мысленнаго состоянія нашего и превратилось уже въ законъ всѣхъ мысленныхъ нашихъ отправленій, что при этомъ ужъ намъ мало только увидѣть всю нелѣпость этого передоваго принципа вѣка своего, для того чтобы дѣло этой раздѣлки уже и сдѣлалось у насъ какъ надо. Нѣтъ, это не дается такъ легко и свободно: „гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно“, а привычка вторая натура. Увидѣлъ ли свою привычную нелѣпость и думаешь, что такимъ образомъ избавился отъ нея и выгналъ ее вонъ дверью здраваго смысла? — нѣтъ и смолчитъ нелѣпость уличаемая; ибо она и есть безсловестность передъ разумомъ, а хвать въ окно привычки, молча, но она взошла уже и опять тутъ какъ тутъ хозяйничаетъ у тебя какъ дома, т. е. опять ты подъ ея вліяніемъ всячески и думаешь и разсуждаешь до тѣхъ

поръ, пока не узнаешь, что такъ дешево съ привычкою раздѣлаться нельзя, что съ навыкомъ и съ мысленнымъ особенно раздѣлка возможна не иначе, какъ имѣя только дѣло раздѣлки съ нимъ, постоянной и насущной въ разумѣ и въ силѣ трезваго вниманія.

И такъ, кто въ духѣ просвѣщенія нашего у насъ захочетъ быть истинно свободнымъ отъ этой насущной предзанятости вѣка, тотъ пусть навыкнетъ имѣть съ ней дѣло постоянно у себя и постоянную раздѣлку съ ней; какъ всегда законодательно присущей во всѣхъ насущныхъ отправленіяхъ его сужденій; ибо такъ только и возможно намъ стоять въ самомъ дѣлѣ: необманутыми силою навыка своего въ сердечной и мысленной предзанятости этой, въ этой безразборчивости въ истинѣ, которую кромѣ того эту безразборчивость нашу, говорю, насущно постоянно все у насъ питаетъ въ духѣ просвѣщенія нашего.

А между тѣмъ раздѣлаться съ этой привычной тьмой рѣшительно необходимѣе, чѣмъ жить; ибо не говоря уже о томъ, что существу разумному зачѣмъ и жить, если только жить безсловесно, въ безсмысленности тьмы; но хотя такимъ образомъ и плохо, гадко и только оставаться въ потьмахъ, но дѣло въ томъ, что въ потьмахъ, только тьмой дѣло и не оканчивается въ разумѣ; ибо въ этихъ потьмахъ нашихъ смотрите уже какъ скользкій вѣкъ нашъ, такой лощеный, гладкій въ скользкой цивилизаціи своей, смотрите, какъ повлечетъ васъ (мы постараемся вамъ показать куда) неудержимо; если вы только не захотите жизненно раздѣлаться съ этой передовою областью тьмы его лжесвѣта. Но только еще предупреждаю, торопитесь, вѣкъ нашъ торопится ужасно; ибо смотрите, я предупреждаю, что́ именно будетъ если только не будетъ, говорю, раздѣлки у насъ въ самомъ дѣлѣ и совершенной съ этой тьмой предзанятости нашей.

Ибо смотрите, вотъ ужъ въ этой безднѣ передовой тьмы нашего вѣка уже явилась тьма и еще темнѣе этой передовой тьмы

нашей; ибо вотъ смоттрите. какъ на всрѣчу самому дѣлу, этой передовой области тьмы, въ самой силѣ созданной уже здѣсь невозможности въ ней истины для насъ—выходитъ видимо на встрѣчу этому дѣлу ея у насъ — иное дѣло тьмы изъ другой и посмотрите-ка, какой уже темной области; и какъ уже неудержимо, безпрепятственно выступаетъ у насъ эта сила тьмы, новой ужъ, въ области нашей первой тьмы имѣющая къ намъ, невозбранный доступъ въ непреодолимой силѣ взаимнаго сродства ихъ; въ силѣ самой, говорю, этой созданной здѣсь невозможности для насъ истины, если только у насъ не состоялось еще, какъ указали мы, вполнѣ цѣлое дѣло раздѣлки нашей съ этой передовой тьмой вѣка. —

Ибо какъ народился уже у насъ (и хотя въ этомъ же самомъ духѣ злароднаго недопусканія исключительности въ истинѣ, но уже въ иной, особой области, какъ иное особое произведеніе искуства активной силы вѣка), — иной уже особый духъ,—духъ отрицанія научнаго, какъ и заговорившій уже у насъ отрицаніемъ цѣлаго абсолютнаго содержанія истины: то вотъ онъ, этотъ народившійся и заговорившій уже у насъ духъ отрицанія, хотя и не доросъ еще онъ у насъ до своего естественнаго возраста и роста, и видимо недоговорился еще у насъ открыто явно и отявленно до всего, что у него для насъ готово; но вотъ уже однако онъ,—этотъ духъ отрицанія научнаго онъ это именно и пользуется у насъ этой, говорю, созданной уже у насъ въ первой области тьмы невозможностью для насъ истины (хотя эта невозможность тамъ въ первой области и существуетъ у насъ безсознательно, но существуетъ уже какъ видѣли мы, неизбѣжно,—въ самой силѣ духа, этой первой области тьмы, хотя и не высказывается въ ней).

Вотъ, говорю, за эту-то самую невозможность для насъ истины и берется этотъ духъ отрицанія научнаго у насъ такъ неотступно отъ нея, отъ этой силы невозможности какъ и естественно ему это, по сродству его естественному съ ней; и ее-то

именно, эту невозможность истины онъ и беретъ на себя выговорить намъ, у насъ за насъ. То есть онъ берется у насъ, высказать намъ все дѣло истины у насъ, какъ оно есть у насъ по духу вѣка.

И даже онъ, какъ духъ науки (науки думающей у насъ знать и такъ много думающей у насъ о своемъ знанiи въ наше время), онъ у насъ беретъ на себя даже (самъ отъ себя и безъ спросу нашего) и самое рѣшенiе ея дѣла, дѣла истины у насъ. И вотъ принявшись самъ по своему за дѣло истины и порѣшилъ онъ у насъ съ этой истиною тѣмъ, что истины (абсолютной, что есть истины въ самомъ дѣлѣ) просто нѣтъ совсѣмъ. А говорить ему это у насъ и нетрудно, ибо переходъ къ этому отъ первой области тьмы такой ужъ и естественный и нечувствительный и близкiй; и наука хотя и не сказываетъ намъ этого явно и открыто,—не объявляетъ намъ формально прямо о самомъ несуществованiи абсолютной истины; но ужъ подсказываетъ это намъ всячески она, если мы только сами не умѣемъ дѣлать этаго вывода, а сама наука говорятъ ужъ знаетъ это твердо и опредѣленно; а ей и книги въ руки, на то она наука.—Но разогнувши эти ея книги, мы въ нихъ откроемъ ясно, какая ей на оборотъ находка, этой наукѣ нашей современной, (т. е. я говорю самому духу отрицанiя ея): возможность эта для него или для нея воспользоваться у насъ невозможностью для насъ истины, создавшейся уже у насъ въ области первичной нашей тьмы; если мы только не захотѣли и не собрались разогнать ее у себя, этой тьмы заблаговременно, — а живемъ съ ней также мирно, какъ мирствуетъ съ ней и весь просвѣщенный свѣтъ.

Ибо видимо какую опору силы въ своемъ безсильи и какой готовый и родной ему прiютъ и кровь находитъ этотъ безсильный въ себѣ самомъ духъ отрицанiя нашего здѣсь въ этой родственной ему у насъ первичной тьмѣ нашего просвѣщенiя; какой покровъ своей несостоятельности у себя находитъ онъ

у насъ въ ней подъ кровомъ здѣсь уже подорванной у насъ всей крѣпости и силы энергіи, строго — разборчивости въ дѣлѣ истины, потрясенной здѣсь всей до основанія въ силѣ этого недопусканія исключительности въ ней.

И какая для него находка, какъ увидимъ мы, при несостоятельной остойчивости у него его стоянія на своихъ безосновныхъ основахъ—поживиться ему на чужой счетъ въ крайностяхъ и нуждахъ своего дѣла; занявъ и найдя здѣсь у насъ въ нашей собственной слабости, въ этихъ потемкахъ нашихъ, и основаніе для себя и оправданіе свое и все восполненіе или вознагражденіе всей недостаточной удовлетворительности своихъ собственныхъ основаній у себя въ себѣ самомъ, во всемъ безосновномъ, говорю, стояніи своемъ въ дѣлѣ отрицанія.

Ибо посмотрите, что отрицаетъ отрицаніе наше современное въ истинѣ (въ истинѣ какъ основаніи жизни внутренней и какъ опорѣ цѣлаго стоянія свободы духа во свѣтѣ разума)?

Абсолютно отрицаетъ все абсолютное содержаніе истины: — и бытіе Бога и бытіе расправы правды вѣчной и бытіе души богоподобной и не могущей умирать.

Но посудите же однако въ самомъ дѣлѣ, гдѣ мѣсто въ разумѣ всему такому содержанію истины, если самой истины для разума и нѣтъ и быть не можетъ. И такъ и разговору быть не можетъ послѣ этого обо всемъ томъ, что только въ истинѣ и есть у насъ; и такъ духъ отрицанія въ самой силѣ только неуличенности у насъ нашей первой тьмы находитъ такимъ образомъ уже возможность дать намъ чувствовать или предчувствовать неотразимо, хотя и безотчетно, какъ даже и немыслимо мыслить все отрицаемое имъ.

Но мы посмотримъ далѣе какъ положительно, формально, всячески разумно справедливо — немыслимо въ самомъ дѣлѣ для разума всё это отрицаемое тамъ какъ невозможное уже дѣйствительно, если только тьма первой области во свѣтѣ

просвѣщенія неуличена во тьмѣ её, т. е. если только эта тьма не тьма дѣйствительно.

Ибо если есть правда въ недопусканіи исключительности истины, то мы уже при этомъ, какъ мы видѣли, безъ истины и безъ возможности ея. А безъ нее вы не хотите ли попристальнѣе посмотрѣть и доглядѣть:—весь мысленный міръ нашъ при чемъ онъ у насъ остается безъ неё; съ какимъ именно содержаніемъ онъ остается у насъ безъ истины. Ибо что въ немъ остается послѣ этого кромѣ подлежащаго только естественной науки идеологіи у насъ и только?

И человѣкъ самъ какъ существо мыслящее, при чемъ и онъ самъ остается уже и по самой душѣ своей, (какъ обладающей у него такимъ мысленнымъ міромъ, какой онъ есть у него явно естественно при этомъ безсмысленномъ недопусканіи только самого существованія истины для него).

И строго-научно куда же больше послѣ этого (въ самомъ дѣлѣ) и можетъ отсылаться человѣкъ со всей этой его мыслительной способностью (со всей тамъ психологіей его),—какъ не къ одной только біологіи. (*) И такъ вы видите уже оправданы у насъ такимъ образомъ и безъ хлопотъ—Контъ и Литре и съ братіею ихъ. (**)

Ибо когда нѣтъ истины для мысли, тогда что въ этомъ мірѣ мысли, въ мірѣ мысли объятомъ въ истинѣ всей необъятной сущности бытія своего, какъ въ ней причастнаго уже всей

(*) Есть только тутъ конечно у человѣка одно существенное отличіе его мысленнаго міра отъ физіологическихъ отправленій, только животныхъ неразумныхъ природъ, существенно отличающее его при этомъ отъ нихъ однимъ только существованіемъ у него при этомъ въ его мысленномъ мірѣ этой его лукаво безсмысленной раздѣлки съ отрицаемой имъ истиной, ибо отъ капитала самаго содержанія этой безсмыслицы по крайней мѣрѣ, ужъ некуда ему дѣваться и уйдти при этомъ, а у животныхъ безъ хлопотъ и безъ лукавыхъ отрицаній этихъ нѣтъ и не можетъ быть ничего болѣе, кромѣ ихъ физіологическихъ отправленій (но объ этомъ послѣ—не въ этомъ сочиненіи).

(**) Смотри: Контъ и Милль, Литре.

безднѣ бытія присносущнаго, и всѣхъ законовъ присносущности онаго бытія; со всеживящимъ и живущимъ въ немъ у насъ сознаніемъ и неизгладимой вѣчности его у насъ, а также и съ сознаніемъ въ немъ или чрезъ него и неотразимаго подлежанія нашего всецѣлой силѣ требовательности всей святыни правды.

Но таковъ міръ мысленный только по одной естественной лишь неизбѣжности въ немъ истины у человѣка, такой неизбѣжной въ мірѣ мысли его, что если онъ міръ мысленный у человѣка не осіявается ею, то человѣкъ какъ существо отвѣтственно повинное истинѣ, по міру мысленному своему, является уже виновнымъ прямо передъ ней, передъ этой истиной своей; ею и уличаемый и осуждаемый въ этомъ разрывѣ его міра мысли съ ней, какъ въ непосредственной его прямой винѣ неупотребленія въ дѣло (на дѣло истины) этой мысленной силы своей, иначе и не мыслимой какъ въ этихъ всёрѣшающихъ у человѣка отношеніяхъ ея къ истинѣ; — этихъ отношеніяхъ опредѣляющихъ весь смыслъ и всё значеніе этой силы мысленной, въ этомъ его мысленномъ мірѣ, въ которомъ только такъ и превознесенъ человѣкъ надъ всѣмъ видимымъ. И такъ только отнимите хотя эту неизбѣжность истины для человѣка, по его мысленному міру, не дайте мѣста только ей у человѣка, — и что дѣйствительно кромѣ однихъ животныхъ отправленій, хоть какъ хотите развитыхъ представитъ намъ (или у насъ) и этотъ мысленный міръ нашъ (съ придачею конечно только, говорю, еще безсмыслицы лукавой, но область этой безсмысленности теперь, говорю, мы не намѣрены затрогивать), а при этомъ, именно и остаемся, говорю, мы, недопуская исключительности въ истинѣ, что именно и создаетъ у насъ, какъ мы видѣли эту самую невозможность истины для насъ; и такъ причино - послѣдовательно задаемся чрезъ это и оправданіемъ Литре и съ братіей и даже вызываемъ и накликаемъ неизбѣжность этихъ мнѣній ихъ; ибо че-

резъ это уже естественно и совершенно въ порядкѣ вещей становится отрицаніе всего абсолютнаго содержанія истины какъ извѣщающей насъ и о безсмертіи и объ отвѣтственности души; а на оборотъ признаваніе такого содержанія ея становится уже ни съ чѣмъ несообразнымъ послѣ этого; — это во 1-хъ; а во 2-хъ, смотрите далѣе, когда такимъ образомъ безъ истины нѣтъ ничего разумнаго, никакого разумнаго содержанія и въ нашемъ внутреннемъ мысленномъ мірѣ (этомъ единомъ мѣстѣ всего разумнаго и въ разумномъ существѣ человѣческомъ), когда у насъ отрицается такимъ образомъ при этомъ, говорю, бытіе нашего внутренняго міра, какъ міра разума и свѣта, отрицается у насъ наше бытіе разумное и духовное, у насъ, говорю, въ природѣ видимой существъ разумныхъ, находящихся у насъ предъ глазами; то какъ и ожидать при этомъ признанія и допусканія и самой возможности бытія природы невидимой, невидимыхъ существъ разумныхъ, — какой ожидать вѣры въ самую, говорю, возможность бытія — міра духовъ; (*) и такъ какой ожидать вѣры послѣ этого и въ самое бытіе міра духовнаго, въ бытіе міра разумности самой и въ самую возможность бытія сего; а посему не удивительно, что и самая разумность міро-бытія становится уже немыслимой у насъ теперь для нашихъ научниковъ; и міръ не мыслится у нихъ иначе какъ безсмысленной самослучайностію; ибо

(*) Что такъ наглядно видимо и подтверждается у насъ въ прогрессѣ нашего насущнаго просвѣщенія; ибо мы видимъ поразительно явно, что по мѣрѣ того какъ прогрессивно утрачивается у насъ въ этомъ современномъ свѣтѣ просвѣщенія нашего, всякое отчетливое сознаніе о бытіи у насъ нашего внутренняго, существеннаго, разумнаго, духовнаго міра нашего, такъ соразмѣрно съ этимъ въ такой страшной пропорціи является утраченной у насъ и самая способность признаванія всякой возможности бытія невидимыхъ злыхъ и добрыхъ духовъ такъ, говорю, и на столько, что самая мысль объ этомъ становится у насъ смѣшною, наконецъ, для насъ и это у насъ между вѣрующими нашими (конечно между просвѣщенными изъ нихъ). —

они видимо иначе и помыслить и представлять себѣ не могутъ ничего уже: — ни себя самихъ, ни всего существующаго въ мірѣ, ни самаго существованія міра.

А послѣ этого уже какое мѣсто—и возможности—для такъ сложившихся умовъ и самаго бытія Того, Иже есть разумовъ Господь, и Самъ Сый умъ, и Слова сущаго Родитель, Духомъ своимъ однимъ и опредѣляемый....

И такъ, какъ не воспѣть имъ послѣ этого, этой своей побѣдной пѣсни «что и для чести Самаго Бога должно не допускать Его существованія при этомъ, ибо при этомъ Онъ не при чемъ и какой онъ Богъ послѣ всего этого».....

И такъ оправданъ такимъ образомъ всецѣло весь матеріализмъ при этомъ. И разговора послѣ этого не можетъ быть уже о вѣчности, Святынѣ, — ибо когда такимъ образомъ не находится мѣста и самому бытію разумности, когда и самое бытіе существъ разумныхъ не мыслимо при этомъ, то что за смыслъ въ понятіяхъ святыни, вѣчности, добра и зла.

Ибо если самое бытіе личное существъ разумныхъ есть единое мѣсто бытія разумности самой; то вѣчность и святыня это только самыя опредѣленія или какъ бы какія очертанія ея, какъ сущія условія самаго образа существованія разумности, точно такъ, какъ цѣлый смыслъ всего содержанія разумности весь въ истинѣ самой.

Но только это мы и скажемъ, — на эту только такую правду матеріализма и укажемъ мы пока; ибо о томъ, куда ведетъ насъ дальше этого и неминуемо свѣтъ просвѣщенія нашего (если только нѣтъ у насъ раздѣлки съ нимъ дѣйствительной серьезной въ его первой области тьмы, какъ было прежде сказано) о томъ и говорить бы не хотѣлось. Но туда и дорога только тому, кто не дорожитъ правдой свѣта своего. А кто на оборотъ настолько уже не пропустилъ мимо ушей всей силы знаменательной абсурдности, — недопусканія исключительности въ истинѣ: кто глянулъ такъ сознательно въ лицо этой

безсмыслицы всесвѣтной, что силою сознанія своего отрезвилъ уже свой умъ отъ объуморительнаго чаду этой первичной нашей тьмы, — тому нетолько ужъ не пріютить подъ кровомъ своей личной безразборчивости въ дѣлѣ свѣта — чуждой тьмы, тьмы этихъ отрицателей научныхъ; но для него конечно не остается никакой возможности уже и этой тьмы ихъ собственной несостоятельности, несостоятельности этихъ отрицаній ихъ (на сколько онъ не чуждъ и свѣту просвѣщенія) не взвѣсить силою неумолимой критики своего проснувшагося здраваго смысла, ставшаго такимъ образомъ на стражѣ свѣта истины, такъ что безъ спроса у него — не стать ужъ истиною для него никакъ и ничему, такъ какъ онъ далеко позади оставилъ за собой всю эту обиходную способность нашу мириться у себя съ рядомъ такихъ не мирныхъ quasi истинъ отрицанія, которыя противурѣчатъ сами себѣ и одна другой, только мирно, дружно и согласно всѣ вмѣстѣ заодно противорѣча здравому смыслу одному.

А такъ какъ удостоился и я взглянуть въ физіономію этой господственной и заправляющей всѣмъ передовой и первой тьмы лжесвѣта просвѣщенія нашего, руководящагося у насъ внутрь свѣта своего этой своей пресвѣтлой догмой недопусканія исключительности въ истинѣ, а потому и я былъ вынужденъ имѣть раздѣлку и со второю областью насущной силы тьмы просвѣщенія нашего, т. е. и съ этимъ великонаучнымъ дѣломъ современнаго отрицанія нашего: то я и намѣренъ дать теперь отчетъ въ моей раздѣлкѣ и съ этой вторичной нашей тьмой.

Ибо какъ извѣстно, у нея есть свои особыя, хотя и подложныя, но ея собственныя основанія и поддержки и кромѣ этого такого пріютнаго для нея покрова первой тьмы.

И какъ бы я желалъ, чтобы этотъ отчетъ мой могъ удовлетворить прежде всего его вызывательной задачѣ у меня; ибо нечего и говорить о томъ, — что явно всего необходимѣе и

всего желательнѣе у насъ въ наше время и въ нашемъ положеніи — это во первыхъ и прежде всего конечно, чтобы нашъ просвѣщенный вѣкъ никакъ не могъ по крайней мѣрѣ спокойно оставаться просто, какъ ни въ чемъ не бывало въ рукахъ позорной тьмы своей, т. е. чтобы по крайней мѣрѣ уже загорѣлся-бъ бой у насъ на всѣхъ жизненныхъ пунктахъ разума съ этой насущной, всеомрачающей силой тьмы quasi свѣта современнаго просвѣщенія нашего.

Ибо вся сила тьмы всегда у человѣка въ силѣ одной неподвижности его лѣниваго ума, какъ постоянно говорю я, и какъ уже мы имѣли случай видѣть это отчасти и на дѣлѣ, въ дѣлѣ раздѣлки нашей съ первой тьмой; хотя при неподвижности ума ужъ неизбѣжны у него и не тьма только одна, но и лукавство всякое съ ней вмѣстѣ; но за то безъ этой неподвижности его и тьмѣ самой нѣтъ мѣста.

И такъ когда бы *только* загорѣлся этотъ желанный бой, такъ жизненно у насъ вызываемый на всѣхъ жизненныхъ пунктахъ разума! Ибо тогда, конечно, шумъ такого жизненнаго боя разбудилъ бы наконецъ и поднялъ бы умъ вѣка, на отпоръ силы силой; — всей силы заполонившей умъ тьмы вѣка, всей силою свѣта рузума; а что значитъ вся сила тьмы передъ его свѣтомъ.

А такимъ образомъ тогда конечно еще при этомъ бы явилась и выросла бы у насъ вмѣстѣ съ тѣмъ во всей своей всетребовательной силѣ и вся сила сознанія необходимости и купно дѣйствія у насъ всѣхъ честныхъ силъ разумныхъ, какъ вызываемыхъ у насъ на выручку добра и правды, всей вопіющею нуждою и крайностію положенія дѣла правды и добра у насъ, которое и подрывается и разоряется у насъ такъ беззавѣтно, безпощадно и невозбранно, безнаказанно, какъ разоряемое и расхищаемое у насъ все подъ видомъ и подъ именемъ гуманности и просвѣщенія и свѣта истины самой.

И такимъ образомъ, тогда всей силой этой бранной поднятости всѣхъ умныхъ силъ, — (всѣхъ силъ ума), — отнимется уже у насъ конечно всякая возможность наконецъ этого безобразнаго сочетанія лжи и истины, добра и зла, которая въ неизобразимомъ безразличіи смѣшенія ихъ все спутываетъ и извращаетъ *безвыходно* и окончательно и въ разумѣ и въ жизни вѣка, во свѣтѣ просвѣщенія нашего,—въ духѣ, говорю, этого насущнаго свѣта нашего въ господствующемъ направленіи котораго—дѣло силы отрицанія научнаго, (какъ загораживающее всякое движеніе свѣта) уже лежитъ на мірѣ мысли такою убійственною силою, что не противостать намъ этой силѣ отрицанія всею силой трезваго ума, это есть уже—прямо отказаться человѣку отъ всей силы его свѣта, жизни и свободы въ духѣ просвѣщенія современнаго, какъ держащагося у насъ, хотя и на почвѣ темной безразборчивости нашей въ истинѣ, но держащагося тамъ однакожъ, въ силѣ именно этого самаго духа отрицанія нашего, видимо орудующаго у насъ всѣмъ, въ духѣ этого лжесвѣта.

Но въ такой борьбѣ (въ этой раздѣлкѣ нашей съ духомъ просвѣщенія ужъ въ самой темной области его тьмы), — въ такой борьбѣ на столько окончательно рѣшительной у насъ за дѣло свѣта въ наше время, — намъ необходимо установить строгоопредѣленные, ясные и твердые границы дѣла этой страшно серьезной борьбы нашей. Ибо я нисколько не преувеличиваю значеніе ея говоря рѣшительно, что это борьба у насъ формально не на жизнь, а на смерть; ибо въ ней прямо и рѣшается у насъ это самое—жить или не жить;—быть или не быть у насъ одному изъ двухъ: или тьмѣ, или разуму.—

И это тамъ въ перво-основѣ духа просвѣщенія нашего, въ самомъ опредѣленіи нашей жизни въ немъ — жизнью или смертью разума у насъ.

Ибо какъ только разумъ уличитъ у насъ тьму въ нашей тьмѣ отрицанія научнаго, такъ ей и мѣста нѣтъ уже, — какъ

тьмѣ передъ лицомъ свѣта,—этой улики разума; тогда какъ если бы на оборотъ тьма отрицанія истины у насъ могла бы оправдаться въ правдѣ такого отрицанія своего;—то ужъ объ разумѣ тогда и разговору не могло бы быть.

Потому то тьма отрицанія нашего, впередъ уже въ лицѣ ея представителей у насъ совсѣмъ и распрощалась съ разумомъ, т. е. съ разумностію самой, чуть чуть что не въ обезьянство властно посылая всѣхъ соглашающихся съ ней. Хотя она и незаконно такимъ образомъ ужъ предрѣшаетъ этотъ споръ, въ скотство ихъ отправляя безправно до рѣшенія спора, самопроизвольная непрошенная наша распорядительница смысловъ;—такъ какъ—туда ей и дорога (въ скотство и въ самое водительство скотоподобныхъ) послѣ ея побѣды только.

А вовторыхъ и такъ ожесточенно посему она ведетъ у насъ свою борьбу;—хотя не съ разумомъ конечно, ибо, говорю, ей сущей тьмѣ не только съ разумомъ схватиться открыто въ честномъ спорѣ, но и только стать постоять ей за себя, (въ себѣ самой)—ей тьмѣ, передъ свѣтомъ разума конечно, нѣтъ никакой возможности, (такъ что разуму стоитъ только напасть на слѣдъ ея, чтобъ услѣдивъ и разогнать её безслѣдно, передъ лицомъ преслѣдованія своего).

И такъ не съ разумомъ, конечно, я говорю, а противъ разума она ведетъ у насъ ожесточенную борьбу свою; и, такъ сказать, — заочно отъ него; и это именно всѣми нелёгкими своихъ подлоговъ и обмана, лишая насъ самаго употребленія разума.

Ибо по милости тьмы отрицанія нашего, уже не только въ отвлеченныхъ сужденіяхъ нашихъ о разумѣ, не находимъ мы ему и мѣста у себя; такъ какъ немыслимы для насъ, мы видѣли ни разумъ, ни разумность въ нашемъ мірѣ мысленномъ, когда мы не находимъ въ немъ единаго существеннаго содержанія его, его зависимости (неизбѣжной для него) отъ истины: — но, говорю, не только что немыслимы для насъ при семъ, ни

разумъ ни разумность, — не только что въ понятіяхъ нашихъ у насъ нѣтъ мѣста разуму; но у насъ есть при семъ ужъ и повѣрка этого на дѣлѣ, ибо уже разуму и въ самомъ дѣлѣ, не дается никакой возможности и дѣлать свое дѣло у насъ; и связана и отнята у него уже вся его свобода дѣйствія во свѣтѣ просвѣщенія нашего,—какъ и назвалъ я это такимъ образомъ, что мы лишены уже и самого употребленія разума въ этомъ лжесвѣтѣ нашемъ. Ибо все мѣсто разума и все его употребленіе въ дѣло (все мѣсто его собственной дѣятельности, а не одной изъ силъ его служебныхъ) у насъ конечно въ одномъ только уже абсолютно его собственномъ дѣлѣ,—въ дѣлѣ самой одной лишь абсолютной истины у насъ; а у насъ, смотрите, у разума отнята уже вся энергія его даже и для разборки самыхъ отрицаній истины во свѣтѣ просвѣщенія; ибо, въ какихъ же интересахъ и сталъ бы разбивать ихъ разумъ и разбираться съ ними строго и серьезно, когда для дѣла истины онъ чувствуетъ, что онъ не могъ бы сдѣлать ничего даже и тогда, когда бы онъ смогъ и опровергнуть ихъ вполнѣ, — всѣ отрицанія истины: — такъ какъ утвержденія истины въ чинѣ истины, утвержденія самой истинности ее въ ней,—не можетъ же онъ всетаки никакъ добиться, — разумъ нашъ; т. е. хотя бы мы разумно опровергли и всѣ отрицанія истины, но все же не могли бы мы и при этомъ утвердительно признать ее за истину употребивъ на это и всю силу разума;— а безъ этаго какое же значеніе истины!?! *(какое разумѣніе ее?)*

И такъ вотъ первое употребленіе разума въ его дѣлѣ, въ дѣлѣ разумѣнія истины—отнято у него; и это въ самомъ конечно первомъ условіи разумѣнія её у насъ: ибо въ истинѣ какъ въ истинѣ,—конечно первое её значеніе, какъ первый смыслъ ее необходимый—есть самое разумѣніе ее за истину самую,—а потому это есть самое утвержденіе за ней этой самой истинности ее прежде всего; такъ что и разумъ нашъ самъ, какъ

разумъ—разумѣетъ, что безъ этого и прежде этого—ни шагу дальше въ дѣлѣ разумѣнія истины, чтобъ не было безсмысленнымъ иначе и самое понятіе и весь смыслъ того, что разумѣется подъ словомъ и подъ единымъ смысломъ истины.

Но разумъ нашъ какъ разумъ въ самосознаніи своемъ,—въ сознаніи своего значенія у себя, какъ знающій свой чинъ и мѣру—и свои границы,—знаетъ онъ, говорю,—что не его это силы дѣло—утвержденіе этого за абсолютной истиной;—онъ чувствуетъ что силы и способности *на это*, нѣтъ у него—во всемъ всецѣломъ содержаніи его.

Вотъ до чего онъ и доросъ у насъ уже вполнѣ въ наше время, что ужъ ему вполнѣ понятно стало, что ему съ одной гадательствующей обо всемъ философіей его, нѣтъ силъ для утвержденія такого; ибо эта гадательствующая у него обо всемъ философія его—не утверждаетъ ничего формально и неприкосновенно; — не даетъ ему неприкосновенно опредѣленныхъ утвержденій ни на что; и это тамъ именно, гдѣ твердая неприкосновенность ихъ для ума—всего необходимѣе.

А послѣ этого ужъ какъ хотѣть и ждать отъ разума его втораго дѣла въ дѣлѣ разумѣнія истины, т. е. какъ хотѣть и требовать отъ него разумѣнія смысла самаго содержанія ее;—но содержанія чего же только, истины или лжи? Когда еще не утвержденъ нашъ разумъ въ разумѣніи сего самого въ истинѣ;—а безъ сего въ бирюльки ли играть мы будемъ, чтобы изслѣдовать намъ и взвѣшивать и изучать серьезно смыслъ можетъ быть и лжи какой нибудь.

А и подавно какъ же ждать и откуда взять послѣ этого здраваго и правильнаго разумѣнія вещей, — правильнаго разумѣнія всего; — тогда какъ это есть лишь только, — разумѣніе всего — въ разумѣ истины, какъ правильное и согласное *съ ней* пониманіе всего на основаніи ее самой; — откуда же взять этого необладая ей самой?

Вотъ какова возможность употребленія разума у насъ.—

Вотъ какъ возможно разумѣть разуму у насъ, въ насущномъ свѣтѣ просвѣщенія нашего.

Но разумъ есть; но разумъ и есть разумъ; и разумъ разумомъ и скажется, —когда отрясши съ вeждей сонъ своей первичной тьмы въ свѣтѣ просвѣщенія; не сонный уже онъ, а будетъ чувствовать что онъ лишенъ употребленія силъ своихъ; ибо не сонный онъ—по своему и глянетъ уже онъ на это:—и разглядитъ конечно,— что это за убитость у него всѣхъ силъ его энергіи—какой то темной невозможностью для него—разумѣнія истины; т. е. я хочу сказать, что освободясь отъ нашей первичной тьмы безразборчивости въ истинѣ нельзя ужъ не добраться намъ и до объясненія себѣ того, что эта за невозможность разумѣть—разуму у насъ.—

И такъ кто у насъ — уже освободилъ свой умъ вполнѣ отъ первой тьмы съ тѣмъ мы теперь посмотримъ далѣе,—что это за безвыходное такое положеніе у насъ въ дѣлѣ истины, что эта за невозможность такая разумѣть — разуму разумѣть истину у насъ.

Посмотримъ же какое положеніе истины у насъ въ насущномъ нашемъ состояніи, въ данный моментъ темной современности нашей въ ее насущномъ просвѣщеніи, — чтобы доглядѣть и враслѣдить въ немъ въ этомъ насущномъ просвѣщеніи своемъ всѣ слѣды этого его темнаго дѣла — лишенія насъ самаго употребленія разума; т. е. мы разберемъ и изслѣдуемъ такимъ образомъ самый процесъ всѣхъ отправленій этого уже втораго акта—активной силы нашего лжесвѣта.

И такъ вглядимтесь пристально въ самые подробности—положенія дѣла истины у насъ,—какое это положеніе ее,—и что это такое дѣлается у насъ съ ней; и какъ это у насъ тамъ тьма такая—на самомъ мѣстѣ свѣта; какъ въ абсолютномъ дѣлѣ истины самой — у насъ является на дѣлѣ абсолютная невозможность разумѣть для разума во свѣтѣ просвѣщенія нашего.

Но для ума смотрящаго уже не сквозь сонъ тупаго небреженія своего, а смѣло и независимо свободно на дѣло истины во всемъ его пространствѣ, — во всѣхъ судьбахъ истины у насъ, во всѣхъ ее путяхъ, судахъ и силахъ; — для ума трезваго,—хочу я сказать,—когда уже онъ глянулъ у насъ могущественнымъ свѣтомъ, силою вниманія своего въ область вѣденія; — и обнявши всю безконечную высоту и широту сей области измѣрилъ уже у насъ и всю низость глубокой крайней ограниченности нашей въ ней—въ насущномъ свѣтѣ просвѣщенія нашего, при не незнаніи и самой постановки дѣла этого лжесвѣта современнаго, — для силы этого смотрѣнія трезваго ума уже не можетъ быть не услѣдимо—все объясненіе дѣла—всего нашего безсмысленнаго, безпомощнаго, безвыходнаго положенія—въ этой безбрежной безпріютности нашей—во свѣтѣ, въ разумѣ и въ истинѣ — у насъ, въ потемкахъ духа просвѣщенія нашего.—

Не можетъ быть невидимо—уже наглядно ясно—какъ здѣсь все дѣло въ томъ у насъ, что умъ вѣка всѣми продѣлками—искусныхъ махинацій—активной силы нашего лжесвѣта, доведенъ у насъ до того наконецъ, что въ упоеніи этой тьмы своей,—вѣкъ нашъ,—позабылъ у насъ и самое употребленіе того мысленнаго орудія въ дѣлѣ вѣденія, — того или такого необходимаго орудія въ немъ,—безъ котораго дѣло вѣденія и немыслимо:—а потому то и такъ съузилъ онъ у себя—область вѣденія своего, и такимъ бѣднымъ и тѣснымъ кругозоромъ уже сталъ онъ ограниченъ въ ней—властительской рукой насилія этого духа просвѣщенія своего, этого новѣйшаго тирана, деспота умовъ, — что такимъ образомъ обобранный имъ безпощадно, — онъ нашъ вѣкъ теперь у насъ остался — въ своемъ внутреннемъ домашнемъ обиходѣ — мысленномъ, уже при одномъ только имени вѣденія, т. е. при однихъ нищенскихъ лохмотьяхъ своего жалкаго права — судить обо всемъ

повидимому только,(*)какъ вынужденный къ этому, лишенникъ бѣдной—всей силой обстоятельствъ своего насущнаго положенія въ дѣлѣ разума. Ибо такимъ образомъ въ этомъ насущномъ духѣ просвѣщенія—у него отнята уже вся та необъятная живая область бытія его — въ его внутреннемъ мірѣ, въ жизни вѣденія его, которая и состоитъ собственно въ живомъ обладаніи *свѣтомъ истины самой*; — живое обладаніе которой, одно и раздвигаетъ границы вѣденія въ ширь кругозора необъятную; одну и удовлетворяющую всей силѣ разумной, безконечной требовательности духа человѣческаго; и отнята и исключена у него совсѣмъ уже изъ общаго итога бытія его, у вѣка просвѣщенія, эта живая сила его бытія (эта свѣтлая сторона или живая область бытія его — во свѣтѣ вѣденія) до того уже, - что онъ въ этомъ безпощадно-разоряющемъ его духѣ просвѣщенія своего даже забылъ ужъ наконецъ у насъ— какъ мы сказали и самое употребленіе самого органа ее у себя въ своемъ умственномъ организмѣ, — самого органа этой живой живящей его силы, забывши *самое употребленіе вѣры въ дѣлѣ вѣденія*—т. е. именно *той самой способности, которая, одна и есть у насъ—наша единственная абсолютная способность утвержденія за абсолютной истиной ее абсолютной истинности.*

Ибо это есть дѣло силы—одной только вѣры у насъ.

А послѣ этого понятно какъ легко могъ допуститьвѣкъ небреженія о ней—въ такомъ,—безпамятствѣ своемъ,—(какъ и допустилъ уже) ремесленникамъ нашего лукавства,—т. е. художникамъ активной силы нашего лжесвѣта — довести себя

(*) Ибо онъ остался у насъ только при одной внѣшней комбинаціи однихъ проявленій всего, — что только лишь невольно, безсловесно, печатлѣется у насъ въ извѣстныхъ способахъ *уловленія нами всѣхъ этихъ проявленій*— хоть какъ бы строго-научно — точно — неуловленныхъ; — но только дальше самаго опредѣленія (и въ этомъ) законовъ только уловленія сихъ проявленій—и нейдетъ нашъ вѣкъ.

наконецъ и до самой невозможности уже для него вѣры во свѣтѣ просвѣщенія; невозможности, говорю, ловко лукаво изхудожествованной уже для него въ этомъ лжесвѣтѣ современнаго просвѣщенія.

Вотъ какъ и страшный 2-й актъ активной силы свѣта просвѣщенія нашего уже свершился такимъ образомъ надъ вѣкомъ просвѣщенія въ силу данной имъ безконечной силы власти этому духу своего лжесвѣта надъ всѣми силами своего духа.—

Ибо эта невозможность вѣры—*самая невозможность ее*,— это и есть та точка замерзанія, которой и опредѣляется у насъ вполнѣ—все цвѣтущее состояніе духа у насъ въ нашей просвѣщенной современности. — Ибо эта, — самая невозможность для насъ вѣры, — изхудожествованная для насъ всей силой духа просвѣщенія нашего, это и есть та естественная, *начало-исходная точка отправленія* всей свободы дѣйствій тьмы, какою она пользуется у насъ во всѣхъ современныхъ похожденіяхъ своихъ; — тотъ естественный источникъ, говорю, этого разливаннаго моря её, этой тьмы вѣка всё затопившей у насъ въ духѣ просвѣщенія нашего: — такъ какъ эта невозможность вѣры и есть самый радикальный способъ абсолютнаго отнятія у насъ и самого *началовсходнаго* пункта самой доступности для насъ истины, — т. е. самого мѣста возможности для насъ и самого принятія её, — какъ лишаемыхъ такимъ образомъ единственнаго, говорю, орудія утвержденія за истиной самой истинности её.

И такъ это есть по вышеобъясненному — созданная уже твердыня недоступности для насъ ни вѣденія ни разумѣнія.—

И потому на этомъ самомъ пунктѣ,—и именно на разсмотрѣніи самой операціи до веденія насъ до этой невозможности для насъ вѣры во свѣтѣ просвѣщенія и слѣдуетъ намъ остановиться. —

А для сего мы постараемся опредѣленно и ясно поставить

себѣ на видъ — какъ именно обстановленъ у насъ разумъ нашъ въ наше время, и какъ онъ обусловленъ у насъ со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ *его отношеніяхъ къ истинѣ и къ вѣрѣ* во свѣтѣ современнаго просвѣщенія нашего. —

И мы видимъ во первыхъ, что съ одной стороны этотъ духъ просвѣщенія, — выходя изъ своей абсурдной точки отправленія естественной ему и неизбѣжной у него въ духѣ его первичной тьмы недопусканія исключительности въ истинѣ, — изъ своей ложной точки отправленія, а именно изъ поставленія въ нашъ вѣкъ всѣхъ вѣръ — взаимно противурѣчущихъ одна другой за одну общую скобку, — мы видимъ какъ уже онъ такимъ образомъ черезъ это самое давъ вѣку новому познать и новомодныя какія то отношенія его разума къ вѣрѣ вообще.... какъ онъ и черезъ это самое уже установляетъ или вводитъ у насъ нечувствительно невольное уже какое то предчувствіе и самой невозможности дѣйствительной, т. е. въ самомъ дѣлѣ вѣры — въ современное сужденіе о ней, утверждая и оправдывая такимъ образомъ невозможность принимать и допускать вѣру абсолютно истинную при этомъ, т. е. на этомъ, основаніи; хотя онъ и выводитъ — отъ сюда же за то — возможность (самую глубокомысленную у него возможность) — для всѣхъ вѣръ пользоваться своею истиной — какъ истиной, не абсолютной только, — въ этомъ прогрессѣ вѣры или вѣръ вообще; но какъ же истиной всегда спрошу при этомъ?

Но во всякомъ случаѣ уже—онъ такимъ образомъ выводитъ и изъ одного этого, говорю, прямое утвержденіе—немыслимости самой вѣры— по сему: т. е. дѣйствительной вѣры, вѣры разумной, а не безмысленной, вѣры абсолютно истинной, т. е. вѣры и *несумненной* и въ *самую истину*.

И вотъ какъ вѣкъ забылъ въ безпамятствѣ своемъ и истинный смыслъ вѣры, такимъ образомъ;—подобно тому какъ и самую истину мы видѣли—уже какъ обезмыслилъ онъ въ своемъ смыслѣ; и вотъ онъ точно такъ же, говорю, и вѣру собственно—

такимъ же образомъ не вѣрой содѣлалъ для себя въ своихъ понятіяхъ; не только позабывъ безумно — разумную способность — вѣры, такъ какъ онъ забылъ — какъ мы сказали — и самое употребленіе ее въ дѣлѣ веденія своего, — въ этомъ жалкомъ безпамятствѣ своемъ во свѣтѣ просвѣщенія; не только упустивъ даже изъ виду,—что черезъ это онъ и обезумѣлъ потерявъ и самую способность употребленія разума *черезъ это*; забывши совершенно, что именно таково отношеніе вѣры къ разуму,— что безъ вѣры, разумъ, какъ мы видѣли и какъ извѣстно это и разумѣть не можетъ; ибо какъ вѣра истинная и разумная не мыслима (не можетъ состоятся — никакъ и не вмѣстима) — безъ цѣлаго *употребленія въ дѣло разума всего, т. е. безъ цѣлаго присутствія всѣхъ силъ его въ дѣлѣ вѣры*,—такъ и разумъ — отнюдь не можетъ дѣлать дѣло разума въ отсутствіи вѣры, такъ какъ это только двѣ неразлучныя и недѣлимыя стороны одного и того же *естества умнаго*.

Но что и всего безумнѣе, говорю, что разумъ вѣка еще такъ обругалъ разумную способность вѣры у себя при этомъ; — что вѣру, разумную и истинную вѣру — поставилъ въ рядъ безумствъ — лжевѣрія всякаго, смѣшавши такимъ образомъ ложь съ истиной;—ибо всякая иная вѣра кромѣ истинной, т. е. кромѣ вѣры въ самую истину, въ истину абсолютную—и не есть вѣра, а невѣріе самое по отношенію къ вѣрѣ истинной; во первыхъ какъ къ силѣ несумнѣннаго убѣжденія въ истину, а во вторыхъ и какъ къ вѣрѣ въ истину дѣйствительную; вотъ какъ и посему уже всякая другая вѣра кромѣ истинной и есть неизбѣжно ужъ невѣрье самое, — какъ несодержащая въ себѣ этого единаго истиннаго содержанія вѣры *въ единую истинную истину*, что и есть единое опредѣленіе *истинной* вѣры; но кромѣ этого лжевѣрье всякое еще содержитъ въ себѣ вѣру,—во что либо и несогласное съ вѣрой истинной, вочто либо противурѣчущее ей и не сообразное съ нею, отрицающее какъ-нибудь истину содержимую вѣрой истинной. А это уже есть по-

нятно — опредѣленіе крайняго невѣрія, какъ крайности въ невѣріи истинѣ (и въ истину), какъ вѣра въ то уже, говорю, что прямо даже противурѣчитъ истинѣ или отрицаетъ ее.

Но во всякомъ случаѣ, какъ я сказалъ, прежде всего вѣкъ обусловливается такимъ образомъ въ этой безсловесной обруганности вѣры у него (въ безумствѣ равноправности у него вѣръ вообще, — т. е. равноправности у него вѣры въ истину съ вѣрами въ противорѣчія истинѣ), — обусловливается такимъ образомъ въ этомъ — ясно — прямо говорю, опредѣленною немыслимостію и самой ужъ *возможности* для него абсолютно истинной вѣры — въ абсолютную истину, — что и есть обусловливается прямо *просто говоря* самой невозможностью для него вѣры.

Но только такъ какъ самую равноправность вѣръ онъ имѣетъ обоснованную у себя въ силѣ своей первичной тьмы, то мы по этому считаемъ себя въ правѣ и не останавливаться на разъясненіи крайней бесмысленности этой равноправности; такъ какъ смерть этой равноправности, — подписана у насъ уже впередъ въ самомъ и несуществованіи рождающей ее утробы: если только наша раздѣлка съ первой областью тьмы просвѣщенія оказалась не неудовлетворительной у насъ (*). И такъ, такимъ способомъ, построенная невозможность вѣры рушится сама собой говорю по разрушенности перваго абсурда на коемъ только и держалось это такое построеніе невозможности ея.

Но есть у насъ другое, самостоятельное построеніе этой невозможности, — съ другой уже стороны, и такъ формально обусловливающее разумъ во всей обстановкѣ его современной въ его абсолютномъ дѣлѣ; въ дѣлѣ разумѣнія истины, что онъ

(*) Ибо абсурдность допусканія этой равноправности вѣръ такъ очевидна, что допускать ее и головамъ пустымъ возможно только по неволѣ, по невозможности только недопускать этого при допусканіи перваго и кореннаго нашего абсурда всѣхъ абсурдовъ; (опредѣляющаго область первой тьмы лжесвѣта), такъ какъ эта равноправность причино-послѣдовательно сама собою ужъ вытекаетъ изъ него не отразимо и неизбѣжно.

уже или лишенъ у насъ при этомъ и самой возможности разумѣнія, и это разумѣется, когда онъ остается безъ раздѣлки съ тьмой лжесвѣта своего, или же разумѣніе на оборотъ разумно неизбѣжно уже у насъ, но это только для умовъ внимательныхъ конечно, препобѣдившихъ прежде всего—силу тьмы лжесвѣта силою вниманія своего всесильно поднятаго—развитаго и изощреннаго самой силою борьбы во свѣтѣ и за свѣтъ — со всеополченной у насъ всѣми силами ее, но и всежизненно и свѣтоносно изобличенной свѣтомъ—силой тьмы.

И вотъ на этой то другой, такъ формально обусловливающей разумъ постановкѣ его во свѣтѣ просвѣщенія по этому мы и остановимся теперь; а это и есть именно приступимъ къ разсмотрѣнію той силы невозможности разумѣнія для разума, — которая создана для него уже, въ самомъ центрѣ второй области тьмы нашего лжесвѣта просвѣщенія — сосредоточенной у насъ въ этомъ лжесвѣтѣ какъ извѣстно въ иныхъ, особыхъ, уже самостоятельныхъ ея абсурдахъ, т. е. приступимъ къ разсмотрѣнію того, какъ именно обусловленъ у насъ разумъ со стороны *научныхъ отрицаній* истины.

И прежде всего — здѣсь надо намъ замѣтить: — что хотя строго научно—разумъ—разумѣется одинаково не можетъ — ни утверждать рѣшительно—ни отрицать обсолютной истины; — но только надобно замѣтить, говорю, что при достаточной долѣ ловкости, лукавства въ дѣлѣ отрицанія и при отсутствіи вниманія къ дѣлу этому у насъ, лукавство здѣсь и совершаетъ уже неуловимо свое дѣло; такъ какъ и всегда неуловимо въ лукавствѣ—его дѣло, для невнимательныхъ умовъ: а потому на эту самую неуловимость для невнимательныхъ, лукавой постановки этого построенія, какъ будто-бы научной невозможности самаго содержанія абсолютной истины,—на это именно и нужно обратить намъ все свое вниманіе.

Ибо вотъ въ чемъ у насъ здѣсь дѣло:—Это въ томъ именно, что вѣкъ такого машинальнаго невѣрія, какъ нашъ вѣкъ, (когда у насъ забыто—самое употребленіе вѣры въ дѣлѣ вѣдѣнія),—

что онъ уже у насъ по этому и не находитъ и побужденія— обратитъ достаточно вниманія—на дѣло силы и правильности отрицанія истины. Ибо какое ему дѣло у насъ, — въ самомъ дѣлѣ, вѣку нашему, въ такомъ его наличномъ состояніи до самой правильности или неправильности этихъ отрицаній; такъ какъ хотя бы даже и нашлась дѣйствительно возможность, и въ самомъ дѣлѣ для формальнаго отрицанія истины, т. е. даже для формальнаго научнаго утвержденія и доказательства—самой невозможности ея содержанія; то ему не было бы дѣла, говорю конечно и до этого; ибо умъ вѣка въ своемъ наличномъ состояніи чувствуетъ, что и при этомъ онъ не потерялъ бы ничего въ дѣлѣ истины, ибо что можетъ и терять онъ въ истинѣ; когда онъ не только не находитъ истины, но не находитъ и возможности имѣть и находить ее—и безъ этого; (и безъ такого научнаго отрицанія ея), такъ какъ у разума, какъ мы сказали, нѣтъ средствъ и способовъ для *утвержденія* истины, для утвержденія самой истиности ее въ ней, хотя конечно столько же какъ и для силы отрицанія ея — но тутъ, говорю, на это есть лукавство у активной силы просвѣщенія и невниманіе— у вѣка просвѣщеннаго).

А что тогда при этомъ,—при утвержденной абсолютно,— т. е. при научно доказанной невозможности самаго содержанія абсолютной истины,—кромѣ того *и вѣра* уже дѣлается *и невозможной даже:* то и это — развѣ лишаетъ его вѣры, когда онъ и безъ этого не имѣетъ ее до того, что даже онъ у насъ забылъ уже и самое употребленіе вѣры въ дѣлѣ вѣдѣнія.

Но что вѣра — при абсолютно утвержденной невозможности самаго содержанія абсолютной истины утверждаемой ею,— становится уже конечно абсолютно невозможною и немыслимою для разума, то это очевидно уже само собою: ибо какъ и вообразить себѣ *возможность вѣры утверждающей абсолютно невозможное.*

А вотъ въ такомъ то именно положеніи относительно *вѣры* мы и находимся въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, т. е. въ на-

сущномъ свѣтѣ просвѣщенія нашего (въ нашъ вѣкъ, говорю, такого научнаго отрицанія истины у насъ:) если только мы захотимъ искренно и серьезно остановиться на своемъ положеніи во свѣтѣ просвѣщенія: такъ какъ отвергать научно утвержденную невозможность чего-либо — *безсмысленно*; — ибо это есть отвергать науку; а отвергать науку и есть отвергать — свой собственный здравый *смыслъ*, потому что наука именно и есть ничего болѣе, какъ простой здравый смыслъ собственно, — но только что еще съ строжайшей точностью и осмотрительностью опредѣленный въ себѣ самомъ и провѣренный — во всемъ теченіи всѣхъ отправленій своихъ, отъ всѣхъ могущихъ встрѣтиться случайностей какого либо — уклоненія *или упущенія* и недосмотра въ нихъ. И слѣдовательно при такой научной постановкѣ дѣла отрицанія о возможности вѣры, или о правдѣ ея уже и разговора быть не можетъ.

И вотъ вся сила тьмы въ этой второй области лжесвѣта просвѣщенія къ этому именно и сводится, что въ абсолютной, т. е. научно утвержденной невозможности абсолютнаго содержанія истины — какъ *даннаго* вѣры *выстроилась для вѣка просвѣщенія*, абсолютная невозможность вѣры въ разумѣ.

(Въ разумѣ, конечно, говорю я, т. е. причинно-послѣдовательно, здраво-разумно невозможна вѣра при семъ; — а то — внѣ только разума, внѣ только сей причинно-послѣдовательности здравой — пожалуй, мудрецы такіе есть у насъ, которые и въ Дарвина вѣруютъ и безсловесно, гладко — рядомъ съ тѣмъ, увѣрены спокойно, что они вѣруютъ и Богу. — Но только въ силѣ здраваго смысла у насъ уже, — явно немыслима, говорю — и мысль о вѣрѣ на основаніи *научно утверждаемой невозможности* того, что утверждаетъ вѣра (т. е. самаго содержанія истины ею утверждаемой).)

И такъ здѣсь — я сказалъ, на этомъ именно мы и должны остановиться въ насущномъ положеніи вѣка; — на томъ именно, говорю, какъ въ машинальности небрежнаго невѣрія своего умъ вѣка не находитъ уже — *и побужденія* бороться съ отри-

цаніями истины какъ чувствующій (по вышеобъясненному) что не зачѣмъ ему и разбираться съ ними, съ этими отрицаніями истины, когда и безъ нихъ (безъ отрицаній истины)— онъ все же и во всякомъ случаѣ, какъ мы сказали безъ истины,—какъ не находящій—никакой возможности—и силъ для формальнаго утвержденія ея, такъ какъ ему это совершенно необходимо—для обладанія истиной.—А между тѣмъ съ другой стороны, какъ указали мы сейчасъ, уже при такой постановкѣ у насъ научно утвержденной невозможности самаго содержанія абсолютной истины—вѣра абсолютно невозможна для насъ.

И такъ, какъ безъ вѣры такимъ образомъ и побужденій не находится и разбираться съ отрицаніями; а объ вѣрѣ и подумать нельзя при нихъ. . . . .

То вотъ опять у насъ (въ нашъ темный, машинально просвѣщенный вѣкъ)—опять у насъ является круговоротъ уже новый;—иной, самостоятельный;—уже научной бездны тьмы,— охватившій уже невѣрующихъ въ ихъ невѣріи—самой безвыходностію изъ невѣрія ихъ;—а обаяніемъ научности своей, вліяніемъ самаго понятія о наукѣ—и слабыхъ въ вѣрѣ увлекающій въ ту же бездну тьмы.

Но если такова безвыходная невозможность вѣры въ этой странной безразборчивости нашего ума--машинально—какъ бы ощупью только, еле движущагося у насъ въ потьмахъ лжесвѣта просвѣщенья современнаго—во всемъ, что касается у насъ до дѣла истины и вѣдѣнія и разума:—то мудрено за то уму, который освободилъ уже вниманіе свое—отъ узъ первичной тьмы этого лжесвѣта,—мудрено ему уже послѣ этого не видѣть ясно,—что именно упущено изъ виду въ машинальной безразборчивости вѣка,—такъ мало понимающаго и цѣнящаго значеніе истины: что и забывшаго уже у насъ,—по совершенно естественному небреженію его при семъ объ вѣрѣ, и самое употребленіе вѣры, и самое употребленіе, говорю, этого абсолютно необходимаго орудія въ дѣлѣ вѣдѣнія—(въ дѣлѣ истины); а потому уже и проглядѣвшаго легко и упустившаго изъ виду и то самое,

что опроверженіе всѣхъ отрицаній истины (которыми формально зачумленъ у насъ весь воздухъ мысленно во свѣтѣ просвѣщенія современнаго), что опроверженіе всѣхъ этихъ отрицаній абсолютнаго содержанія истины прежде всего и непосредственно необходимо во первыхъ и прежде всего, говорю, для защищенья у насъ самой вѣры въ глазахъ тупаго и близорукаго невѣрья современнаго; ибо иначе у насъ уже загражденъ и самый доступъ къ ней; къ ней составляющей, я говорю, такое абсолютно необходимое орудіе въ дѣлѣ вѣдѣнія, что безъ нея, мы видѣли—и самый умъ вѣка—ясно видитъ уже, что обладанье истиною (даже и безо всякихъ отрицаній ея), не мыслимо и невозможно для него—по неимѣнію самой силы утвержденія истины. Но хотя умъ вѣка въ состояніи невѣрія своего—и видитъ уже, какъ сказалъ я, всю невозможность истины для него;— но онъ не хочетъ видѣть и того еще, что это собственно по самому невѣрію его только; ибо онъ не хочетъ и вниманіе обратить на то, что утвержденіе истины—это есть дѣло силы только вѣры одной; а потому естественно не останавливается и на томъ, что онъ опутанъ сѣтью отрицаній истины—не только какъ отрицаній истины одной,—но и какъ отрицаній самой вѣры; тогда какъ остановясь только именно на этомъ и можно видѣть всю силу неизмѣримой важности значенія раздѣлки съ ложью отрицаній.

А въ дѣлѣ вѣры, хотя съ изобличеніемъ нашихъ научныхъ отрицаній въ ихъ неправдѣ уничтожается и одна только эта насущная невозможность вѣры, исхудожествованная у насъ въ духѣ вѣка.—Но для умовъ внимательныхъ съ уничтоженіемъ и одной только невозможности ея—является уже и неизбѣжность самая—ея для нихъ, хотя это и для нихъ только однихъ конечно,—но для нихъ, я говорю, является уже и неизбѣжность самая и не одной только вѣры, но вмѣстѣ съ ней и самаго разумѣнія и вѣдѣнія истины; ибо и при одномъ уничтоженіи и самой только невозможности вѣры истинной и разумной вѣры нашей, при одномъ несуществованьи и только

этой невозможности ея для разума,—является уже съ другой стороны уже другая формальная невозможность для разума (сколько онъ только есть разумъ, а не подлое и пошлое лукавство) является уже формальная невозможность для разума не подняться ему послѣ этаго всѣми силами вниманія своего *на всесмотрѣливое изслѣдованіе свидѣтельствъ* этой вѣры;—во первыхъ, какъ не невозможной—уже ставшей,—и во вторыхъ, какъ составляющей такое рѣшительное дѣло (или орудіе, или органъ) въ области вѣдѣнія, какъ свидѣтельствующей всерѣшающее жизненное дѣло, дѣло истины самой; — а съ другой стороны какъ и сама она, вѣра наша не неосвидѣтельствованной оставлена у насъ *настолько*; что она, разумная вѣра наша,—тѣмъ самымъ истинная и разумная у насъ и есть, что она такъ сказать покрываетъ и превосходитъ удовлетворительностью разумныхъ обоснованій своихъ, (своихъ собственныхъ своеобразныхъ и приличныхъ ей свидѣтельствъ ея,) всѣ требованія разума,—превышая ихъ настолько,—что разуму уже повиненъ только и погрѣшаетъ прямо противу своего собственнаго здраваго смысла — тотъ — кто не принимаетъ вѣры при достаточномъ вниманіи къ нимъ, къ этимъ свидѣтельствамъ ея.—

А при неизбѣжной, такимъ образомъ, тогда при этомъ вѣрѣ—(хотя при этомъ только и возможной) разумъ въ вѣрѣ, какъ обладающій ужъ разумѣніемъ истины—за истину; въ самомъ духѣ истины самой просвѣщается и цѣлымъ *разумѣніемъ содержанія истины*, а такъ же въ ней (или при ней) и самымъ разумѣніемъ вещей правильнымъ и истиннымъ въ этомъ разумѣ истины. Но повторяю, опять таки, что хотя вѣра такимъ образомъ, какъ я сказалъ, при этомъ и дѣлается разумно неизбѣжной,—но и это опять таки,—говорю, только въ разумѣ разумѣется, ибо безнравственность безумія нашего не признаетъ на дѣлѣ и законовъ причино-послѣдовательности драваго смысла, ругается она безнравственно и очевидной истинѣ;—однакожъ, неизбѣжность при *этомъ* вѣры *въ разумѣ*

самомъ,—(т. е. по простой причино-послѣдовательности здраваго смысла по разсѣченіи этого узла-научнаго построенія наличной *невозможности*—даже самаго *вниманія* къ ней) такъ чуютъ и сами хитрецы нашего ополченія противъ истины, —что они и всѣ мѣры свои принимаютъ у насъ противъ этого именно,—не допуская насъ прямо всѣми силами именно — до разсѣченія сего узла, боясь на столько неизбѣжныхъ для здраваго смысла послѣдствій такого разсѣченія его у насъ, что наконецъ у нихъ ихъ старый мастеръ ихъ искуства отрицанія настолько ужъ беретъ чутьемъ, — настолько чуетъ эту грозную для нихъ неизбѣжность — такихъ послѣствій дѣла опрокинутости отрицанія научнаго: что уже прямо наконецъ высказываетъ это, — даже гласно: — грозя своимъ угрозою этой (Штраусъ« Старая и Новая вѣра» 1872)—вопія во всеуслышаніе—«бойтесь смѣяться тому, что оказывается и смѣшнымъ по вашему въ разумѣніяхъ Дарвина»—иначе говоритъ—не избѣжать вамъ вѣры въ Бога»!!!

И такъ вотъ каково значеніе этихъ отрицаній въ вѣкъ машинальнаго невѣрія, и какова необходимость строго-разборчивости въ дѣлѣ этой научной постановки— отрицанія истины; вотъ какъ необходимо, говорю, остановить серьезное вниманіе на этомъ, чтобы взвѣсить и опредѣлить, всю настоящую цѣну—*силы научной доказательности ихъ* ибо это только одно—(одно только серьезное обращеніе вниманія на эту силу ихъ) и нужно, для того чтобы увидѣть ясно, какъ— для невнимательныхъ она неотразима, а для смотрѣливыхъ умовъ и не существуетъ вовсе,—(ибо таковы всегда всѣ построенія лукавства).

Итакъ посмотримъ-же со вниманіемъ какъ и насколько, сила отрицанія современнаго — удовлетворительна у насъ въ дѣлѣ построенія — самой невозможности отрицаемой истины—а потому и вѣры. —

Но мнѣ кажется, намъ не мѣшаетъ сначала бросить бѣглый взглядъ—на то, что отрицаютъ у насъ наши отрицатели;—по-

тому что и опредѣленное поставленіе себѣ на видъ — и этого,— и это освѣщаетъ уже дѣло съ той стороны, что видно ужъ становится за что именно берутся — берущіеся у насъ научно отрицать абсолютную истину: и я полагаю охватить все дѣло отрицанія, такими тремя рубриками:

Что наши отрицатели во 1-хъ отрицаютъ у насъ въ нашемъ мысленномъ мірѣ — самую разумность его, — какъ тотъ опредѣленный элементъ, который обусловливаетъ у насъ и все видимое наше и всего видимаго міра, а никакъ не обусловливается всѣмъ этимъ видимымъ; ибо разумность и есть царство свободы и истины; и такъ это и есть то, что есть собственно не подчиненнаго у насъ задачѣ — міробытія видимаго, самаго видимо подчиненнаго на оборотъ *во всей своей задачѣ*,— задачѣ инаго самостоятельнаго бытія, — а это и есть — именно задачѣ бытія разумнаго въ себѣ самомъ содержащаго — и свою цѣль и причину всего видимаго,—всего видимаго, говорю, естественно во всемъ у себя и въ самомъ существованіи своемъ и обусловленнаго по сему только требованіями задачи *сего инаго* и его причиннаго бытія, бытія разумнаго. Вотъ поприще и поле, или предметъ перваго рода ихъ отрицаній. —

Далѣе что отрицаютъ у насъ наши отрицатели? Они во вторыхъ отрицаютъ у насъ:

a) участіе какъ они выражаются *Творческой* силы въ происхожденіи міра.

b) участіе Божескаго *вседержительства въ силѣ самаго* стоянія міра, въ его настоящемъ состояніи; такъ какъ равно: — какъ созданнаго, такъ и хранимаго и содержимаго въ его существованіи Богомъ — силой Божеской зиждительной, свободной и вседѣтельной.

c) *отрицаютъ* (не признаютъ, отвергаютъ) участіе Его міроправленія—во всемъ теченіи міробытія, и во всѣхъ судьбахъ человѣчества, т. е. отрицаютъ всѣ пути *промысла Божія*, недопуская и мысли о возможности провидѣнія Его, *обуслов-*

ливающаго все теченіе міробытія и съ судьбами человѣчества (во всѣхъ явленіяхъ и силахъ этого теченія его), — провидѣнія, говорю, обусловливающаго все, предначертаніями преднамѣренной разумной, властной силы, — самоопредѣляющейся у Бога, внутрь Его всеблагаго хотѣнія, опредѣленнаго уже во все носящемъ предопредѣленіи Его, опредѣлившемъ всему опредѣленный Имъ самимъ конецъ,—къ которому все и ведетъ Онъ властно, безпрепятственно; — естественно, что не стѣсняясь въ Всемогущей силѣ своей, — ни условіями законовъ Имъ же данныхъ бытію видимому (законовъ и силъ въ данныхъ оному въ законъ даннаго ему бытія въ самомъ образѣ бытія его); ни условіемъ и самой свободы разумныхъ существъ: такъ какъ онъ самъ свободно, т. е. по *своей собственной волѣ*, и хочетъ блага имъ — *подъ условіемъ только ихъ свободы* (для разумныхъ и немыслимаго иначе); но Онъ самъ однако же и объусловилъ: и свободу разумныхъ существъ также, какъ и силу естественныхъ законовъ природы, условіемъ — свободно имъ самимъ и приданной имъ (и свободѣ нашей и законамъ природы) мѣры силъ, какъ данныхъ отъ Него же имъ, и въ видахъ Его же собственнаго предопредѣленія о нихъ, и опредѣляющаго ихъ такимъ образомъ во всѣхъ условіяхъ и силъ и свободы ихъ; не безъ условныхъ посему у нихъ, какъ обусловленныхъ едиными безусловными и все обусловливающими условіями Его самаго, — Его *одного* самоопредѣляющагося безусловно во всѣхъ условіяхъ всѣхъ отношеній своихъ ко всему существующему, этихъ отношеній Его, по сему и опредѣляющихъ все существованіе всего, — всего и существующаго только помановенію милости Его одной.

А наконецъ д, и завершаютъ они всѣ этого разряда отрицанія свои отрицаніемъ на основаніи ихъ, — и самой возможности бытія Божія. —

И все до сего касающееся мы отнесемъ къ этой второй группѣ. —

А наконецъ что же и еще отрицаютъ у насъ наши отрицатели? —

Они отрицаютъ у насъ въ-3-хъ еще въ нашей идеи Богобытія реальность—не её конечно, а самой возможности ея надежности для насъ, т. е. отрицаютъ самую дѣйствительность ея извѣстно вѣрности у насъ,—извѣстно вѣрной подлинности ея согласія съ дѣйствительностью самой: что я и называю, отрицаютъ, такимъ образомъ, дѣйствительность этой опредѣленной твердо извѣстности для насъ ея истины. —

Не находя и не допуская никакой возможности реализоваться этому на дѣлѣ; почему они такъ зло и осмѣиваютъ у насъ всякую несумнѣнность для насъ нашей истины, по опредѣленной будтобы немыслимости для насъ, по ихъ такимъ научнымъ убѣжденіямъ какого либо реальнаго, дѣйствительнои въ самомъ дѣлѣ, надежнаго и твердо вѣрнаго уловленія міра невидимаго,—для насъ уловленныхъ въ кругъ ограниченной видимости, почему невидимое по ихъ этимъ научнымъ убѣжденіямъ и не можетъ быть ни какъ уловимо для насъ такимъ образомъ. —

Что есть собственно,—говоря другими словами, что они отрицаютъ: доступность и для Бога возможности свидѣтельствовать о себѣ и давать намъ знать о бытіи своемъ и о своемъ отношеніи къ намъ;—отрицаютъ возможность сего и для самаго Бога говорю, который намъ преподаетъ и самое познаніе Себя самого въ Себѣ самомъ, наконецъ, лично, и въ насъ самихъ существенно, приближая къ намъ сіе всякимъ приближеніемъ своимъ къ намъ, которое (это приближеніе свое къ намъ)—и домостроительствуетъ онъ собственно какъ сущность цѣлую всего въ задачѣ міробытія. И въ этомъ состоятъ и отъ сюда, изъ Его собственныхъ свидѣтельствъ откровенія Его личнаго и личнаго Его явленія намъ происходятъ и всѣ образы Богообщенія у насъ, которыми и опредѣляются всѣ образы Богопознанія у человѣка, видимо обусловленнаго задачею сего Богообщенія—во всѣхъ условіяхъ своего назида-

нія: въ свободѣ ли разума и истины, также какъ и во всей постановкѣ бытія его разумнаго и всѣхъ его отношеній у него ко всему міру видимому и невидимому: какъ очевидно обусловленныхъ у него этой его опредѣленной цѣлью Богообщенія;—что собственно и отрицаютъ по сему отрицающіе возможность реализаціи у насъ дѣйствительной,—разумно твердой и неприкосновенно вѣрной у насъ нашей живой идеи Богобытія; для осуществленія чего у насъ, у насъ самъ Богъ осуществовался (для насъ) человѣчествомъ.

Я думаю что въ этихъ трехъ отдѣлахъ—всё поприще ихъ отрицаній. —

Посмотримъ же теперь какъ могутъ быть научныя отрицанія наши достаточны на отрицаніе самой возможности всего этого абсолютнаго содержанія истины, и какъ у насъ берутся за это дѣло наши отрицатели. А такимъ образомъ мы это возвратимся теперь къ опредѣленію и объясненію того собственно, какъ мы сказали прежде,—какъ,—и какимъ именно способомъ они черезъ это не даютъ намъ имѣть въ своихъ рукахъ, (выбиваютъ у насъ изъ рукъ) нашу единственную силу утвержденія истины за истину: т. е. возвратимся къ разсмотрѣнію того что именно лишаетъ насъ и самаго употребленія вѣры въ дѣлѣ вѣденія,—какъ той единственной, говорю, способности въ которой обладаемъ мы всей силой неприкосновеннаго утвержденія истины (безъ чего какъ видѣли, мы лишены уже и самаго употребленія разума во всѣхъ высшихъ существенныхъ способностяхъ его, и остаемся только при инстинктивномъ употребленіи однихъ низшихъ отправленій ума;—предметъ и поприще которыхъ не истина уже конечно *какъ бы въ нихъ не хвастались и не ругались ей.*)

И такъ разсмотримъ же, наконецъ, что и какъ именно лишаетъ у насъ разумъ всей энергіи его и силы и свободы; т. е. досмотримъ строго точно черезъ какой это именно процессъ и способъ отнятія у насъ какъ мы видѣли и самой возможности

вѣры истинной, разумной и дѣйствительной вѣры въ истину совершается и достигается у насъ эта такая *парализація* ума активной силой духа просвѣщенія нашего. —

Итакъ что же, говорю, именно, недаетъ намъ пользоваться, этой—единственной истой способностью утвержденія истины у насъ? —

Но мы упоминали уже что это дѣлается съ нами положительно и опредѣленно у насъ черезъ *научныя* какъ будто-бы утвержденія и доказательства *самой невозможности*—тѣхъ истинъ, которыя утверждаетъ вѣра: какъ будто-бы это есть въ наукѣ?

И такъ вотъ что именно и слѣдуетъ изслѣдовать и разобрать намъ до твердой ясности; — есть ли это самое въ наукѣ въ самомъ дѣлѣ: И дѣло въ томъ, что намъ для этого необходимо строго различать въ наукѣ—что есть это, и что не это въ ней: — Ибо ясно что только это собственно, опредѣленно это самое, одно только и касается до дѣла спора нашего; но только что при этой, строго-разборчивости между этимъ и не этимъ сейчасъ и выступаетъ на видъ прямо явно и и формально что этого то только именно и нѣтъ въ наукѣ!(*)

И вотъ только какимъ образомъ и разрубается уже у насъ прямо узелъ всей этой путаницы тьмы. —

Объяснимся же и разберемъ это подробно. —

Ибо въ этомъ очевидно все дѣло: ибо одинъ этотъ обманъ научный, какъ увидимъ и убиваетъ совершенно всю силу вѣры,—рѣшительно уничтожая всякую возможность и вѣры и христіанства,—у всѣхъ кто только вѣритъ этому обману. —

Но остерегитесь только—ибо все дѣло только въ томъ—ка-

(*) И вотъ если кто не согласится со мной въ этомъ именно — того я настоятельно вызываю и прошу неугодноли ему будетъ поискать и найти и показать намъ во всемъ пространствѣ поприща научнаго хотя-бы одно такое прямо научное утвержденіе и доказательство невозможности хотя-бы чего нибудь въ указанномъ нами абсолютномъ содержаніи истины.

кому это именно обману вѣрить—такъ рѣшительно рѣшаетъ все у насъ.—

И вотъ теперь вглядитесь въ чемъ раздѣлка съ этой тьмой, (ибо здѣсь весь узелъ и вся суть этой раздѣлки нашей, съ этой второй областью тьмы во свѣтѣ просвѣщенія нашего), тому-ли говорю обману, что наука будто бы обманываетъ насъ!?..

Но если мы такъ думаемъ, то насъ ужъ ловятъ на абсурдѣ,—ибо это и есть дѣйствительный абсурдъ.

Ибо этого не только нѣтъ, но и не можетъ быть;—ибо наука, какъ наука, насъ обмануть не можетъ, сколько она есть наука;—а потому думающіе именно такимъ абсурднымъ образомъ и поставляются въ такое положеніе (въ неразрѣшимую диллему эту), что имъ приходится, или стараясь сберечь вѣру отказываться отъ здраваго смысла,—т. е. впадать въ это абсурдное отрицаніе науки; или же прямо отказываться отъ вѣры—для избѣжанія этого абсурда.

А дѣло просто прямо въ томъ, что насъ обманываютъ только тѣ люди науки, которые хотятъ увѣрить насъ, что есть въ наукѣ это, (эти научныя утвержденія и доказательства невозможности абсолютнаго содержанія истины данной намъ въ вѣрѣ; при чемъ конечно вѣра и немыслима;)—наивно одни изъ нихъ обманываясь можетъ быть и сами до того, что и представляютъ себѣ будто бы они и находятъ такія доказательства (можетъ быть невольно только нечувствительно навязывая наукѣ эти излюбленныя ими произведенія произвола, ихъ личныхъ собственныхъ воззрѣній), другіе же наоборотъ лукаво,—только другихъ-то именно и желая обморочить, *намѣренно за знамо* изухищряются выдавать и представлять такія самодѣльныя свои мечтательныя, апріорныя и произвольныя воззрѣнія отвлеченныя—за утвержденіе науки.—

Такъ что по дѣлу раздѣлки съ этой тьмой у насъ и сводится все къ тому только, 1) что этихъ, такихъ утвержденій въ наукѣ нѣтъ и быть не можетъ.—

И 2) что все, что есть въ наукѣ кромѣ этого — что есть только не это собственно, — то все до дѣла спора нашего и не касается нисколько, (ибо ничто кромѣ этого не можетъ сдѣлать невозможнымъ для насъ дѣло вѣры, а это и есть одно, съ чѣмъ — мы имѣемъ и съ чѣмъ — имѣемъ нужду имѣть дѣло.) —

И потому когда эти хитрецы обмана, обманывающіеся сами, или желающіе обморочить насъ научностью своихъ отрицаній абсолютнаго содержанія истины: для защищенія этого — намъ скажутъ, что наука во всемъ своемъ объемѣ и во всѣхъ частяхъ своихъ нигдѣ же и не въ чемъ *не видитъ* ничего изъ этого отрицаемаго ими содержанія истины; — то мы на это скажемъ, — что она на то и наука, а не вѣра, чтобы ей видѣть видимое только, ибо все невидимое принадлежитъ не къ области науки, а къ области вѣры въ дѣлѣ вѣдѣнія; — а только и наука вѣдаетъ однако же, ужъ кажется, опредѣленно точно въ нашъ вѣкъ, что ей доподлинно не все извѣстно.

А если кто намъ скажетъ, что и не можетъ быть этого невидимаго наукой, потому что она не видитъ этого; и при всѣхъ ея стараніяхъ никакъ не можетъ усмотрѣть ничего изъ этого — наука собственно: тому мы скажемъ, что это ужъ абсурдъ и только: ибо и видимаго многаго не видывали многіе, а ужъ невидимаго абсолютнаго содержанія истины намъ съ своей наукой и не увидѣть никогда какъ собственныхъ своихъ ушей. И что за выводъ изъ того, что я не видывалъ Америки положимъ; пусть и при всемъ моемъ желаніи увидѣть ее — я даже не могъ и до моря добраться никогда, — то развѣ можно заключить изъ этого, что Америка и не существуетъ и даже быть ее не можетъ посему; такъ точно таково же и дѣло науки, — ибо что же дѣлать, что за моремъ не досягаемымъ для нея — вся область абсолютной истины.

А наконецъ, когда мнѣ скажетъ мужъ науки, «что просто» этого не можетъ быть, что это просто невозможно, — все то, «что отрицаетъ отрицаніе квази научное у насъ, т. е. все то,

«что мы указали въ содержаніи абсолютной истины, потому «что это все *невѣроятно и неимовѣрно*». Тогда при этомъ мы его поздравимъ по крайней мѣрѣ, съ искренностью въ этомъ:— но скажемъ все-таки ему на это,—что эта невѣроятность для него—всего сего,—какъ дѣло его личнаго состоянія и настроенія его нравственнаго, только до него самого и касается; потому что личность его для насъ отнюдь не камертонъ какой нибудь.

И только одного уже чего никто сказать не можетъ, это того именно, какъ говорили мы, что есть такія научныя утвержденія и доказательства самой невозможности чего-либо изъ указаннаго нами во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ разсмотрѣннаго нами содержанія абсолютной истины. Ибо если кто попытается сказать и это, — то это будетъ уже обманъ простой, и формальная клевета на науку, или даже и явное лукавство, ибо едва-ли можетъ кто такъ думать самъ, — а развѣ только хочется ему другихъ увѣрить въ томъ, что онъ такъ думаетъ.

Но если наконецъ уже и лгущій такимъ образомъ,—чтобы не оставаться ему въ отъявленныхъ лгунахъ, — захочетъ попытаться какъ нибудь натянуть такое *научное* утвержденіе *и доказательство* невозможности чего-либо изъ разсмотрѣннаго нами въ абсолютной истинѣ, — невѣроятной для него, — то ужъ при этомъ онъ впадаетъ неминуемо въ опредѣленно-антинаучную натяжку.

Ибо здѣсь уже, противу такой его замашки мы имѣемъ все, что только они сами—люди науки — имѣютъ дѣльнаго и здраво-научнаго противъ апріорныхъ приговоровъ отвлеченныхъ,—присвоивающихъ себѣ право какъ бы научно-неприкосновеннаго утвержденія чего-либо объ неиспытанномъ и неизслѣдованномъ опытно;—и все это имѣемъ мы противу нихъ самихъ, противу всей правды—будто бы научности ихъ отрицаній безъусловнаго, абсолютнаго содержанія истины; все это мы имѣемъ, говорю, протихъ нихъ—согласно съ собственнымъ ихъ приговоромъ — (объ апріорныхъ приговорахъ); и все это

мы имѣемъ противъ нихъ — какъ цѣлый здравый выводъ всей науки и какъ послѣднее слово добытое ею, и выработанное всею силою строгаго мышленія всего человѣчества и всѣми вѣками его научной жизни.

И вотъ что только, — такія-то только именно пререканія и выходки у насъ и слышатся и совершаются въ очію, — въ той сумрачной наукѣ отрицанія, которую сводя всецѣло съ ея заоблачной научной выси посему, и все глаголемое тамъ, этой квази наукой ихъ (этихъ записныхъ фокусниковъ современнаго отрицанія)—переводя благополучно на сподручный простой языкъ обыкновенныхъ смертныхъ, и называя дѣло его собственнымъ именемъ: просто напросто сказывается тамъ, по этому у нихъ, одно только невѣріе личное ихъ, а не наука; — и простой обманъ только прямой и явный для внимательныхъ; потому что при своемъ невѣріи, они еще пытаются морочить насъ наукой тамъ, — гдѣ нѣтъ и тѣни науки (какъ и сами они знаютъ).

Ибо на то именно я и обращаю все вниманіе всѣхъ, что во всей силѣ отрицанія у нихъ, т. е. собственно: во всемъ ихъ утвержденіи самой невозможности — чего-либо изъ абсолютнаго содержанія истины — формально и рѣшительно нѣтъ никакой науки, и ничего другаго кромѣ этого невѣрія ихъ, какъ и оказывается это явно для усмотрѣнія всѣхъ желающихъ смотрѣть безпристрастно и видѣть дѣло такъ, какъ оно есть въ самомъ дѣлѣ. Ибо оказывается, явно говорю, что рѣшительно ничего нѣтъ у нихъ тамъ кромѣ *невѣроятности только для нихъ самихъ* (лично) всего этого содержанія истины; и кромѣ желанія еще и всѣхъ увѣрить въ томъ же собственно, а именно, что все это—невѣроятно будто бы: хотя бы и съ обманомъ даже утвержденія, что будто бы и наука утверждаетъ это; но это ужъ во всякомъ случаѣ заочно только, какъ выражаюсь я, отъ науки, т. е. безъ всякаго ее участія въ этомъ.

И такъ какъ я сказалъ, что опредѣленнаго тутъ нѣтъ ничего у нихъ, — кромѣ того — что это есть только опредѣленное, фор-

мальное невѣріе--ихъ и только — и опредѣленнаго ничего болѣе, то посему при этомъ такомъ единственномъ всецѣломъ капитальномъ содержаньи у нихъ всего въ ихъ квази научномъ отрицаніи; все дѣло значитъ сводится къ тому, что въ ихъ убогомъ устроеніи, у нихъ нѣтъ силъ для вѣры, (нѣтъ силы вѣры) что не въ подъемъ имъ вѣры въ ихъ безсиліи умственномъ и нравственномъ; — и такъ все дѣло только въ томъ почему они не хотятъ ничему вѣрить, или даже почему и не могутъ наконецъ они вѣрить ничему въ этомъ своемъ благопріобрѣтенномъ и устроеніи и чинѣ нравственномъ; а также для чего и зачѣмъ они такъ силятся и оправдать у себя все это . . . . . . Но вопервыхъ, объ этомъ здѣсь не мѣсто говорить, хотя переговорить объ этомъ намъ необходимо; но ужъ не въ этомъ сочиненіи конечно; а вовторыхъ, хотя это все и естественно у нихъ при жалкихъ отправленіяхъ ихъ моральнаго безсилія, но только это все другое дѣло, и только что за то, намъ что за дѣло какъ я уже сказалъ до того какъ все въ истинѣ неимовѣрно имъ, въ ихъ собственныхъ наличныхъ исключительныхъ расположеніяхъ, — какъ частныхъ личныхъ устроеніяхъ ихъ; намъ что за дѣло до того, что для нихъ все это представляется совсѣмъ невѣроятнымъ? Такъ точно какъ и имъ конечно — вѣроятно — не будетъ дѣла до того, что намъ и грустно — тяжело — и поразительно смотрѣть на эту неосмысленность у нихъ убогаго и жалкаго ихъ бытія и состоянія такого,—что можетъ быть невѣроятнымъ для нихъ, и что имъ представляется несбыточнымъ—то, безъ чего не только что безсмысленность разумнаго существа неизобразима, но даже безъ чего и выхода нѣтъ изъ безсмысленности этой для него; — то безъ чего не могутъ состояться говорю ни смыслъ у насъ, ни жизнь, ни то — что выше и смысла самаго и жизни—при небезмысленности и при жизни (т. е. безъ чего нѣтъ жизни въ жизни и содержанія въ самомъ смыслѣ).

И такъ, я говорю только ,какое дѣло намъ до того, что все

это представляется невѣроятнымъ *для такихъ людей*, — намъ что за обязанность — невѣроятное для нихъ — считать и признавать неимовѣрнымъ въ самомъ дѣлѣ. — Ибо что они у насъ за пробные камни такіе или нормы нормирующія у насъ — вѣроятность и невѣроятность чего-либо ихъ собственными отправленіями, впечатлѣніями и складомъ ихъ ума. — И почему и на какихъ правахъ, ихъ эти личныя впечатлѣнія, должны стоять у насъ на столько законодательными для насъ въ нашихъ собственныхъ усмотрѣніяхъ, что мы обязаны ихъ авторитету подчинить свой разумъ, и подклоняться такъ и на столько имъ, въ усмотрѣніяхъ и разумѣніяхъ своихъ, что не должны мы даже смѣть признавать и достовѣрности того, что и достовѣрно засвидѣтельствовано намъ, потому только что неимовѣрность этого всего для нихъ — какъ коломъ въ нихъ загвождена въ мозгахъ ихъ.

Ибо вотъ только въ этомъ и состоитъ у насъ всецѣлое опредѣленіе нашего положенія между ихъ авторитетомъ и свидѣтельствами вѣры — когда, говорю, только явно, какъ мы сказали, (и какъ обязанъ же наконецъ всякій не невѣжа удостовѣриться и самъ, — разсмотрѣвши это самъ внимательно и серьезно), нѣтъ никакихъ научныхъ основаній для утвержденія сей невѣроятности (наивно явно только по невѣрью ихъ находимой ими во всемъ, что отрицаютъ они); нѣтъ, говорю, и неможетъ быть этихъ основаній: какъ ни отчаянно иногда стараются они придать видъ научности, простой наивности своего невѣрія. И потому, гдѣ только дѣло доходитъ до этого, гдѣ только хотятъ уже они такимъ образомъ дать видъ научности простому произволу своемыслія своего въ семъ дѣлѣ отрицаній всего абсолютнаго невѣроятнаго для нихъ содержанія истины, — тамъ уже они доходятъ прямо до неприличности въ дѣлѣ науки, отъявленно нахально позволяя себѣ пріемы опредѣленно и формально уже — антинаучные говорю; отъявленно нахально ужъ при этомъ противорѣча всему, что только есть научнаго въ наукѣ;

безсовѣстно отрекаясь приэтомъ не отъ науки только, но и отъ самихъ себя съ тѣмъ вмѣстѣ, — наукой обзывая то, что такимъ образомъ раззоряетъ и попираетъ всѣ строго точныя научныя границы, — тогда какъ опредѣленная научность въ нихъ науки и составляетъ научную славу нашего положительнаго вѣка, — по суду прежде всего именно этихъ самыхъ людей, которые и составляютъ фалангу отрицателей нашихъ, этихъ самыхъ такихъ людей науки, которые такъ безобразно такимъ образомъ выходятъ изъ самихъ себя — выступая изъ всѣхъ этихъ границъ, *разнузданно* все это попирая — какъ только доходитъ у нихъ дѣло до удовлетворенія ихъ неудержимаго хотѣнія отрицать все, что не по нихъ, т. е. все абсолютное содержаніе истины (при абсолютной невозможности найти въ самой наукѣ что-нибудь — для разумнаго и осмысленнаго удовлетворенія себѣ въ этомъ похотѣньи своемъ. И это то ихъ крайнее банкротство видимо — такъ безобразно и выводитъ ихъ изъ себя — естественно невольно).

И такъ, оставяимъ на волю или неприкосновенную силу разума, или уже явно лукавое послѣ сего безумство антинаучпаго отрицанія, мы поспѣшимъ теперь со всѣми дорожащими свѣтомъ и свободою ума уже къ дѣлу раздѣлки съ третьей и послѣдней областью тьмы во свѣтѣ просвѣщенія нашего. —

Сюда къ раздѣлкѣ съ тьмой, лжесвѣта просвѣщенія — здѣсь, въ этой именно области его тьмы — и направлялись мы видимо, естественно всѣмъ ходомъ и всей раздѣлки нашей, и со всей тьмой его у насъ; такъ какъ всѣ силы тьмы его, и въ первыхъ областяхъ тьмы этого лжесвѣта — всѣ видимо подвигнуты извѣстной намъ активной силою его къ тому собственно, чтобы отнять у насъ (у невнимательныхъ изъ насъ къ дѣлу свѣта своего) — даже и самую возможность къ раздѣлкѣ собственно вотъ съ этой именно послѣдней, крайней тьмой его. — Ибо здѣсь уже сила тьмы его у насъ состоялась жизненно, на дѣлѣ; — въ томъ, какъ самая жизнь наша у насъ сложилась сообразно съ духомъ этого руководственнаго свѣта нашего. —

Такъ что намъ здѣсь раздѣлка предстоитъ — уже не съ мыслью отвлеченной, не съ мысленнымъ абсурдомъ, какимъ бы ни было значительнымъ и сильнымъ; — но съ самымъ фактомъ уже самой *дѣйствительности тьмы у насъ*, — какъ она есть у насъ — въ живой дѣйствительности нашей, въ самой насущности, нашего внутренняго бытія, во всемъ насущномъ темномъ состояніи его у насъ, которое, оно само такимъ образомъ поэтому, — это темное современное состояніе наше именно, и опредѣлено нами этимъ громкимъ названіемъ *эмансипаціи ума* у насъ. —

И вы помните что мы этимъ именемъ назвали у себя независимость нашего современнаго ума — во всѣхъ его насущныхъ отправленіяхъ у нас во свѣтѣ просвѣщенія, во всѣхъ его современныхъ воззрѣніяхъ, и сужденіяхъ, — рѣшеніяхъ и приговорахъ отъ всѣхъ обусловливающихъ его — условій силы и значенія истины въ законахъ разума.

Ибо, какоеже другое состояніе ума, — что, въ самомъ дѣлѣ кромѣ такой горькой доли его — и можетъ быть у насъ жребіемъ ума современнаго; — у насъ, остающихся во свѣтѣ насущнаго просвѣщенія своего и безъ самой возможности истины, — и безъ всякой силы требованій разума. И такъ, не безумно ли и ожидать намъ послѣ этого, чтобы могло быть у насъ что нибудь другое; — чтобы могъ не состояться у насъ на дѣлѣ жизни современной — фактъ — этой страшной эмансипаціи ума со всѣми страшными атрибутами этого факта — въ живой дѣйствительности его у насъ — во всемъ страшномъ значеніи того, что онъ есть, и что въ немъ есть у насъ: Ибо это есть у насъ — фактъ страшный — *состоявшагося у насъ рабства нашего ума*: Ибо это рабство его и есть прямая и неизбѣжная, безъусловная, естественная принадлежность этой эмансипаціи ума; — потому что человѣкъ такъ обусловленъ и обстановленъ во всѣхъ условіяхъ бытія своего и разумнаго и внѣшняго въ одно и тоже время, что ему нельзя иначе быть, — какъ быть — или рабомъ, или вла-

дыкой въ своей жизни; А въ темномъ состояніи его ума у человѣка, въ свободѣ своемыслія его, не стѣсняемаго у него ничѣмъ безъ истины; въ этой такой, говорю, эмансипаціи его у насъ какимъ владыкой — можетъ быть у человѣка умъ его,—когда онъ даже не способенъ — у него при этомъ ни къ какой самостоятельной остойчивости и въ себѣ самомъ, — а такимъ образомъ поэтому и остается онъ здѣсь беззащитно подлежащимъ у человѣка всѣмъ вліяніемъ внѣшнимъ на него, и такъ является при этомъ неизбѣжно зависимымъ отъ нихъ во всѣхъ своихъ опредѣленіяхъ. Ибо умъ только обусловленный внутри себя всею неприкосновенностью истины въ законахъ разума, — одною силой *посему неприкосновенной* осмысленности для него при этомъ и всего внѣшняго его, одной только ею онъ и ограждается во всей свободѣ своего самоопредѣленія въ границахъ и этихъ всѣхъ условій внѣшнихъ: — а посему естественно — конечно и не знающихъ уже границъ себѣ въ современно просвѣщенномъ умѣ нашемъ, какъ не знающемъ и не признающемъ уже въ наше время — безграничной неприкосновенности истины — въ границахъ разума; — И такимъ образомъ, въ скудной ограниченности сего своего постыднаго незнанія безграничной силы истины—и позналъ умъ вѣка, уже всю безграничность, говорю, вліяній внѣшнихъ на него,—(вліяній всякаго находящаго и мимоходнаго теченія вещей, и положенія дѣлъ и обстоятельствъ) — всею силою этой безусловности своихъ вліяній на него и опредѣляющихъ всю силу его рабства (*); — и это рабство ума та-

---

(*) А свѣтъ просвѣщенія нашего и пользуется еще этой, очевидно неизбѣжной зависимостью нашего ума современнаго на оправданіе у себя всего темнаго построенія своего, и всѣхъ безсмысленныхъ отправленій тьмы своей: — все опираясь на эту самую именно темную зависимость ума—отъ всѣхъ вліяній внѣшнихъ на него:—какъ очевидно неизбѣжную у насъ по самой силѣ вещей; лукаво наивничая только фигурой умолчанія о томъ,—что и такая сила вещей, создающая эту неизбѣжность, сама и создана и существуетъ у насъ только *по милости этого лжесвѣта*,—какъ дѣло тьмы его.

А просвѣщеніе наше думаетъ уже и оправдаться такимъ образомъ и въ

кимъ образомъ и опредѣляетъ у насъ во свѣтѣ просвѣщенія нашего со всѣхъ сторонъ, всю современную жизнь нашу; само опредѣляясь говорю самымъ смысломъ и содержаніемъ этой искусно исхудожествованной у насъ во свѣтѣ просвѣщенія эмансипаціей ума современнаго,—гуманно отпущеннаго у насъ на волю — отъ всей природной ему по всей задачѣ естества его — зависимости—и отъ требованій истины, и отъ законовъ разума: И мы по этому естественно уже вездѣ, во всемъ, во всей дѣйствительности нашей современной встрѣчаемся на дѣлѣ жизни все съ дѣломъ этого самаго рабства ума, какъ опредѣляющаго у насъ все наше насущное состояніе (мысленное или нравственное.

И кто только прилагалъ сердце къ насущному состоянію нашего мысленнаго міра во свѣтѣ просвѣщенія — тотъ и не станетъ конечно—намъ *противорѣчить* въ томъ, что хотя это и злостное у насъ опредѣленіе такого насущнаго состоянія ума нашего именемъ такой эмансипаціи его у насъ, но что это есть у насъ однакожъ самое вѣрное и точное и одно приличное ему опредѣленіе его.—

Ибо, что это такое—и какъ назвать иначе все то, что видимо:—рельефно и наглядно—выступаетъ у насъ—уже состоявшимся опредѣленіемъ всего существующаго порядка вещей, или всего теченія дѣлъ во всемъ мысленномъ мірѣ — всего міра просвѣщеннаго—во всемъ его насущномъ направленіи и духѣ.

Что это такое и какъ назвать иначе, говорю,—такое положеніе дѣла у насъ въ нашемъ мысленномъ мірѣ—въ этомъ насущ-

---

первыхъ двухъ областяхъ тьмы своей т. е. и въ самой невозможности истины, — и въ самомъ утвержденіи своемъ и самаго несуществованія души разумной и всего слѣдующаго у насъ за симъ—все, силой, этой же зависимости ума отъ всѣхъ вліяній внѣшнихъ, — причемъ конечно невозможны и немыслимы ни истина, ни сила и значеніе всѣхъ аргументовъ разума: но только не лукавя, говорю, нельзя не видѣть просто прямо: что истина хотя и невозможна у насъ во свѣтѣ просвѣщенія, но это есть не оправданіе а вина его; такъ какъ невозможность эта и есть дѣло его этой активной силы.

номъ свѣтѣ просвѣщенія, которымъ именно и обусловливается это такое положеніе наше въ немъ, что у насъ уже посмотрите и великія существенныя измѣненія въ нашихъ отвлеченныхъ понятіяхъ — зависятъ уже у насъ собственно отъ господственныхъ предрасположеній вѣка,—которыя и ведутъ его къ принятію того или другаго разряда мнѣній, смотря по измѣненіямъ у него — его привычекъ мысли и ума, которыя (они сами собственно) уже и отражаются такимъ образомъ у насъ въ понятіяхъ нашихъ. —

А самый тонъ или привычка мысли, этотъ уже высшій судія и рѣшитель дѣла — въ дѣлѣ мнѣній въ наше время, смотрите какъ и онъ слагается у насъ ужъ прямо, видимо опредѣленно, подъ суммой общаго итога всѣхъ давленій на него, этихъ всѣхъ, опредѣляющихъ его вліяній внѣшнихъ: и господствующаго положенія вещей, и этого великаго теченія общихъ причинъ, и этого неотразимаго значенія—этого вліянія у насъ нашей среды на насъ. —

И посмотрите, какъ у насъ и прежде господствовавшія мнѣнія наши погибаютъ у насъ уже не отъ того—что раззоряются они опроверженіемъ ихъ, а просто потому, что цивилизація наша выводитъ только ихъ у насъ изъ употребленія, какъ будто вещь какую — поизносившуюся уже и устарѣлую для насъ. —

Когда смотрите ужъ причины тѣхъ или другихъ понятій нашихъ у насъ, изслѣдователь ищетъ не въ аргументахъ разума уже, а прямо въ этихъ всеопредѣляющихъ у насъ предрасположеніяхъ, и господствующихъ вліяніяхъ — чего хотите: политики, муниципальнаго, или промышленнаго духа и всего тому подобнаго, — равно какъ и во внѣшнихъ же вліяніяхъ — сильныхъ мнѣній, берущихъ силой своей силы у насъ: ибо все это образуетъ у насъ извѣстные пріемы мысли нашей, которые и дѣйствуютъ уже на весь кругъ сужденій нашихъ; все

это образуетъ у насъ извѣстныя притяженія и антипатіи, которыя неизмѣнно и влекутъ уже насъ къ извѣстному, — соотвѣтственному имъ, и ими опредѣляемому разряду понятій; и такъ все это, какъ видите, ужъ не чувствительно, но явно независимо уже отъ истины ихъ или нѣтъ — помимо этого, ибо и что такое истина у насъ во свѣтѣ просвѣщенія нашего, — такъ что смотрите какъ нашъ вѣкъ уже въ чувствѣ сознательномъ по сему безпомощности своего разума во свѣтѣ просвѣщенія, не зная гдѣ найти ему руководство для своихъ сужденій, уже ищетъ ихъ въ собирательной мудрости человѣчества — какъ она обнаруживается въ конечныхъ развитіяхъ исторіи, и это уже какъ въ послѣднемъ прибѣжищѣ свѣта для себя.

Когда смотрите, какъ у насъ нашъ просвѣщенный вѣкъ ужъ выработалъ наконецъ себѣ такіе professions de foi у себя— что у насъ ужъ видите: разумно — свято то, — что свято для насъ (т. е. потому собственно, что оно для насъ свято, а не потому именно, что оно свято въ самомъ дѣлѣ и само по себѣ независимо и отъ насъ самихъ); — а что для насъ неимовѣрно — то ужъ для насъ, вы видите, по нашему не обязательно не стоитъ ужъ и подвергать изслѣдованію даже, не смотря и на всѣ свидѣтельства — свидѣтельствующія правду — этого неимовѣрнаго для насъ. И посмотрите наконецъ какъ вѣкъ у насъ дошелъ уже и до того тяжкаго вопля разума, — который слышится у насъ въ этихъ страшныхъ словахъ «что же мнѣ дѣлать, когда я такъ нахожу» — такъ часто поражающихъ нашъ слухъ въ наше время...

И я все это бѣгло и на память набралъ на выдержку — все собственныя выраженія — и представительныхъ глашатаевъ нашего просвѣщенія, — и типичныя выраженія мыслей и самой массы просвѣщенной, — чтобы только какъ нибудь — да остановить вниманіе вѣка на этихъ, говорю, типичныхъ выра-

женіяхъ характера и духа вѣка и всего мысленнаго состоянія его, въ его непроходимой и безпомощной тьмѣ во свѣтѣ просвѣщенія его, чтобы какъ нибудь, говорю, да обратить вниманіе на эти у него, не обращающія на себя его вниманіе, —хотя и общеизвѣстныя черты—его господствующаго направленія во свѣтѣ просвѣщенія; чтобъ только какъ нибудь да заставить остановиться на томъ *что это именно такое у насъ?*

Ибо мы во свѣтѣ просвѣщенія своего на это смотримъ мимоходомъ, или какъ на что то только положительно присущее у насъ, какъ на положительно только дѣйствительный—дѣйствительно существующій у насъ порядокъ вещей въ нашемъ мысленномъ мірѣ, или какъ на то, что и оправдывается уже въ нашихъ глазахъ у насъ въ нашъ вѣкъ во свѣтѣ просвѣщенія нашего неизбѣжностью уже такого порядка вещей въ умственномъ мірѣ, – какъ на что то уже непреложно роковое—такое, что у насъ уже ищутъ опредѣлять и самые законы, управляющіе у насъ этимъ колебаніемъ нашихъ понятій, —какъ будтобы законы управляющіе какимъ нибудь опредѣленнымъ порядкомъ физической природы наслоенія на умѣ какихъ нибудь геологическихъ формацій; или наконецъ и какъ на то, что даже и *смакуютъ и похваливаютъ* у насъ многіе;—(что уже и всего ужаснѣе, ибо такимъ образомъ уже открывается и обнаруживается и самый вкусъ ума у насъ въ свѣтѣ просвѣщенія нашего, его тенденціи и цѣли и интересы самые, и самые инстинкты нравственные, инстинкты просвѣщенные хочу, я сказать).

Ужасно что это такое!.. И вотъ границы наши умственныя въ насущномъ свѣтѣ просвѣщенія, установившіяся и опредѣлившіяся у насъ въ законахъ этого лжесвѣта нашего; тѣсныя, позорныя уму, болѣзненныя и превратныя, чего и не могло бы статься, разумѣется, никакъ въ присутствіи истины, при дѣйствующей силѣ разума у насъ; и что на оборотъ у насъ, лишенныхъ употребленія разума въ отсутствіи истины, ужъ сдѣлалось формально неизбѣжнымъ для ума вѣка въ ро-

ковыхъ судьбахъ его, — ума нашего, — во всѣхъ его путяхъ, въ такихъ опредѣленіяхъ его въ насущномъ свѣтѣ просвѣщенія, что ужъ не онъ, не умъ нашъ судится у насъ въ судахъ своихъ и въ самой правдѣ ихъ — передъ лицомъ самой истины и по суду ея самой въ законахъ разума, а самъ онъ на оборотъ у насъ, самъ нашъ умъ — (и самъ у насъ опредѣленный какъ случится, какъ видѣли теченіемъ мимотекущаго потока обстоятельствъ внѣшнихъ—и такъ зависимо, стѣсненно,) онъ самъ у насъ рѣшаетъ въ дѣлѣ мнѣній все—какъ онъ усмотритъ самъ и какъ найдетъ по усмотрѣнію своему; (*) по усмотрѣнію своему, говорю, еще пожалуй только что согласному и соглашенному еще (и это уже высшая послѣдняя инстанція суда) — и съ общими сужденіями другихъ, — но такъ же ограниченно, т. е. рѣшительно — судящихъ обо всемъ «по своему» только; и такъ зависящихъ — во всѣхъ исходахъ всѣхъ своихъ сужденій—всѣхъ приговоровъ своего суда, отъ тѣхъ опредѣленій у насъ и склада мыслей и ума,— который, какъ мы видѣли, опредѣляется у насъ этимъ «великимъ теченіемъ общихъ причинъ» — въ общемъ и до всѣхъ касающемся ихъ теченія: И такъ, не велика и не трудна задача — этой соглашенности, далѣе границъ такой общей ограниченности не простирающей и замысловъ своихъ убогихъ. —

Но, какъ я и предупреждалъ уже, наше дѣло въ раздѣлкѣ нашей здѣсь должно ужъ состоять не въ объясненіяхъ только азбучныхъ конечно: ибо что пользы здѣсь (въ раздѣлкѣ съ этой уже дѣйствительностію тьмы) — и въ самомъ справедливомъ *только разсужденіи*, напримѣръ такомъ: что если я въ самомъ дѣлѣ хочу узнать, какъ дѣло есть въ самомъ дѣлѣ,—то

(*) Ибо кажется безпрекословно у насъ высшій критеріумъ и самаго добра и истины и справедливости — уже составляетъ у насъ всенормирующая наша, до высшей и послѣдней степени доходящая въ каждый послѣдній моментъ наличной современности,—развитость наша личная, всеобщая, собой все мѣряющая—на свой собственной аршинъ у насъ.

какое мнѣ дѣло до того, какъ судитъ кто *по своему* объ этомъ дѣлѣ, какъ даже самъ я нахожу его по усмотрѣнію своему; ибо тогда ужъ я смотрю конечно гораздо дальше этого, и ужъ конечно, ни на что не смотря—при этомъ я могу разумно положить оружіе только — передъ истиной самой, т. е. только на основаніяхъ истины самой утвердивъ надежно, вѣрность своего сужденія;—такъ какъ понятно, что иначе *и безъ этого* не можетъ быть ничего твердаго и надежно вѣрнаго въ сужденіяхъ нашихъ, (чѣмъ и объясняется и отъ чего и происходитъ конечно безбрежность мысленная у насъ въ насущной ограниченности нашихъ мнѣній и сужденій, такъ-какъ намъ недоступна уже эта утвержденность ихъ у насъ во свѣтѣ просвѣщенія на истинѣ самой). —

Но только,—что и говорить объ этомъ, говорю, когда все дѣло въ томъ самомъ, что недоступность этого, для насъ, что злая доля такой ограниченности нашего ума у насъ уже неизбѣжна для насъ во свѣтѣ просвѣщенія нашего, что это самое я говорю, что эта неизбѣжность именно и составляетъ страшный фактъ самой дѣйствительности современной нашей тьмы.

Ибо посмотрите на самое содержаніе того, что у насъ содержится въ самой глубинѣ этого факта,—посмотрите на то, что кроется у насъ подъ кровомъ нашей тьмы насущной, въ самой силѣ — этой неизбѣжной умственной безбрежности у насъ во свѣтѣ просвѣщенія. Смотрите—тамъ у насъ вся бездна бытія нашего — вся неизбѣжно при семъ во всемъ содержаніи своемъ уже естественно опредѣляется этой тьмой *на смерть живую* въ мертвой жизни всѣхъ безобразій мерзости запустенія умственнаго и нравственнаго въ такихъ *потемкахъ бытія*.

И вотъ съ чѣмъ именно—вотъ съ какимъ жизненнымъ произведеніемъ тьмы; въ этомъ фактѣ ея дѣйствительности у насъ и предстоитъ имѣть намъ дѣло въ раздѣлкѣ нашей здѣсь — съ этой третьей областью тьмы нашего лжесвѣта. —

И этотъ фактъ, какъ фактъ такого темнаго *состоянія* нашего во свѣтѣ просвѣщенія уже стоитъ и опирается у насъ на такихъ самостоятельныхъ условіяхъ своей остойчивости и состоятельности, — которыми и опредѣляется вся его роковая дѣйствительность у насъ; — на такихъ, говорю, самостоятельныхъ и самобытныхъ силахъ страшнаго стоянія своего, — которыя подъ кровомъ нашего лжесвѣта — питаемыя имъ, взаимно *и его* питаютъ силою своей, — и имъ взлелеянныя — вмѣстѣ съ нимъ и окружаютъ и осѣтываютъ насъ безвыходностью изъ этого темнаго состоянія нашего. —

Ибо смотрите въ самой силѣ естественнаго разстройства человѣческой природы, тьмой *своемыслія* нашего, — не отворяются ли уже настежъ двери *для всей силы* необузданнаго *своеволія* нашего; а разнузданность этого безчинства своеволія съ своей стороны и сама уже насильственно гнетъ умъ — (безсильный въ силѣ своемыслія его) — въ лукавое согласіе съ ней; — а кто не знаетъ какова эта страшная самостоятельная опора силы тьмы, эта сила разстройства естсства нашего, поддерживающая тьму и взаимно ею поддерживаемая и ограждаемая въ ея силѣ. —

А кромѣ этого и всякимъ вѣтромъ внѣшнимъ нанесенной — но только вмѣстѣ съ силою вліянія внѣшняго — еще и общепризнанной, какой бы ни было порядокъ мысленный, какой бы ни было безсмысленный, но только соотвѣтственный и тьмѣ лжесвѣта — нашего, удовлетворительный у насъ и для требовательной безпорядочности естества: — какая и эта новая самостоятельная опора тьмы; ибо значеніе силы и этого такимъ образомъ установившагося (въ людяхъ своемыслія и своеволія) — statut-quo мысленнаго, — и это цѣлое господство новое надъ всѣми силами ума, — ибо на гладкомъ полѣ цѣлаго безмнѣнія неизбѣжнаго у насъ на просторѣ ума отъ истины, не можетъ же не печатлѣться у него господственно — то «какъ всѣ думаютъ», — такъ что и эта силища такая, что нарушеніе этого

порядка безпорядковъ установившагося statut-quo мысленнаго міра, это есть у насъ уже — ни на что непохожее безчинство, (какъ не похожее ни на кого въ безобразномъ мірѣ умственныхъ безчинствъ нашихъ просвѣщенныхъ).—

Вотъ какъ и вотъ съ чѣмъ срастворился и слился у насъ покровъ тьмы свѣта просвѣщенія, — подъ кровомъ коего и въ силѣ этихъ силъ,—и совѣсть у насъ связана и спутана совсѣмъ, и ложь заблужденія нашихъ у насъ оправдана, и зло ограждено и обезпечено у насъ.

И такъ вотъ что, намъ шлетъ свой вызовъ въ этомъ фактѣ темнаго состоянія нашего; — и вотъ съ какими силами его намъ предстоитъ имѣть раздѣлку въ немъ. —

А съ фактомъ,—противъ дѣйствительности факта самаго, какъ я сказалъ, ужъ разсужденіями одними и словами ничего не сдѣлаемъ; и потому мы теперь уже заговоримъ дѣлами, и больше этого—заговоримъ такими ужъ словами, — въ которыхъ больше дѣла, чѣмъ и во всѣхъ дѣлахъ на свѣтѣ,— всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ; ибо мы—теперь укажемъ и откроемъ силу:—ту силу, безъ которой и никакое дѣло въ мірѣ ничего не сдѣлаетъ тѣмъ силамъ; — т. е. безъ которой, говорю, и никакими силами на свѣтѣ не одолѣть намъ силы тьмы въ этомъ тройномъ ее союзѣ.—Ибо противу этихъ такихъ силъ самой дѣйствительности тьмы у насъ, — у насъ нужна намъ очевидно сила *необыкновенная*,—сила и *общественная*, и *внутренняя* сила, живая и активная, непреоборимая *дѣйствительная* сила: — а такова сила одного только превосходящаго всѣ силы міра *стоянія въ свободѣ разума*: — ибо сила состоятельности такого сильнаго стоянія среди насъ—уже одна достаточно у насъ и несравненно болѣе, чѣмъ на одно только побѣдоносное противуборство всѣмъ силамъ — всей дѣйствительности этой насущной нашей тьмы; но сила этой тьмы уже, — хотя неодолима и она у насъ безъ этой новой живой силы нашей; но подъ тяжестью ея или передъ ли-

цомъ этой живой силы нашей—она (вся мертвая сила тьмы) въ прахъ разлетается и разсѣевается безслѣдно.

Ибо сила свободнаго стоянія въ разумѣ уже — свободно безпрепятственно у насъ и не стѣсняясь — никакими загородками уставовъ и общественной безсмысленности, — какова бы то ни была — безсмысленнаго мысленнаго statut-quo у насъ и никакими правами законодательныхъ обмановъ нашего лжесвѣта и никакою крѣпостью разстройства силъ естественныхъ,—могущественно сильно наступая—на всѣ эти живыя ребра тьмы, и попирая все неразумное у насъ и въ обществѣ, и въ насъ самихъ она естественно неодолимо и рушитъ безпощадно и сокрушаетъ весь сухой скелетъ этой живой смерти нашей,—этого живаго безобразія всего состава дѣйствительности тьмы у насъ,—этой всей силы состоятельности, говорю, нашего насущнаго темнаго состоянія, — поносно убивая смерть – въ честь жизни всѣхъ хотящихъ жить...

А иначе и безъ этого, что мы сдѣлаемъ со всею этою живою силой зла, которая какъ смерть живая—живетъ въ костяхъ и въ жилахъ нашихъ;—что сдѣлать даже съ силою значенія и одного приговора общественнаго statut-quo въ его безсмысліи:—да что сдѣлать наконецъ и съ самой тьмою заблужденія самаго, когда во свѣтѣ просвѣщенія нашего мы не находимъ никакого выхода—когда и нѣтъ въ немъ выхода изъ тьмы?!

Ибо какъ моря горстью намъ не вычерпать, — какъ тьмы физической никакъ не разогнать безъ свѣта—такъ и безъ присутствія самой истины — не выбраться изъ заблужденія, однимъ только отрицаніемъ лжей — уличаемыхъ у насъ по очередно; точно также какъ извѣстно, что самое и нехотѣніе зла безсильное безъ силы самаго добра — не сильно безъ него у насъ даже и для одной борьбы со зломъ, — а не только для побѣды надъ нимъ; да даже наконецъ куда мы дѣнемъ и эту мертвую безцвѣтность — безсодержательнаго, без-

смысленно влачимаго нами продолженія жизни нашей — однимъ теченіемъ общимъ (всѣхъ живущихъ такимъ образомъ) направляемаго и увлекаемаго у насъ; ибо и при всемъ отвращеніи отъ этой силы мертвенности нашей, — куда мы уйдемъ отъ нея и какъ избѣжимъ ее *безъ самой силы жизни;* ибо чемъ оживить жизнь—безъ жизни, а гдѣ про насъ взять истины, добра и жизни нашему лжесвѣту --у него есть для насъ..... не это. —

И только въ силѣ состоявшагося среди насъ стоянія въ свободѣ разума, только въ этой состоявшейся у насъ силѣ свѣта, какъ облекающей пасъ неизбѣжно уже во всеоружіе истины самой,—здѣсь только уже въ силѣ вседѣйственнаго дѣйствія—въ разумѣ разумныхъ — свѣта истины, мы обезпечены уже въ самомъ добрѣ и жизни отъ силы зла и тьмы и смерти. —

Ибо во свѣтѣ истины есть и не одно только отсутствіе тьмы; но только тьмѣ въ немъ мѣста нѣтъ,—какъ и безсилію въ силѣ свѣта и смерти въ жизни свѣтлой. —

Но мы оглянемся еще, и ближе поглядимъ и въ глубь не глубокую этого темнаго состоянія нашего во свѣтѣ просвѣщенія,— чтобы яснѣе видѣть всѣ наши крайности и нужды въ немъ. Вглядимся пристальнѣе также и во всю широту этой новооткрытой намъ великой силы нашей,—чтобъ ознакомиться и съ тѣми средствами—какія въ ней у насъ есть въ рукахъ; чтобы такимъ образомъ, умѣя дать себѣ отчетъ во всѣхъ требованіяхъ предлежащаго намъ дѣла раздѣлки нашей съ самой дѣйствительностью тьмы у насъ, намъ съумѣть и воспользоваться всѣми своими средствами на это дѣло жизни.

Но только что при этомъ намъ очевидно надо быть уже готовыми, конечно, къ встрѣчѣ — со всякимъ безобразіемъ, безсловесности у насъ,—которая уже не можетъ не открыться — намъ здѣсь у насъ въ этой насущности нашей тьмы, во всемъ ходу ее у насъ, во всѣхъ отправленіяхъ здѣсь

уже на дѣлѣ жизни нашей—всѣхъ темныхъ дѣйствій извѣстной намъ активной силы нашего лжесвѣта. —

Ибо здѣсь, *въ самой* активной области ея у насъ—она уже у насъ употребляетъ прямо въ дѣло, все исхудожествованное ею тамъ, все добытое и изготовленное ею въ тѣхъ первыхъ темныхъ областяхъ во свѣтѣ просвѣщенія; — такъ что ужъ здѣсь не можетъ и не выступить на видъ и не раскрыться передъ нами *и самая задача* дѣла тьмы, у насъ—во всѣхъ этихъ опредѣленныхъ дѣйствіяхъ у насъ ея активной силы. —

А потому,—я говорю, и никакая невообразимая мѣра безобразія безсловесности здѣсь уже и не должна быть неожиданной и непредвидѣнной для насъ при той страшной и страшно явной здѣсь задачѣ этой.

Ибо кому не безъизвѣстны—ни самые законы естества нашего, ни состояніе его наличное у насъ въ его разстройствѣ по паденіи нашемъ; и отъ чьего вниманія не ускользаютъ и всѣ продѣлки активной силы нашего лжесвѣта—здѣсь уже въ ихъ наличности у насъ, тому, конечно, ужъ нельзя не видѣть и не понимать къ чему все клонится и рвется у насъ въ этой активной силѣ вѣка: нельзя не видѣть прямо наконецъ,— глядя только на все какъ есть серьезно прямо, что прямо цѣлая задача этой тьмы въ ее опредѣленной зазнамо явной цѣли для нея—вся состоитъ у насъ—опредѣленно явно ни въ чемъ иномъ какъ только прямо въ одномъ достиженіи самой эмансипаціи у насъ самаго уже естества нашего отъ всѣхъ законовъ этого естества,—т. е. просто прямо въ томъ, чтобы добиться только собственно простора намъ во всѣхъ безчинствахъ естества, оправданныхъ и въ совѣсти и въ разумѣ, т. е. простора такимъ образомъ во всей свободѣ зла;—въ свободѣ этой и доводимой уже здѣсь до ея какого-то *пафоса* у насъ во славѣ этого такого насущнаго свѣта нашего разума,—т. е. въ этомъ лжесвѣтѣ, говорю, современнаго просвѣщенія нашего, всѣ силы тьмы котораго и сосредоточены въ этой его послѣд-

ней области, въ этой эмансипаціи ума—у насъ—гдѣ уже этотъ владычный духъ вѣка въ этихъ потьмахъ—ума и въ рабствѣ его у насъ всѣмъ условіямъ внѣшнимъ и предаетъ насъ такимъ образомъ какъ беззащитныхъ въ силѣ этой тьмы—уже безпрепятственно всей силѣ зла, (или по крайней мѣрѣ, безпрепятственно уже стремится къ этому онъ здѣсь этотъ владычный духъ вѣка всѣми силами своими у насъ въ силѣ этой эмансипаціи ума—какъ къ идеалу своему состоящему въ эмансипаціи самаго уже, говорю, естества нашего).

И такъ, какая же тутъ мѣра безобразія, безсловесности и можетъ быть еще и удивительной и неожиданной у насъ при этомъ въ процессѣ отправленій этого такого дѣла въ духѣ просвѣщенія нашего,—т. е. когда вотъ куда глядятъ у насъ концы всѣхъ направленій нашего лжесвѣта.—

И что же можетъ удивить насъ послѣ этого—во всемъ, что перелистываетъ передъ нами современность наша на всѣхъ страницахъ своего поступательнаго движенія въ прогрессѣ просвѣщенія своего—съ такой его задачею—въ его активной силѣ.—Такъ что какое диво послѣ этого и въ томъ, что все во свѣтѣ просвѣщенія нашего у насъ безбожіемъ дышетъ, что у насъ безбожіе въ наше время всѣмъ овладѣваетъ, и руководитъ всѣмъ въ духѣ просвѣщенія, *гдѣ у насъ* раціонализмъ,—нашъ установитель мысли просвѣщенной, который и установляетъ у насъ безбожіе *въ законѣ разума.*

То есть я хочу сказать, что нечего дивиться даже и тому, что у насъ безбожіе вольнодумства (т. е. вся эта фигурирующая у насъ безсмыслица эмансипированнаго своемыслія въ этомъ раціонализмѣ нашемъ, свободномъ отъ истины и огребающемся отъ нее всѣми силами)—что ужъ безбожіе вольнодумства водворяется и утверждается и процвѣтаетъ у насъ въ духѣ просвѣщенія—какъ дѣло самой любви къ истинѣ—или защиты правъ самаго разума!!!

А почему подъ этимъ именемъ такое дѣло этого раціона-

лизма у насъ въ духѣ просвѣщенія? Это — потому видите, — что тамъ на родинѣ этого раціонализма, какъ на родинѣ лжевѣры стародавней, — многовѣковымъ обычаемъ своимъ закоренѣлой — въ лжахъ всякаго лукавства и подлога, — тамъ началъ онъ свою блистательную тамъ карьеру — этотъ раціонализмъ — блистательной уликой всей фальши и лукавства — у этой закоренѣлой родоначальницы и законодательницы всякой фальши, — у этой родственной ему и соплеменной совоспитанницѣ его, у этой царственной на родинѣ его лжи, воцарившейся тамъ въ его вѣрѣ. — И такимъ образомъ онъ тамъ, такой заслугою своей цивилизаціи, — такимъ содѣйствіемъ прогрессу ея свѣта въ истинѣ и въ жизни, онъ тамъ освободилъ свой міръ — отъ страшныхъ предразсудковъ былаго изувѣрства въ этомъ мірѣ царственной лжевѣры тамъ воплотившейся въ царственной силѣ Ватикана.

Но и на основаніи такой дѣйствительной заслуги этого раціонализма, — въ память, говорю, и всей пользы какую онъ дѣйствительно принесъ и разуму и истинѣ самой — въ томъ мірѣ фальши изувѣрства — всей силою своего отрицанія въ немъ цѣлой бездны всѣхъ абсурдовъ и подлога: отрицанія — побѣдоносно, разумно и законно отрицавшаго все несообразное съ разумомъ и такъ противурѣчущее истинѣ; — но и не смотря на все это, — *какъ только* послѣ этого онъ перешелъ ужъ за черту — такого отрицанія безумства всѣхъ абсурдовъ лжей, противныхъ истинѣ, — и ужъ зашелъ такъ далеко въ завѣтномъ дѣлѣ отрицанія своего, что прямо сталъ уже *самъ онъ* у насъ отрицаніемъ наконецъ самой истины и разума (самъ этотъ раціонализмъ въ безбожіи вольномыслія, а наконецъ въ юродствѣ и самаго матеріализма), — то и послѣ этого еще все-таки оставлять за нимъ его почетное именованіе — любви къ истинѣ; — такой безсмыслицѣ только и можно не дивиться во свѣтѣ просвѣщенія нашего, — ибо только въ такой непроходимой нашей тьмѣ неудивительно конечно и такая, говорю, безсмыс-

лица — чтобы за заслугу отрицанія лжей — противныхъ истинѣ и разуму, — за отрицаніемъ отрицающимъ теперь у насъ уже не ложь абсурда, — а истину и разумъ все оставлять еще во свѣтѣ просвѣщенія его патентованное имя; все оставлять и присвоять ему, говорю, чинъ, званіе и имя любви къ истинѣ и защитника правъ разума у насъ. —

Но если и нельзя конечно удивляться и такой безсмыслицѣ во свѣтѣ нашего лжесвѣта, то и нельзя не остановиться однакоже — на силѣ страшнаго значенія того, что въ духѣ просвѣщенія нашего, насъ такъ беззавѣтно морочатъ у насъ правами этого раціонализма нашего, пользуясь нашимъ равнодушіемъ къ дѣлу свѣта — что въ силѣ такой раціональной любви къ истинѣ у насъ дверь настежъ разстворяется уже и тому высокопросвѣщенному воззрѣнію ума глубоко погруженнаго въ тьмѣ рабства законодательному своемыслію вѣка, что и все противуестественное — въ нашемъ естествѣ для насъ въ нашихъ глазахъ становится уже естественнымъ и только; а это и не только что приходится по вкусу естественному — нравственному разстройству нашему, но льститъ еще и вкусу гордости его, которая никакъ не хочетъ видѣть зла у себя, но только не лишая себя сласти зла конечно: вотъ какъ тутъ по мѣстамъ, какъ дома — все темное у насъ въ этой эмансипаціи ума во свѣтѣ просвѣщенія нашего. —

Но переходя отъ этой знаменательной любви къ истинѣ въ другую область темнаго безмнѣнія нашего во свѣтѣ просвѣщенія, конечно также насъ не можетъ удивить и сила еще болѣе излюбленнаго вѣкомъ рабства, — рабства всякому широко водворяющему въ немъ произволу, пародирующему у насъ въ его оффиціальной постановкѣ — во свѣтѣ просвѣщенія — уже какъ цѣлое величіе тріумфа славы современной; — ибо что составляетъ неотъемлемо цѣлую претензію нашего вѣка просвѣщенія, — какъ претензія его — быть вѣкомъ — именно гуманной собственно *любви къ свободѣ*.

Ибо объ чемъ шумо́мъ шумимъ мы все въ нашъ вѣкъ, какъ не о равенствѣ, о братствѣ:—и вотъ: куда же это именно такъ тупо-безсловесно заноситъ это славное имя свободы — свѣтъ просвѣщенія современнаго!? Нѣтъ, не туда уже теперь ужъ, не на ту великую арену жизни, — гдѣ въ дѣлѣ славнаго стоянія за свободу совѣсти отъ всѣхъ стѣсненій внѣшнихъ, за человѣчество, стенавшее подъ игомъ рабства,—боролся нѣкогда цвѣтъ человѣчества у насъ—съ безчеловѣчіемъ всѣхъ безумій;—теперь же это имя славное у насъ перенесено уже на иное—современное намъ поприще, состоящее въ самомъ водвореніи и утвержденіи у насъ—въ уставо-законахъ свѣта просвѣщенія нашего всѣхъ правъ гражданства за всѣми стремленіями вѣка къ полному простору анархіи цѣлаго своеволія въ мірѣ политическомъ, — и къ полной распущенности нравовъ, въ раздольи цѣлой свободы страстей—въ мірѣ нравственномъ, до поджиганія наконецъ въ концѣ концовъ—и петролейна во имя равенства и братства; и до разжиганія страстей до самаго пафоса ихъ всѣмъ настроеніемъ и сцены и всего свободнаго искусства и цѣлей литературы нашей. —

И если первое еще съ своимъ петролейнымъ и мало гдѣ такъ прорвало ужъ всѣ плотины нравственныя на сію минуту, но то что прямо къ этому ведетъ, но второе наше зато всей силою лжесвѣта своего работаетъ уже вездѣ и во всѣхъ видахъ; и всѣ пружины просвѣщенія нашего тутъ пущены ужъ въ ходъ.

А такое настроеніе духа въ духѣ современнаго просвѣщенія довело дѣло до того;—что съ другой стороны у насъ уже иная сила произвола, въ другомъ его видѣ — на основаніи всего этого, и подъ предлогомъ нужды въ сдерживающей силѣ, ужъ хочетъ стать стоять оправданной у насъ среди міра просвѣщеннаго—и въ той неслыханной и небывалой до насъ военной деспотіи, которая нежданно выросла среди современнаго міра просвѣщеннаго; и которая не стѣсняясь никакими

средствами все забираетъ въ свои руки — всѣхъ заставляетъ ополчаться поголовно, и ломаетъ совѣсть вѣры самой у попавшихся ей въ руки по командѣ произвола власти государственной, и въ интересахъ этой власти (*).

Но что мы будемъ говорить и противъ всего этого, когда руководящими законами ума (пока не свергнутъ царствующій духъ просвѣщенія нашего съ престола своего владычества непоколебимаго у насъ во всей силѣ тьмы его лжесвѣта) у насъ стоятъ во главѣ всего законы этого лжесвѣта; и когда по законамъ этого лжесвѣта, по силѣ вещей установившагося status-quo мысленнаго міра въ наличномъ міросозерцаніи нашемъ, — наше внѣшнее у насъ есть все для насъ въ воззрѣніяхъ нашихъ, а внутренній нашъ міръ, со всѣми требованіями онаго, по силѣ этихъ просвѣщенныхъ современныхъ разумѣній нашихъ — по крайней мѣрѣ уже никакъ не долженъ имѣть у насъ такого значенія, чтобы онъ могъ стѣснять и связывать — разсчеты царственной утилитарности нашей, — которая одна и есть у насъ всецѣлая разумность наша современная — въ современномъ свѣтѣ просвѣщенія нашего, одна такъ безсловесно всецѣлымъ разумомъ ходячимъ, ходящая у насъ, — и признанная безусловно во свѣтѣ этого лжесвѣта; — и когда уже законо-уставы этой утилитарности всесильной—всей силой безсовмѣстнаго значенія всего внѣшняго для насъ, въ эмансипаціи ума нашего—такимъ образомъ уже и въ дѣлѣ совѣсти нашей: — (какъ и въ самой расправѣ ея внутренней — такъ и въ задачѣ ея политической)—ведутъ и клонятъ все дѣло видимо къ тому, чтобы дать быть всему что есть (что ни на есть у насъ) свободно *правымъ*. —

А въ силѣ такого присущаго намъ свѣта, такого свѣта

(*) Да наконецъ и не оправдываетъ ли ужъ это все, и даже гласно у нея и похваляющая ее за это, соплеменная ей продажная ея литература современная.

присущаго въ сердцахъ и головахъ людей современнаго міра просвѣщеннаго—политики наши догадаются ужъ сами, — что и уменъ и правъ у нихъ при этомъ — въ этомъ духѣ конечно только тотъ, кто схватитъ все на что только хватитъ у него его умѣнія и силъ; особенно когда зѣвать нельзя и потому, что въ силѣ этого лжесвѣта — весь свѣтъ стоитъ на томъ, — что «кто кого смога;» — и въ головѣ у всѣхъ вертится, какъ бы отвертѣться вовсе отъ всякаго стѣсненія своеволія — чуть только гдѣ не бисмарковскія руки—держатъ власть въ своихъ рукахъ...

Но вотъ же мнѣ не мирному, все вопіющему на все во свѣтѣ просвѣщенія нашего, вотъ мнѣ подъ старость лѣтъ— за ропотъ мой на жалкое безмнѣніе наше, и на всю силу зла свободнаго у насъ, и все на жизнь одну скотскую—насущность наша просвѣщенная мнѣ и поставила на видъ — что ужъ теперь у насъ не въ этомъ дѣло,—и оставляя у себя все это назади — она наличностью своей, — въ своей дѣйствительности просвѣщенной—и отрезвила наконецъ меня совсѣмъ уже отъ ропота такого, отъ дерзкаго желанія вѣчнаго — былаго, — моего—въ моей до старости—ребяческой мечтѣ—желавшаго и жаждавшаго вѣчно встрѣчи (и это въ нашъ вѣкъ такого просвѣщенія задумывать объ этомъ) — встрѣчи съ людьми хоть и заблуждающимися, но искренно, т. е. на столько мыслящими, что имѣющими хоть и ошибочныя—да убѣжденія, съ людьми хоть и увлекающимися, — но чѣмъ нибудь и сколько нибудь человѣческимъ, а не барышемъ только однимъ;—съ людьми — хоть бы и грѣшащими да чувствующими свою вину, и понимающими зло въ своемъ грѣхѣ.

Потому что для человѣка и ошибающагося, но строго убѣжденнаго въ своихъ сужденіяхъ, всегда есть выходъ, — стоитъ только убѣдиться ему въ своей ошибкѣ; — и самой встрѣчѣ съ нимъ человѣческой, разумной и искренней всегда есть

мѣсто и возможность; — а о человѣкѣ чувствующимъ свою вину въ грѣхѣ безсилія своего и говорить не буду — какой ужъ это кладъ и цѣлая находка — встрѣча съ такимъ человѣкомъ — для сердца требующаго жизни и общительности.

Но только какова наивность хотѣть и ждать этого въ нашъ вѣкъ; — и вотъ нашъ вѣкъ и далъ мнѣ знать себя за это; мнѣ мечтателю такому дерзкому, такому проповѣднику — грѣха! такому любителю и искателю — заблужденій! — и это въ нашъ вѣкъ такого страшнаго безмнѣнія, когда у насъ осмѣянно и самое мышленіе наше; когда теперь до думанія-ли намъ; — когда ктó думаетъ у насъ теперь, ктó думаетъ у насъ объ томъ какъ есть все въ самомъ дѣлѣ; когда намъ до того-ли, чтобъ просто въ самомъ дѣлѣ подумать намъ объ чемъ нибудь!

Когда мы до того задумали о томъ, чтобъ намъ всегда найтись и съумѣть придумать только — какъ лучше думать такъ, чтобъ было и согласно съ общимъ мнѣніемъ (т. е. согласно съ общимъ духомъ просвѣщенія нашего); и сообразно съ собственнымъ сердечнымъ настроенімъ; (т. е. съ извѣстнымъ видомъ своего личнаго — личнаго или семейнаго и родоваго естественнаго разстройства); а также соотвѣтственно и съ опредѣленнымъ внѣшнимъ положеніемъ нашимъ, (согласно съ требованіемъ времени и съ условіями занимаемаго нами мѣста), (*) а наконецъ и главное, когда еще подумать надо намъ о томъ, — какъ думать намъ согласно съ выгодами, съ выгодами — всесторонними своими; (т. е. какъ думать такъ, чтобъ выгодно было для насъ такъ думать); и когда мы такъ поглощены и задались всѣмъ этимъ, и однимъ этимъ, въ мірѣ всего насущнаго мышленія своего; — что мы и не поймемъ, —

(*) А иначе и безъ сего „какой mauvais genre, неразвитость какая и отсталость, такъ думать въ наше время“ или какія мѣщанскія понятія, говорится у насъ въ противномъ случаѣ.

и въ толкъ не можемъ взять, что думать еще кромѣ этого! Или какъ думать думая не этакъ!!!...

А этакъ *думая*,—вотъ ужасъ намъ, вотъ ужасъ современный:—что этакъ думая—у насъ уже всѣ лѣзутъ въ люди убѣжденія... у насъ уже торгуютъ наконецъ добромъ, (барышничая зломъ подъ всѣми видами добра); — а третій родъ у насъ героевъ нашего времени, ужъ нормою ходячей выступаетъ у насъ въ особенной и крайней мѣрѣ пустоты своей.

Но при такомъ порядкѣ мысленномъ, по этакъ думая какъ и хотѣть чтобъ не было и этого всего:—чтобъ понабравшись—въ высокомъ духѣ просвѣщенія—такого духа, — такого, какъ назвать мнѣ это — безмнѣнія или мнѣнія — «*что убѣжденія* (убѣжденія истины, т. е. убѣжденія въ истинѣ) и невозможны и не нужны»; какъ такъ высокопросвѣщеннымъ людямъ съ такими ихъ высокими понятіями (или мнѣніями или убѣжденіями какъ хотите цивилизаторскими только во всякомъ случаѣ), въ вѣкъ чудно прогрессивной развитости нашей,—какъ имъ и не топорщиться и не лѣзть идти въ уровень съ вѣкомъ въ нашъ вѣкъ, «въ вѣкъ убѣжденія» (какъ это съ подлинникомъ вѣрно у насъ какъ и все у насъ въ вѣкъ извращенія всего, и лукаваго непониманія ничего); какъ имъ не лѣзть и въ люди убѣжденія, говорю, съ такимъ ихъ современнымъ безмнѣніемъ или мнѣніемъ и убѣжденіемъ какъ хотите, — но развитымъ до нельзя всеконечно.

А такъ же: какъ хотѣть,—чтобы не торговалъ и добродѣтелью нашъ вѣкъ, въ гуманности своей утилитарной—непонимающій, и не могущій понимать достоинства добра *въ добрѣ самомъ* — и въ самыхъ побужденіяхъ добрыхъ: — а не въ одной только полезности и выгодѣ его, — не въ одной даже и общей его пользѣ.

Ибо какъ понять ему, что и самое скромное, но сердечное добро *дѣйствительное*, — и мало этого что и только хоть отъ зла удерживаться да по доброму побужденію,—что и это даже

несравненно выше, — чѣмъ всѣ великія, геройскія, полезныя дѣла и добродѣтели — да только не по искренно и прямо добрымъ побужденіямъ совершаемыя, т. е. какъ ему понять, что самая *дѣйствительность* добра безконечно выше и цѣннѣе, и жизненнѣе — и самой большей великости, — и самой великой геройской добродѣтели и славной и полезной, — да если только въ самыхъ побужденіяхъ се нѣтъ той дѣйствительности добра, (искренность котораго ничѣмъ не замѣнима, и несравнима ни съ чѣмъ), — а есть безъ этого въ нихъ тотъ подлогъ, то, что-то вздутое-надутое какое то всегда наносное, (стороннее — отъ самаго добра), но что конечно поддаетъ и придаетъ однакоже силъ на подвигъ. —

Какъ можетъ это понимать нашъ вѣкъ, какъ могутъ быть въ подъемъ ему, такія твердыя и здравыя сужденія, — когда и самый духъ его разумности у него, — въ его утилитарности одной, — когда не знаетъ онъ ничего разумнаго и нравственнаго и никакого благоразумія другаго кромѣ ея и далѣе нея: — и когда онъ въ своихъ наличныхъ современныхъ, гуманныхъ и добрѣ и убѣжденіяхъ — не можетъ-же не видѣть одинъ парадъ офиціальный; (хоть и не можетъ онъ конечно дать себѣ отчета и въ этомъ яснаго и опредѣленнаго; объ этомъ нечего и говорить, такъ какъ, онъ «логики у насъ и не учился» да и задачею мышленія «дѣйствительнаго и серьезнаго» онъ у насъ не задается вообще). —

Но что сказать о тѣхъ, которые мнѣ всѣхъ больнѣе — въ наивной фальши ихъ; — о тѣхъ герояхъ вѣка третьяго разряда, которые не то что эти всѣ у насъ — плывущіе уже въ открытомъ морѣ своей *зазнамой фальши* офиціальной современной постановки офиціальнаго парада: — или гуманности, такой — согласной съ именемъ своимъ — у нашихъ гуманниковъ въ ихъ задушевной утилитарности или убѣжденія этого у современныхъ людей убѣжденія, такого союзнаго съ безмнѣніемъ этихъ — носителей его великоименитыхъ; — но ужъ не то со-

всѣмъ у насъ герои третьяго разряда, ихъ бурей просвѣщенія въ разбитомъ современностью ихъ сердцѣ — куда то выкинуло на берегъ необитаемый такой ужъ пустоты,—такъ занятой собой — что это ужъ у насъ какіе то остатки древней роскоши, только въ отдѣлкѣ современной;—это то самое—что въ болѣе наивномъ поколѣніи,—увѣчныхъ дурачковъ простаго самолюбія, этой самой обыденной пошлости,—вздувалось прежде, въ недавнее былое время,—такъ отъ души бывало, въ пошлый гоноръ понятія о требованіяхъ чести; чистосердечность чего теперь у насъ ужъ тоже въ прошломъ стала; а между тѣмъ теперь вотъ это же самое чувство у насъ, въ вѣкъ крайней пустоты нашей, съумѣло стать—вотъ въ этихъ людяхъ вѣка ужъ третьяго, совсѣмъ особаго разряда, — съумѣло стать, говорю, такимъ ужъ чувствомъ *собственнаго своего достоинства* у нихъ, въ силѣ ихъ непосредственной наивности какой то въ фальшѣ ихъ; что уже они невольно выступаютъ у насъ какой то нормою ходячей, или живымъ закономъ—самой развитости или правиломъ критики въ прогрессѣ,—собственную личную свою наличную развитость поставляя усморительно наивно за мѣрку или за высшій критерій правды, — добра, и истины и справедливости всего;—отъ души такую личную наличную развитость свою и подобныхъ себѣ личностей признавая за весь итогъ прогресса просвѣщенія выработаннаго въ человѣчествѣ.— И это дѣло сердца ихъ въ ихъ крайней ужъ—послѣдней мѣрѣ пустоты. что они отъ сердца сердечно ужъ и отъ всей души не могутъ не судить и не осуждать всѣхъ и всего того, что не по ихнему и не по нихъ:—а какъ по ихнему спросите?—какъ люди вѣка своего они не знаютъ сами, а только чувствуютъ что чувствуютъ; а чувствуютъ они что и не такъ, и не похоже ни на что все то что не по нихъ и не по ихнему, что не похоже на все ихъ и только. — И какъ у насъ остальные всѣ кромѣ ихъ—злымъ умомъ своимъ все оправдать хотятъ; — такъ эти слѣпымъ сердцемъ своимъ осудили всѣхъ и все, что не по

нихъ;—и вотъ какія противуположныя крайности у насъ,—а вытекаютъ всѣ у насъ изъ одного и того же источника всякой пустоты; все изъ того же привиллегированнаго нашего безмнѣнія — царствующаго въ своемысліи вѣка. —

Но все это такъ естественно неизбѣжно въ эмансипированномъ умѣ вѣка, во свѣтѣ просвѣщенія современнаго; что хотѣть не этого, хотѣть намъ высоты такой для нашего вѣка—какъ заблужденіе и грѣхъ, (когда намъ уже и отступаться не отъ чего, и сбиваться не въ чемъ, такъ какъ у насъ нѣтъ уже ничего самостоятельно неприкосновеннаго для насъ, такъ что намъ выдерживатъ свое—что ни на есть у насъ, — есть уже смѣхъ конечно и юродство), и такъ, намъ задумывать о высотѣ такой въ нашъ вѣкъ какъ грѣхъ и заблужденіе, для этого, я говорю, ужъ надобно имѣть только мою безтактную голову.—

И тѣсно ужъ становится у насъ теперь въ просвѣщенной средѣ нашей современной отъ этихъ всѣхъ людей убѣжденія, у насъ; и отъ гнетущей важности этой пустоты, какой-то нормою у насъ ходящей; и отъ изящества—такого наличнаго добра нашего, какъ этотъ цвѣтъ гуманности,—цвѣтущей у насъ на полѣ утилитарности нашей сердечной. . . . И сердце вопіетъ уже невольно наконецъ, конечно тщетно, — но невольно вопіетъ къ сердцу такого духа вѣка (такого люда просвѣщеннаго), къ такому сердцу человѣка вѣка, говорю,—одно уже теперь:—хоть ужъ «живи скотомъ среди скотины» и торгашемъ безъ всякихъ увлеченій, и даже грѣхъ свой и за грѣхъ непризнавай; да только ужъ хоть нормою то ходячею не выступай при этомъ и не торгуй хоть зломъ подъ всѣми видами добра человѣчности; и только хоть не лѣзь ужъ въ люди убѣжденія! Вотъ юродивый «караулъ» какой кричать приходится уже у насъ теперь; но кто услышитъ и пойметъ среди ликованій всей роскоши и славы всего великолѣпія нашего прогресса!

И встрѣться человѣкъ хоть самый немудрящій нынче, и хоть со всѣми недостатками и слабостями человѣческими въ

нашъ вѣкъ, да только хоть безъ этихъ такихъ нечеловѣческихъ пошибовъ, этого убійственнаго духа просвѣщенія; только, говорю́, хоть не человѣкъ убѣжденія, и не выступающій такою всенормирующей силой развитости, и не гуманникъ записной — то ужъ и это отдыхъ цѣлый въ наше время.

Но и все это еще не то, однакожъ, что есть у насъ самаго худшаго, и самаго тяжкаго въ нашъ вѣкъ во свѣтѣ современнаго просвѣщенія нашего:—нѣтъ, наша болѣзнь и бѣда несравненно хуже и всего этого!...

И такъ какъ есть конечно люди, которые уже давно навѣрное хотѣли бы сказать мнѣ на все, что я ни говорилъ до сихъ поръ:—«что просвѣщеніе у нихъ совсѣмъ другое дѣло,—а руководственный ихъ свѣтъ—свѣтъ разума у нихъ въ ихъ вѣрѣ, въ христіанствѣ;—и что развѣ нельзя быть просвѣщеннымъ человѣкомъ, не бывши нигилистомъ»!

То я на это имъ скажу—и еще болѣе того; а именно: что нигилистомъ и нельзя быть въ самомъ дѣлѣ просвѣщенному человѣку, ибо и не зачѣмъ, да и невыгодно, и неприлично ему это, (какъ было уже сказано у насъ однажды) — и въ самомъ духѣ современнаго просвѣщенія нашего; но только дѣло въ томъ,—что и въ самомъ дѣлѣ — искренно вѣрующимъ — тоже нельзя никакъ быть въ духѣ этого насущнаго просвѣщенія нашего; т. е. какъ и говоримъ мы постоянно и рѣшительно:— нельзя никакъ безъ самой строгой и рѣшительной раздѣлки съ нимъ, съ этимъ лжесвѣтомъ нашимъ, (раздѣлки всесердечно искренней—и такъ необходимо осмысленной вполнѣ):—и это такъ и до того, что на всемъ безконечномъ разстояніи отъ нигилизма и до самой вѣры,—вся бездна этого пространства между ними, однимъ словомъ все въ духѣ просвѣщенія нашего у насъ, все состоитъ въ томъ одномъ, что есть у насъ—ни нигилизмъ, ни вѣра собственно, и все это у насъ при всемъ безконечномъ разнообразіи въ подробностяхъ всего этого, во всѣхъ его оттѣн-

кахъ существенно и распадается только на два характеристическіе капитальные отдѣла, хотя и очень близкіе и совершенно сродные между собой по своему внутренному содержанію, но зато совершенно расходящіеся до противоположности по имени и по всѣмъ видимостямъ и внѣшнимъ проявленіямъ своимъ, а именно: въ одномъ отдѣлѣ, — мы видимъ простое невѣріе — прямо, которому только нельзя повѣрить на слово въ томъ одномъ, что оно есть убѣжденіе, и что оно вѣритъ въ отрицанія свои; но которое однакожъ изо всѣхъ силъ зато, какъ видимъ мы, заботится и рвется какъ бы ему добиться этого, чего ему такъ сильно хочется, т. е. того, чтобъ убѣдиться въ нихъ — въ этихъ отрицаніяхъ своихъ, — или по крайней мѣрѣ убѣдить другихъ, и ихъ увѣрить въ силѣ этихъ отрицаній своихъ и въ своей увѣренности въ этой силѣ ихъ. —

А въ другомъ отдѣлѣ, мы видимъ уже не простое невѣріе а наоборотъ, увѣренное въ своей вѣрѣ религіозной до того, что въ силѣ духа просвѣщенія своего, проникнутаго равнодушіемъ къ дѣлу свѣта, оно невѣріе это о вѣрѣ собственно; т. е. о дѣйствительности ея существованія у себя, оно спокойно и не заботится никогда нисколько; что́ уже далеко бѣдственнѣе и самаго невѣрія только,—и принадлежитъ къ тому, что составляетъ у «презрителей» истины въ ихъ чинѣ «прелесть вѣка» (т. е. то что называется прелестью мнѣнія, —и что какъ извѣстно—вѣдущимъ есть уже самая страшная бѣда человѣческая).

Но я еще и не объ этомъ говорю теперь, но о томъ страшномъ поношеніи, какому подвергается у насъ при этомъ самое имя честное вѣры, въ томъ ея видѣ въ какомъ она является и представляется у насъ на усмотрѣніе всякаго простаго здраваго смысла и такимъ образомъ зовущихъ и печатающихъ себя—вѣрующими, и людей просвѣщенія, говорю, но которые при этомъ хотятъ отстоять и имя вѣры у себя, — или въ силу какихъ-либо наружныхъ отправленій вѣры, или и просто потому, что любятъ считать себя вѣрующими по вкусу своего ума

пользуясь на это правомъ одного свободно мыслія нашего времени. —

Ибо что сталось уже съ вѣрою у нашихъ вѣрующихъ, но мирствующихъ въ тоже время и съ духомъ просвѣщенія своего; т. е. которые и вѣрить думаютъ, и остаются въ духѣ просвѣщенія—безъ этой рѣшительно необходимой окончательной и рѣшительной раздѣлки съ нимъ:

Что вышло наконецъ у нихъ изъ этой вѣры ихъ?—Ибо мы видимъ въ ихъ вѣрѣ просвѣщенной (у современно-просвѣщенныхъ вѣрующихъ нашихъ) — естественно всѣ страшные симптомы духа просвѣщенія ихъ; мы видимъ въ самой вѣрѣ ихъ всѣ эти страшныя противорѣчія и разногласія у нихъ и съ духомъ самой вѣры, и между нихъ самихъ объ дѣлѣ самаго благочестія и вѣры—и главное мы видимъ, что такое исповѣданіе вѣры, (естественно такъ содержимой ими, какъ содержимой безъ отрицанія и духа ихъ лжесвѣта — во свѣтѣ просвѣщенія ихъ) мы видимъ даже никого у насъ и не возмущаетъ,— стоитъ и держится у насъ спокойно между нами, и мы живемъ спокойно съ этимъ, какъ будто съ вѣрою — а не съ измѣной вѣры. —

И вотъ въ чемъ ужъ бѣда рѣшительная; — и крайнее, и окончательное зло; — и вѣкъ нашъ въ упоеніи своемъ, конечно и вообразить себѣ не можетъ, какое страшное зло и бѣда это! зло окончательно рѣшительное, говорю, даже и въ духѣ самаго просвѣщенія нашего. —

Ибо тьмѣ самой все темное и злое свойственно—прилично, и совершенно въ ней естественно; но когда здѣсь уже, въ самомъ мѣстѣ утвержденія добра и разума; — порядка свѣта и единомыслія—является у насъ источникъ нестроенія, — то это уже хуже и зла самаго, болѣзненнѣе ужъ и бѣдствій и болѣзни. —

И здѣсь уже съ одной стороны, со стороны активной силы

нашего лжесвѣта,—уже достигнуто и сдѣлано все для свободы ея дѣйствій у насъ.

Ибо такъ какъ она у насъ въ своей задачѣ—ослабленія всѣми силами всей силы стѣснительныхъ для нея *законовъ естества* разумной,—но больной,—разстроенной природы нашей: — естественно по этому и направляетъ видимо всѣ свои стрѣлянья, — (тьма какъ естественная союзница разстройства естества)—прямо противъ самой вѣры,—какъ самаго свѣта естества, свѣта союзнаго и пріютнаго у естества—этимъ его законамъ бытія живаго и разумнаго;—по сему и вся борьба у насъ лжесвѣта, такимъ образомъ, хотя и изъ за того идетъ чтобъ разшатать ему у насъ всѣ эти границы естества нашего разумнаго; — но хотя и изъ за этого, говорю, но ведется она собственно однакожъ всей силой нашего лжесвѣта у насъ прямо противъ того, что поддерживаетъ и возставляетъ силою своею границы этого естества разумнаго, т. е. противъ этого истаго, говорю, свѣта естества, прямо противъ самой силы вѣры. А такъ какъ это дѣло борьбы, это цѣлое дѣло нашего лжесвѣта — ведется у насъ, какъ мы могли уже замѣтить это, такимъ образомъ: — что духъ просвѣщенія, этотъ лжесвѣтъ нашъ, заимствуя у истиннаго свѣта разума у вѣры, всѣ свѣтлыя его именованія — любви къ свободѣ, къ истинѣ, къ добру—(чтобъ только вмѣсто свѣта истины — стать самому у насъ на его мѣстѣ свѣтомъ нашего разума), что онъ свѣтъ просвѣщенія современнаго такимъ образомъ не даетъ ужъ мѣста у насъ истинному свѣту — тѣмъ самымъ, что совмѣстничествуя съ нимъ и занимая самъ его собственное мѣсто у насъ—во имя этихъ всѣхъ священнѣйшихъ именъ и именованій — онъ у насъ въ тоже время подъ красками и именами заимствованными имъ у истиннаго — свѣта, въ *содержаніи* своемъ собственномъ водворяетъ на мѣстѣ истиннаго свѣта у насъ все содержащее въ себѣ всецѣлое прямое отрицаніе всго того, что есть свѣтъ истины по всему его содержанію. —

Но хотя этотъ лжесвѣтъ просвѣщенія современнаго и огражденъ у насъ въ этомъ дѣлѣ своемъ — своего противоборства съ свѣтомъ истины, (въ этомъ очевидно цѣломъ дѣлѣ, говорю, у насъ духа просвѣщенія нашего, совмѣстничествующаго такимъ образомъ такъ опустошительно для всей природы естества разумнаго — съ истиннымъ свѣтомъ разума — чтобъ стоять на его мѣстѣ хоть бы для самаго только отрицанія и истины и разума) хотя и огражденъ онъ у насъ въ этомъ дѣлѣ своемъ — какъ мы отчасти видѣли и могли уже понять это нѣсколько и тѣмъ, что онъ затмѣваетъ своими поддѣльными, но за то блистательными свѣтлостями — въ разслабленномъ имъ же умѣ человѣческомъ, всѣ слабыя представленія ума — о свѣтлостяхъ дѣйствительныхъ во свѣтѣ истинномъ, которыя въ умѣ разслабленномъ и представляются такими маленькими, скромными такими въ сравненіи со всѣмъ поддѣльнымъ блескомъ мишуры его, и которыя кромѣ того, и такіе маленькія да еще берутся съ бою тамъ, а въ духѣ просвѣщенія — нашъ умъ подкупленъ двойною сладостью того, что слава свѣтлости и самой разукрашенной и самой роскошной, а дается въ немъ и какъ удовлетвореніе страсти и какъ поддержка всѣхъ страстей. —

Но дѣло окончательной и совершенной огражденности лжесвѣта просвѣщенія нашего въ его совмѣстничествѣ съ свѣтомъ истины, со свѣтомъ вѣры во всемъ успѣхѣ его противоборства ей, и во всей свободѣ дѣйствій этого лжесвѣта у насъ завершено вполнѣ ужъ только въ полномъ торжествѣ его надъ свѣтомъ истины здѣсь именно; именно притомъ, и тѣмъ именно: что такимъ образомъ, какъ мы сказали, обругано уже въ глазахъ у человѣчества и самое имя честное вѣры самой здѣсь въ лицѣ тѣхъ, которые, оставаясь въ духѣ его, въ духѣ этого лжесвѣта просвѣщенія своего; а хотятъ при этомъ удержать и имя вѣры за собой. — Вотъ только какимъ образомъ дѣлается уже совсѣмъ безопаснымъ для духа просвѣщенія нашего

его соперникъ этотъ. И торжество его надъ онымъ обезпечено уже вполнѣ, говорю, такимъ образомъ здѣсь только.—Ибо кто его соперникъ послѣ этого? какое это христіанство противопоставляетъ ему вѣкъ нашъ во свѣтѣ просвѣщенія своего, ибо гдѣ же больше противурѣчій себѣ самимъ и несообразности ни съ чѣмъ, какъ не у насъ въ этомъ квази христіанствѣ просвѣщенномъ нашемъ... И такъ, вотъ какъ дѣло лжесвѣта, говорю, при этомъ, и вся свобода дѣйствія у насъ его активной силы, такимъ образомъ здѣсь уже сдѣлано и утверждено и ограждено у насъ со всѣхъ сторонъ вполнѣ. —

Но какъ съ одной стороны такимъ образомъ дѣла лжесвѣта по всѣмъ требованіямъ его активной силы здѣсь завершено и сдѣлано уже совсѣмъ; такъ съ другой стороны и дѣло *естества нашего* здѣсь является у насъ уже въ самомъ плачевномъ состояніи его при этомъ. —

Ибо каково ему у насъ при этомъ: когда при этомъ—уже не только, что вопервыхъ тьма этого лжесвѣта у него — его насущный свѣтъ; и во вторыхъ его законамъ—законамъ естества нашего разумнаго при этомъ у насъ поддержки нѣтъ; а въ тоже время между тѣмъ они осаждены у насъ при этомъ именно со всѣхъ сторонъ—всей силою естественнаго зла,—какъ уже освобожденнаго естественно во тьмѣ,—и какъ естественно же и поддерживаемаго всей силой этой тьмы,—какъ элементомъ такъ естественно самымъ враждебнымъ естеству разумному — и такъ союзномъ у него всему темному дѣлу естественнаго его разстройства.—А наконецъ—когда мы кромѣ этого, кромѣ всей бѣды отъ тьмы уже и во свѣтѣ самой квази-вѣры своей насущной въ духѣ просвѣщенія своего встрѣчаемъ западню какую-то,—какого-то предательства всей правды истины — живьемъ насъ выдающую всей неправдѣ тьмы...

И какова же послѣ этого — при этомъ доля міра темнаго:

когда у тѣхъ самихъ, у кого онъ принужденъ смотрѣть изъ рукъ—въ дѣлѣ свѣта, (по всему, что требуется отъ природы свѣта, какъ долженствующаго освѣщать и ограждать естество человѣческое во всѣхъ условіяхъ свѣтлаго, т. е. разумнаго бытія его у насъ),—когда, говорю, и у тѣхъ самихъ, у кого ихъ свѣтъ истины — долженъ бы быть свѣтомъ міру — онъ не можетъ поддержать и самого себя, и выдержать себя въ своей состоятельности и у нихъ самихъ; т. е. какой соблазнъ хочу я сказать—при этомъ во первыхъ даже и для христіанъ, не только что необразованныхъ, лишенныхъ просвѣщенія внѣшняго—видѣть такую насущную квази-вѣру эту просвѣщенную—у просвѣщенныхъ христіанъ.

А и подавно, каково при этомъ для непросвѣщенныхъ свѣтомъ вѣры и крещенія, а также и для омраченныхъ тьмой иновѣрія,—отпавшаго отъ правды вѣрности ихъ вѣрѣ,—видѣть этотъ свѣтъ міра, свѣтъ вѣры истинной и православной,—въ такомъ его плачевномъ видѣ,—въ какомъ онъ предстоитъ глазамъ всего человѣчества въ своей плачевной горькой долѣ—вѣчнаго предательства—на которое обреченъ разумъ такой вѣры у квази-вѣрующихъ такимъ образомъ, т. е. у мирствующихъ (у живущихъ безъ раздѣлки) и со лжесвѣтомъ насущнаго просвѣщенія своего, хотя *и православныхъ* по имени ихъ церкви, но нестоящихъ, говорю, въ завѣтѣ истины—ее свободными отъ тьмы лжесвѣта просвѣщенія.

А главное и пуще всего, каково при этомъ самому разуму—самихъ вѣрующихъ такимъ образомъ;—каково ихъ разуму, въ этой такой квази-вѣрѣ ихъ,—обреченному на дѣланіе дѣла вѣчнаго предательства своего въ ней, говорю, предательства предателя Пилата—труса;—правителя, въ рукахъ котораго была и власть и сила, и который видѣлъ явно, что правъ Христосъ;—но не посмѣлъ не выдать его головой на пошлый вопль безголовой толпы подъученной. Такъ и новый предатель нашъ современный, этотъ жалкій разумъ просвѣщенныхъ вѣрующихъ нашихъ,

и онъ облеченный въ своей вѣрѣ—всѣмъ правомъ правды православной, и всею силой обязательности для него исповѣданія вѣры церкви: и онъ не смѣетъ вѣрить--чему вѣрилъ до того, что уступая голосу—единогласной—безсловесности—лжесвѣта, недопускающаго исключительности въ истинѣ — онъ выдаетъ все святое своей вѣры во свѣтѣ просвѣщенія своего — безголоваго, такъ и настолько, что въ духѣ этого лжесвѣта своего онъ не смѣетъ и подумать признавать формальною и отъявленною ложью все прямо и торжественно (торжественно какъ исповѣданіе церкви новой) отрицающее правду его церкви, (исповѣданіемъ вѣры которой онъ и послѣ этого смѣетъ все-таки именовать себя однакожъ), т. е. не смѣетъ, говорю, признать формальной ложью — ту церковь отрицанія, — которая въ глазахъ вселенной смѣла стать *церковью* отрицающею всю завѣтную правду единой церкви Божіей; т. е. все у нея завѣтное ее святое въ православіи ея вѣры *всей преданной* всецѣло (въ цѣлой истинѣ ее), самой церкви; т. е. стать отрицающей такъ очевидно безмысленно и правду самого *преданія* церкви; и самый завѣтъ вѣрности и послушанія ей. —

И это-ли только еще, въ духѣ просвѣщенія, обыкновенное дѣло ума-предателя въ вѣрѣ его просвѣщенной; нѣтъ, точно также онъ не обинуясь предаетъ и прямо на убіеніе нравственное, все истое свое святое: не смѣя въ силѣ своей вѣры, и въ правѣ правды ея—смѣло признать прямо богоборной церковь анаѳемствующую даже православіе его церкви. И мало этого: онъ не только что не смѣетъ въ подлой трусости раболѣпнаго согласія своего съ духомъ господствующей—во свѣтѣ просвѣщенія безразборчивости въ дѣлѣ истины (а потому и безразличія въ дѣлѣ вѣры) не смѣетъ употребить въ дѣло власть силы вѣры и права ея правды и смѣло поднять свой голосъ на торжественное и формальное несогласіе съ тѣми, которые признаютъ правду и церквей признающихъ неправой его церковь; не только не смѣетъ поднять свой голосъ, въ отвѣтъ имъ

открыто исповѣдуя свое торжественное и формальное признаваніе всегдашнее — рѣшительной неправды этихъ церквей богоборства и лжи отъявленной — у этихъ явныхъ и отъявленныхъ враговъ истины и правды его вѣры и церкви; но онъ еще и хвастается у нась даже (не боясь безсовѣстно — бояться стыда человѣческаго въ дѣлѣ Божіемъ) хвастается даже при этомъ развитостью высокообразованнаго признаванія и ихъ истинными церквями христіанскими; и даже въ силѣ подлаго подобострастія своего передъ духомъ царственнаго лжесвѣта просвѣщенія простираетъ свою горькую долю въ роли — развитой неотсталости своей и до того, — что предразсудкомъ даже называетъ онъ твердое и рѣшительное несогласіе съ этими обѣими врагами своей вѣры: такое честное несогласіе, говорю съ ними, которое такимъ образомъ простирается въ благородно-смѣлой свободѣ искренности до открытаго прямаго признаванія ихъ (и папства и протеста), тѣмъ что они есть въ самомъ дѣлѣ: — и что есть по сему только въ самомъ дѣлѣ вѣрить тому чему вѣримъ и только не отступаться отъ своего убѣжденія. —

Но просвѣщенный умъ вѣка не только что становится такимъ образомъ чужимъ своей вѣрѣ, — выдавая свою вѣру чужимъ, — но онъ смотрите, какъ у насъ и къ самому Христу обращается какъ къ своему съ лобзаніемъ Іуды, — этотъ умъ просвѣщенный человѣка — вѣка, по православному крещенаго — и допускаемаго церковью до Таинства Святаго Причащенія: а вслушайтесь, — какъ онъ относится у насъ ко всѣмъ обязанностямъ церкви православной!.. Но безсловесность всѣхъ этихъ безсмысленныхъ современныхъ отзывовъ такова, — что тутъ возможно только развѣ цѣликомъ передавать, никакъ непередаваемыя иначе слова такого исповѣданія вѣры просвѣщенной; ибо какъ иначе передать какія-нибудь такія изрѣченія какъ эти напримѣръ ходячія у насъ и общеупотребительныя объясненія, «что надо ближняго не обижать, а не сквернить

въ уста»—и на такомъ премудромъ основаніи просвѣщенный православный людъ нашъ спокойно не исполняетъ постовъ—установленныхъ церковью..... Но что это однакожъ за смрадное такое отправленіе языка ли, или мысли и сердца!?!.....

Но что же въ самомъ дѣлѣ ты, Христопродавецъ, съ лобзаніемъ ко Христу подходишь,—и приводишь Его Святыя слова: «не сквернитъ въ уста», а нехочешь и подумать о смыслѣ ихъ, до того, что безсмыслено—извращая ихъ смыслъ,—слова самого Христа употребляешъ на раззореніе Его дѣла,—для совершенія котораго Онъ приходилъ на землю, и человѣкомъ сталъ и предался на крестъ: — ибо все это было для того, чтобы созиждить ему свою Святую Церковь на землѣ: а ты такъ безсловесно посягая на право ея власти и силы — на что накладываешь руку? или не знаемъ, что церковь есть — главы Святой Христа Святое тѣло.

Но я не знаю даже прилично-ли и относиться такъ къ вѣрѣ ихъ, — какъ къ вѣрѣ, и разбирать серьезно ее у нихъ какъ вѣру христіанскую; когда они во первыхъ и вѣрятъ Христу Богу только въ томъ, въ чемъ они хотятъ ему вѣрить; а если что они признаютъ по своему и несогласно съ Нимъ,—о томъ что хочетъ говори Христосъ они и не повѣрятъ Ему ни за что;—например, когда они заберутъ себѣ въ голову «что дьяволъ это наши страсти только, а ужъ конечно не особое живое существо»—тогда что имъ за дѣло до того—что говоритъ Евангеліе; а наконецъ, они считаютъ даже обязательнымъ для себя исполнять и заповѣди Божіи, только тѣ, которыя они сами захотятъ исполнять по усмотрѣнію своему; — такъ матери христіанки,—но просвѣщенныя конечно, — такъ старательно пекущіяся, говорятъ, о цѣломудренномъ воспитаніи своихъ дочерей, — не посмотрятъ ли онѣ на заботу вашу о цѣломудріи сыновей вашихъ, какъ на сумасшествіе ваше личное—«да развѣ они дѣвушки»—они готовы вамъ сказать и говорятъ на это, и тотъ же грѣхъ дочери, которой говорятъ онѣ све-

детъ ихъ въ могилу, у сына онѣ шутить способны этимъ.—А наконецъ и просто, кажется игрушку гордости своей онѣ хотятъ уже сдѣлать и вообще изъ обязанности къ Богу; великолѣпно вѣрующіе нашего просвѣщеннаго вѣка:—уничижая самое дѣло страха Божія и всякой строгости и принужденія себя обязательныхъ у насъ въ силу этого начало исходнаго страха:—блистательно—великолѣпно—не соглашаясь ничего дѣлать—требуемаго Богомъ—иначе какъ по чувству любви къ нему и это люди страсти. . . .

Но я нисколько не догматизируя, конечно, говорю все это, а чуть только касаясь этого—всего,—чтобы только дать хоть какой нибудь намекъ, хоть какое нибудь понятіе о крайности нашего положенія въ дѣлѣ вѣры во свѣтѣ просвѣщенія.—

И я опять-таки долженъ прибавить и къ этому опять все тоже самое:—что какъ же и могло бы это быть иначе;—какъ и могло бы этого всего небыть у насъ, въ лжесвѣтѣ просвѣщенія нашего; когда у насъ во первыхъ, духъ этого лжесвѣта и цѣлое все направленіе его состоитъ въ равнодушіи къ истинѣ и въ безразборчивости въ ея дѣлѣ,—узаконяемыхъ въ немъ этимъ принципомъ всѣхъ принциповъ нашего лжесвѣта, который есть: недопусканіе исключительности въ истинѣ;—и когда во вторыхъ, у насъ дѣло этого лжесвѣта, въ цѣлой квази научной его задачѣ у насъ—есть дѣло отрицанія всего абсолютнаго содержанія истины,—чѣмъ какъ закваской свѣта просвѣщенія,—все и заквашивается и окрашивается въ немъ у насъ,—развѣ только, что не до буквъ самой азбуки;—и такъ и настолько все пропитано у насъ въ немъ этимъ, что и безъ спросу нашего и нечувствительно во свѣтѣ просвѣщенія—мы уже безъ вѣры на дѣлѣ въ жизни нашей современной.—И когда наконецъ въ третьихъ, у насъ своемысліе и своеволіе—это насущность наша въ нашей просвѣщенной современности въ ее эмансипаціи ума у насъ во свѣтѣ просвѣщенія. И такъ, какъ сыну вѣка такого просвѣщеннаго не разсуждать по сво-

ему и въ дѣлѣ вѣры, когда ему понравится приписывать себѣ и вѣру.—

И такъ, вотъ какъ и вотъ насколько у насъ свѣтъ вѣры руководственный нашъ свѣтъ во свѣтѣ просвѣщенія; *и вотъ какъ и насколько признаніемъ права этого за свѣтомъ вѣры—намъ свѣтитъ просвѣщеніе современное*; и вотъ какъ свѣтъ просвѣщенія современнаго, уступая это дѣло вѣрѣ, самъ остается только стоять у насъ на заднемъ планѣ въ чинѣ внѣшняго знанія и только.

Но гдѣ же, скажутъ наконецъ, та сила и искусство,— такой раздѣлки съ духомъ просвѣщенія, которая могла бы выдѣлить въ немъ эту душу его изъ его тѣла;—не убивая этого тѣла однакожъ, а напротивъ оживляя и его, убитое теперь у насъ такою его связью, съ такой душой его насущной.—

Гдѣ эта сила, которая должна пройти такъ сокрушительно у насъ по ребрамъ и костямъ сухаго этого скелета—тьмы живой—мертвящей все живое—своей отравленной, подкрашенной, поддѣльной красотой?!

Мы теперь возвратимся къ ней, или за нею, за этою силою туда, къ тому мѣсту въ нашемъ сочиненіи, гдѣ мы послѣ разсмотрѣнія и изобличенія первоначальнаго исходнаго абсурда—первой области тьмы—во свѣтѣ просвѣщенія, вслѣдъ за тѣмъ указали путь, и рекомендовали методъ того несложнаго пріема здравомыслія,—которымъ отнимается вся сила у ловкаго пріема фальши, этой фальши, которая одной уловкой — будто бы научности, — даже и до антинаучности ненаучнаго отрицанія своего,—отрицанія ни болѣе ни менѣе какъ цѣлой абсолютной истины — дѣлала немыслимой мысль допусканія и самой возможности вѣры; ибо ясно, что послѣ этого разоблаченія дѣла фальши становится уже немыслимой сама эта немыслимость вѣры:—а потому какъ только такимъ образомъ обращено вниманіе, на то, что эти квази-научныя отри-

цанія отнюдь не суть научныя утвержденія невозможности этой истины, какъ истины—такимъ образомъ не признаваемой только однимъ произволомъ мужей науки и притомъ невѣровъ, которымъ она не пришлась по вкусу, такъ тотчасъ разуму и невѣрующаго человѣка; (я говорю о разумѣ человѣка не вѣрующаго, а не объ разумѣ вѣрующаго человѣка, потому что тамъ все совсѣмъ другое и потому что я конечно становлюсь на точку зрѣнія человѣка, стоящаго во свѣтѣ современнаго просвѣщенія нашего);—такъ тотчасъ, говорю, разуму и невѣрующаго еще человѣка,—но только, чтобы не отказаться разуму его иначе отъ самого себя, какъ было сказано и не стать опредѣленнымъ и формальнымъ уже безуміемъ у него:—нельзя уже тогда не остановиться, тотчасъ послѣ этого, всѣми своими силами (сколько онъ только разумъ, а не безумье) на разсмотрѣніе свидѣтельствъ такой какъ жизнь и болѣе жизни настоятельной истины;—и такихъ свидѣтельствъ ея, каковы свидѣтельства вѣры христіанской, засвидѣтельствованной въ правдѣ ея передъ нами—и небомъ и землей, и всѣми возможными человѣческими свидѣтельствами, убѣждающими и утверждающими въ ней — и умъ и сердце, и всею силою вещей и духомъ,—съ такой неотразимостью свидѣтельствъ этихъ:—для разума конечно добросовѣстно внимательнаго къ нимъ человѣка; что дѣло уже тутъ прямо сводится къ опредѣленіямъ одной только совѣсти;—потому что умъ формально и рѣшительно кладетъ оружіе передъ непрерѣкаемою силою свидѣтельствъ вѣры, ежели только продажная совѣсть не избавитъ его отъ этой неизбѣжности, допустивъ его безсовѣстно, (по разсчетамъ выгоды своего зла, которому конечно плохо приходится при свѣтѣ), безсовѣстно допустивъ его до страшнаго и крайняго безумія — невнимательности къ нимъ, къ этимъ такимъ свидѣтельствамъ вѣры.

А эти свидѣтельства разсчитаны такъ страшно вѣрно, въ мѣрѣ силы доказательности своей, что страшно соразмѣрно—

мѣрѣ нашего вниманія они отмѣриваютъ у насъ мѣру этой доказательности своей для насъ. (Но иначе какъ бы и могъ быть актъ вѣры цѣлымъ актомъ всерѣшающей свободы человѣческой,—что и есть дѣло вѣры у человѣка): такъ что у кого изъ невѣровъ, освободившихъ только умъ изъ этой лукавой сѣти насущныхъ квази-научныхъ отрицаній достанетъ настолько совѣсти въ ихъ смыслѣ, чтобы только не допускать отнюдь никакой невнимательности (что и есть, это недопусканіе ея,—одно что есть—и что одно только и можетъ быть разумнаго и добросовѣстнаго у невѣровъ), не допускать отнюдь и никакой невнимательности къ дѣлу всесильно вызывающей силы этихъ свидѣтельствъ вѣры,—тѣхъ эта страшно вѣрно мѣряющая соразмѣрность доказательности оныхъ—выдвигаетъ вонъ изъ ряда; и такъ рѣшительно выдѣляетъ и поставляетъ ихъ отдѣльно ото всѣхъ другихъ, что торжественный приговоръ этого отдѣленія совершается при этомъ уже въ рѣшительномъ опредѣленіи ихъ,—сихъ достаточно внимательныхъ — на дарованіе имъ «знанія» (*) тогда какъ не достаточно внимательно (безумно и безсовѣстно) къ тому, что такъ ослѣпительно вызываетъ все вниманіе не безсмысленныхъ у насъ:—естественно опредѣляются уже на жалкую долю неопредѣленности для нихъ всего; съ однимъ гаданіемъ только въ притчахъ обо всемъ.—(**) А наконецъ умъ вовсе невнимательныхъ и объюродивѣетъ вовсе . . . . даже и до предопредѣленія ихъ на фальшъ и преднамѣреннаго ужъ подъискиванія какихъ либо основъ для отрицанія истины, отрицанія естественно въ ихъ злѣ, диктуемаго имъ въ инстинктахъ ихъ ума инстинктомъ самозащищенія отъ преслѣдованія этихъ и ихъ не оставляющихъ въ покоѣ назойливыхъ для нихъ (какъ не хотящихъ свѣта) свидѣтельствъ истины. —

(*) „Вамъ дано знать“ Евангеліе.

(**) А тѣмъ . . . . . . „все бываетъ въ притчахъ“. Тамъ же.

И вотъ отселѣ уже съ этого мѣста выдѣленія изъ среды всѣхъ другихъ — однихъ внимательныхъ, съ этой самой черты времени, съ этого, говорю, мѣста опредѣленія за разумомъ внимательнымъ дарованія ему знанія, въ охватившей его здѣсь силѣ крѣпости не преоборимаго убѣжденія—разумъ становится уже свободнымъ *отъ тьмы въ вѣрѣ*. И вотъ гдѣ ужъ вполнѣ такъ есть, — что «это знаетъ только тотъ, кто получаетъ это», ибо эта охватывающая здѣсь умъ сила непреоборимаго убѣжденія, — извѣстна — только лишь внимательнымъ; ими только и извѣдана она вполнѣ.—

Ибо, въ добросовѣстно—внимательномъ умѣ неотразимая доказательность для него свидѣтельствъ вѣры — дѣйствуется уже не только естественно, но и выше естественно; ибо здѣсь уже по праву правды, Богъ свободенъ у меня запечатлѣть внимательность мою, — какъ актъ уже состоявшагося дѣла свободы разума въ дѣлѣ вѣры; и своимъ Божескимъ содѣйствіемъ мнѣ въ немъ; — а гдѣ только Божеская любовь улучаетъ себѣ свободу дѣйствія у меня, (т. е. гдѣ только свобода дѣйствія ея не стѣсняется — у меня свободой моего противодѣйствія ей) тамъ и не замедляетъ она своимъ содѣйствіемъ конечно;—ибо и не можетъ, какъ любовь она замедлить тамъ: — вседѣтельная, всепредупреждающая, и всѣхъ воззывающая; — а отзывающихся на ея вызовъ конечно уже не замедляющая такъ предупредительно и запечатлѣвать своимъ Божественнымъ вседѣтельнымъ содѣйствіемъ. —

И такъ, такимъ образомъ *умъ внимательный*, говорю, осіявается уже вышеестественной, благодатною ясностью усмотрѣнія,—*во всей силѣ* всей силы неотразимой доказательности всѣхъ свидѣтельствъ вѣры; и такимъ образомъ отъселѣ уже разумъ — у насъ обязательный плѣнникъ истины и свѣта. По ограниченности слова человѣческаго—такъ принято выражать у насъ эту мысль, — что онъ уже — отселѣ рабъ свободы разумѣнія, и силы вѣденія; ибо здѣсь уже ему некуда уйти въ

самой совѣсти и простомъ здравомъ смыслѣ своемъ отъ силы свѣта.—

И вотъ отселѣ: — съ этой самой черты времени начинается уже совсѣмъ новое дѣло ума; отселѣ начинается у него уже все дѣло его въ вѣрѣ; все у него уже—съ присущей ему вѣрою у насъ отселѣ. — И съ этихъ поръ становится все просто, все ясно у него какъ день; съ этихъ поръ все свѣтлое его, свободное, живое, все оживаетъ въ немъ у насъ во свѣтѣ вѣры.—Ибо послѣ этого—уже, не отрекаясь только отъ вѣры въ разумѣ; и отъ всего, что только есть у насъ въ разумѣ вѣры —-нельзя намъ въ ней не покориться Христу Богу—и не вступить *по волѣ его* въ его святую церковь...

А въ церкви его —я уже его отцемъ своимъ имѣю въ ней, и ее матерью своей,—(по немъ и въ немъ и въ силѣ имени его). Ибо онъ самъ и отдаетъ меня вѣрующаго Ему—ей на руки,—по Божески божественно вручая ей меня;—ибо онъ въ нѣдрахъ ея собственныхъ и заключаетъ меня какъ въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ;—въ нѣдрахъ ея и усвояя меня себѣ;—въ ея нѣдрахъ и преподавая мнѣ и все свое, ея,—мое живое.—Ей поручая:—и ввести меня вѣрующаго въ завѣтъ мой съ нимъ; и упасти меня въ немъ,—(соблюсти и выносить меня завѣтно вѣрно въ себѣ самой)—въ этомъ завѣтѣ моемъ съ Нимъ, съ Нимъ въ крови своей установившимъ съ ней—завѣтъ свой вѣчный и живой.

И такъ, отселѣ, т. е. въ ней, нельзя уже мнѣ не стать стоять на всемъ пространствѣ широты и силы самаго общенія съ Нимъ самимъ, ея собственнаго у нее общенія съ Нимъ, — мнѣ ставшему ужъ общникомъ всего ея у нея, и такъ сообщникомъ съ ней въ Немъ самомъ, причастникомъ Его, причастнымъ Божества Его, въ Его и тѣлѣ, въ Его и духѣ въ ней, — единой общницы Его;—единой Ей причастной сущей богообщенія на землѣ; — мнѣ ставшему уже—такимъ живымъ и истымъ участникомъ ея въ этомъ: по волѣ Его, потребовавшаго съ меня этого чрезъ

нее безусловно, и давшаго мнѣ это въ ней безпрекословно, — безвозвратно. —

И такъ, я отселѣ уже, послѣ вступленія моего такимъ образомъ въ завѣтъ съ Нимъ въ ней, (или другими словами, по завѣтномъ вступленіи моемъ въ нея, — чрезъ этотъ у нее завѣтъ мой съ Нимъ) — я уже какъ сынъ Божій по благодати данной церкви, и какъ сынъ церкви — какъ истый ее членъ живой, по этой благодати Божіей у меня ее, т. е. моей у меня въ ней, (данной мнѣ Богомъ въ ней и черезъ нее) — я посему ужъ отрекусь отъ вѣры послѣ этого — съ другой стороны, — если я послѣ этого ужъ не признаю, не буду твердо убѣжденъ, не буду знать навѣрное: того, что съ этихъ поръ я уже не одинъ, а я и Богъ мой у меня со мной, — живущій и присно-дѣйствующій во мнѣ отселѣ, какъ въ живомъ членѣ церкви Его; Его — святой главы — живаго тѣла, — что съ этихъ поръ я уже храмъ живой Его святаго духа; я дѣлатель Христовъ, и ученикъ Его, водимый Его духомъ; что я Его свидѣтель на землѣ, — живой свидѣтель истины — въ церкви его, — сущей единой истой свидѣтельницы истины и Христа Бога въ мірѣ. (Такъ какъ дѣло истины въ человѣчествѣ и отдано Имъ на руки ея, какъ единой присной Его сущей, — сущей Его *единою* божественною долей на землѣ; такъ что она и есть по этому единая, истая сокровищница истины его въ мірѣ). —

Что собственно, — все это вмѣстѣ взятое, и есть и составляетъ то, что въ духѣ церкви: *я Христіанинъ* ужс дѣйствительно и въ самомъ дѣлѣ; если я не отрекусь отъ нея: отъ церкви Христа Бога моего, — и такъ и отъ Него самого въ ней; и не буду такимъ образомъ отверженъ Имъ за то, черезъ самое уже изверженіе изъ нея, черезъ отлученіе отъ нея самой; — но отлучающей лишь только — отверженными ставшихъ уже по самой силѣ вещей; т. е. которые уже стали отверженными, отрекаясь сами отъ нея, и это именно отказываясь отъ своего общенія съ ней — (или принадлежанія къ ней, разрывая всѣ свои

узы съ ней: *выходя у нея изъ послушанія), оставленіемъ* чего либо завѣтнаго ея — и заповѣданнаго ей, и въ ней, и ею. — Оставленіемъ ли самаго завѣтнаго ея; того что у нея и впереди всего ее завѣтнаго: оставленіемъ ли, т. е. завѣтнаго и цѣложизненнаго дѣланія ея, — приснопоученія въ ученіяхъ отцовъ, со всякимъ прибѣганіемъ къ нимъ всячески, совсѣмъ и завсѣмъ; къ самимъ, говорю Святымъ Отцамъ церкви, присно живымъ и истымъ руководителямъ ея въ ея духѣ; ибо вся церковь прибѣгаетъ къ нимъ такимъ образомъ; — во первыхъ, какъ къ запечатлѣннымъ въ вѣрности ихъ Святому Духу: — самимъ *«вѣрнымъ истиннымъ свидѣтелемъ»* святыни ихъ, Имъ Самимъ въ нихъ и прославляемый; — а во вторыхъ, и какъ къ опытно извѣдавшимъ на дѣлѣ — все примѣненіе всего въ жизни къ дѣлу свѣта истины; и въ 3-хъ, какъ къ всегда готовымъ намъ на помощь, — и даннымъ намъ на это Богомъ самимъ, какъ Богомъ любви и любителемъ любви паче всего; — возлюбившимъ ущедрить насъ, не только лишь спасеніемъ въ жертву коего принесъ *онъ самъ* самаго себя. — Но и паче всего любящимъ ущедрять насъ изяществомъ спасенія человѣка еще и черезъ человѣка. А все спасеніе наше въ томъ, чтобы усвоить намъ Святаго Духа — Духа истины; войти въ разумъ истины, — въ разумѣніе отцевъ церкви; — по сему то у насъ въ духѣ церкви и обязательно прежде всего завѣтно вѣрно, и понимать священное писаніе не иначе, какъ согласно съ ученіемъ Святыхъ Отцевъ; и полагаться въ жизни на надежность ихъ руководства въ путяхъ Духа Божія; и на поддержку въ этомъ ихъ содѣйствія, и ихъ молитвъ; съ самой Царицей Ангеловъ и со всѣми Ангельскими чинами, служащими спасенію нашему — у Бога нашего Спасителя. Такъ что въ этой высотѣ союза всеобщенія въ церкви, — все у насъ «Молитвами Святыхъ Отецъ», и все не безъ участія, не безъ совѣта и благословенія отеческаго въ церкви; и это есть *самое завѣтное ее* у церкви, — дорожащей у себя этимъ союзомъ всеобщенія своего, — какъ всѣмъ своимъ

богатствомъ; всей силою и славою своею; — какъ силою и самаго единенія своего съ Богомъ самимъ. — Ибо Онъ самъ и есть строитель этой силы нераздѣльности ея, — Самъ и подающій намъ въ этой силѣ — и силу самаго, говорю, единенія съ Нимъ Самимъ; въ ней, въ этой силѣ, и вѣнчающій насъ силою и самаго Духа своего, какъ непоколебимо огражденныхъ насъ въ ней—всей силою незаблудности въ истинѣ, и самой твердостію хожденія въ путяхъ истины, и цѣлымъ вѣрнымъ *сохраненіемъ* благодати Духа истины.—

Такъ что невѣрность и измѣна истинѣ и духу истины для насъ отселѣ уже возможны только—завѣдомо и прямо, какъ явное и зазнамое отступленіе отъ путей церкви: чрезъ самое выхожденіе — изъ этого цѣложизненнаго всеобщенія съ ней, или принадлежанія и послушанія ей: черезъ оставленіе все составляющаго въ духѣ вѣры содержанія исповѣданія церкви,— вѣрно; — (черезъ оставленіе сего: содержаніемъ — чего либо несогласнаго съ исповѣданіемъ церкви,—или несодержаніемъ ея исповѣданія какъ должно: честно, — твердо, — искренно, и ни на что не взирая, и необинуясь лица человѣческаго, по волѣ Бога — рѣкшаго «кто постыдится меня передъ людьми, того постыжусь и я передъ отцемъ моимъ»).

Но какъ невѣрность Духу Святому у сына церкви говорю и возможна только съ отступленіемъ отъ путей церкви; такъ по сему не выходя только изъ послушанія церкви, только не оставляя ничего завѣтнаго ея;—завѣтно вѣрно сохраняя только все заповѣдуемое ей — сынъ церкви — Богомъ самимъ (самимъ Духомъ Святымъ, какъ истымъ духомъ церкви) уже подъемлется и возносится до силы самого богообщенія въ церкви. Въ славѣ только котораго (одного самого богообщенія только) уже и все естественное доброе его — у человѣка оживлено, исцѣлено, просвѣтлено—уже вышеестественною силой доброты добра Божественнаго въ вышеестественной здѣсь срастворенности естества его человѣческаго съ естествомъ Боже-

скимъ во Христѣ Іисусѣ въ церкви; въ силѣ самаго богообщенія сего.—И самъ онъ такимъ образомъ уже возглавленъ здѣсь Богомъ;—всѣ усилія коего и устремлены къ тому, чтобы вознести его въ силѣ богообщенія, до обоженія его въ Божественномъ блаженствѣ *Богознанія*;—единымъ возглавляющимъ все въ разумѣ разумныхъ; и это дѣйствуется Богомъ въ сынѣ церкви безпрепятственно, неудержимо; ибо въ вѣрности нашей церкви все подъемлетъ *и возставляетъ* насъ съ нашей стороны на угожденіе Богу (на сообразность нашу съ нимъ, или на слѣдованіе за Нимъ); и все всесильно насъ вооружаетъ въ церкви,—всѣми силами и средствами церкви,—но это угожденіе Ему;—а наконецъ и подаетъ намъ, какъ завершеніе всего—*благословеніе угодности* Ему—всего у насъ, и насъ ему; все у насъ пріятнымъ Ему дѣлая; и совершая въ насъ или у насъ Богоугодность нашу, въ этой именно возглавленности всего человѣческаго нашего при этомъ—всѣмъ Божескимъ Его у насъ, насъ и освѣщающимъ существенно — всѣмъ истымъ свѣтомъ Богознанія.—

Такъ что въ этой такой только завѣтной вѣрности нашей церкви—и можно угодить намъ Богу; ибо все и доброе человѣческое у человѣка, говорю, только пройдя такимъ образомъ чрезъ это горнило всеустремленія силъ его на самое богоугожденіе (что и совершается у него въ вѣрности его церкви), только такимъ образомъ является уже говорю у него — и все человѣческое доброе его у человѣка — все чистымъ, истиннымъ, по Божьи—Божескимъ *дѣйствительнымъ* добромъ. А внѣ сего, безъ этого,—внѣ церкви,—и все его доброе у человѣка не пріемлется отъ Бога, какъ оскверненное дѣйствительно,—и не добро—во истину безъ этого, и отметается оно по этому тогда у человѣка Богомъ, и вмѣстѣ съ нимъ самимъ; вмѣстѣ и съ самимъ человѣкомъ — отверженнымъ тогда отъ Бога, внѣ сего—внѣ церкви. —

Ибо внѣ сего, безъ этой вѣрности нашей церкви; у насъ

отступающихъ отъ нее, — оставляющихъ повиновенie ей, и такъ и разрывающихъ союзъ своего неразрывнаго всеобщенiя съ ней: это уже соединено у насъ неразрывно съ тѣмъ, — что мы при этомъ неизбѣжно уже наступаемъ на благодать Святаго Духа данную намъ въ церкви, и попираемъ все свое святое у себя; все, чѣмъ мы были запечатлѣны въ день оный.

И тогда не быть уже намъ тамъ конечно, послѣ этого,—то есть не быть уже намъ при этомъ такими отнюдь—никакъ,—какими язычники могутъ быть;—намъ запечатлѣннымъ таинствомъ крещенiя, — и у наслѣдовавшимъ по сему страшную отверженность отъ Бога черезъ измѣну нашу церкви Его.

И вотъ удѣлъ предопредѣленный тѣмъ просвѣщеннымъ квази вѣрующимъ нашимъ,—которые у насъ мирствуя съ духомъ просвѣщенiя своего,—и оставаясь въ немъ безъ строго-серьезной и рѣшительной раздѣлки съ нимъ — на столько отступаютъ отъ церкви, что съ оставленiемъ и самаго завѣтнаго ея (*), (т. е. того, чѣмъ ограждается она и въ цѣлости единства своего, и въ единенiи ее съ Богомъ въ Духѣ Божьемъ), они не знаютъ даже и того, какая страшная отверженность отъ Бога унаслѣдована ими черезъ это; *такъ что продолжаютъ даже*— считать себя и христiанами при этомъ.

И вотъ что — въ даръ свой высшiй вѣку и современному человѣку приноситъ духъ этого современнаго свѣта просвѣщенiя нашего (въ страшной силѣ, царствующей у насъ въ немъ безъ разборчивости въ истинѣ и безучастности къ дѣлу свѣта своего), — какъ самый ужъ рѣшительный ударъ, какой только и можетъ нанести существу разумному, возобладавшая въ немъ тьма,—во всеустремленiи всего зла ея, — (какъ самаго злаго зла для разума: ибо таковы для него всегда дѣйствiя и силы тьмы). — И велико-ли утѣшенiе послѣ этого,—

(*) Т. е. и приснопоученiя въ ученiяхъ отцевъ церкви, и послушанiя церкви, и содержанiя исповѣданiя церкви честно вѣрно.

при этомъ въ томъ одномъ, что наши квази вѣрующіе Богу — въ духѣ современнаго просвѣщенія своего и вообразить себѣ не могутъ, до какой степени невозможно стоять въ насущномъ свѣтѣ просвѣщенія нашего безъ оставленія Бога!..

И что за выгода,—какая польза намъ, говорю, обманывать себя до такой степени, — чтобы продолжать считать себя и христіанами при этомъ: когда до такой степени немыслимо и совершенно невозможно христіанство—въ лжесвѣтѣ просвѣщенія нашего,—что даже самая отверженность отъ Бога неизбѣжна у насъ въ духѣ этого просвѣщенія — безстрашно — строго—окончательной и рѣшительной раздѣлки нашей съ нимъ; такъ и настолько уже мы во свѣтѣ этого просвѣщенія своего и сердцемъ и умомъ совсѣмъ не соотвѣтственны всему тому, что только есть христіанскаго въ христіанствѣ. —

Ибо взгляните же на дѣло трезво — просто, прямо какъ оно есть въ самомъ дѣлѣ: — Ибо какъ мы сейчасъ сказали, въ духѣ христіанства — все дѣло въ возглавленіи естества человѣческаго—естествомъ Божескимъ; а въ духѣ просвѣщенія у насъ на оборотъ все дѣло во всеустремленіи всѣхъ силъ его на поставленіи именно: нашего собственнаго естественнаго свѣта у насъ за свѣтъ пашъ (подкрашенный у насъ въ духѣ просвѣщенія всеотрицающею тьмой этого лжесвѣта); и на приведеніе насъ къ нахожденію добра въ нашемъ собственномъ естественномъ добрѣ,—(поддобренномъ лукавствомъ всей его поддѣлки въ квази гуманной этой натяжкѣ страсти въ чинъ добра, составляющаго изнанку всей человѣчности вывороченной такимъ образомъ въ семъ духѣ нашего лжесвѣта: ибо въ потьмахъ его у насъ, естественный просторъ всей фальши).

А потому настолько же, насколько и самая обезглавленность естества отъ всѣхъ остатковъ у него и его естественнаго свѣта, и отъ простыхъ естественныхъ въ немъ добрыхъ качествъ всѣхъ омраченныхъ тьмой лжесвѣта; на сколько позоръ этой обезглавленности, говорю, близокъ или согласенъ съ

силой славы всей возглавленности естества всею вышеественною благодатной силою; на столько же есть и возможность духу просвѣщенія совмѣщаться у насъ съ духомъ христіанскимъ. —

Или, — не потому-ли ужъ наши просвѣщенные квази вѣрующіе у насъ приписываютъ себѣ имя христіанское, что они обыкновенно такъ восторгаются у насъ высокимъ духомъ христіанства.

Но чей же это духъ однакожъ — такой высокій, такой высоконравственный по вашему, хотѣлъ бы я спросить у этихъ просвѣщенныхъ квази вѣрующихъ нашихъ. Не духъ-ли это лично именно того самаго Христа, — такого обманьщика по вашему, — что вы ему говорящему и рѣшительно опредѣленно, и тогда какъ онъ даетъ и свое собственное объясненіе на все, что говоритъ онъ намъ; — вы ему на слово и вѣрить не хотите, такъ что изъ всего сказаннаго имъ, вы по своемыслію своему, господствующему у васъ въ духѣ просвѣщенія вашего, вы, говорю, изъ всѣхъ догматовъ извѣщенныхъ отъ Христа церкви Его, вы соглашаетесь принять, т. е. признать за истину только то, что не не согласно у васъ и съ вашимъ собственнымъ усмотрѣніемъ; а вѣрить тому, что не согласно съ онымъ, вы не находите и нужды.

Но вѣдь вы этимъ самымъ уже доказываете во 1-хъ, что и все то, что вы и принимаете изъ открываемаго намъ Христомъ, вы, значитъ, принимаете не по довѣрію къ Самому свидѣтелю сего и къ откровенію Его; а уже самымъ непринятіемъ, — чего-бы-то ни было изъ объявляемаго Имъ, вы ужъ доказываете прямо, что вы и прямо признаете Его лживымъ.

И такъ-ли вы находите высокимъ, этотъ высокій христіанскій духъ; что пути этого духа, — проложенные лично Имъ самимъ; и Самимъ Христомъ лично, — (въ цѣломъ устроеніи имъ церкви Его, *въ силѣ этого Самаго Духа Своего*, вданнаго ей во всецѣлое ее живое руководство), вы осмѣяли до того, — что

вамъ во свѣтѣ просвѣщенія вашего — смѣшно и думать подклонить голову вашу всецѣлому водительству святому церкви; — водительство которой для христіанъ есть — торжественно-неприкосновенный свѣтъ жизни, — какъ свѣтъ водительства самаго духа Христова. А вамъ посягнуть на вѣрность церкви въ послушаніи ей (хотя безъ этого отверженные вы безъ всякаго сомнѣнія), — вы понимаете, что вамъ это есть отдать себя на посмѣяніе всѣмъ — подобно вамъ вѣрующимъ согласно съ духомъ просвѣщенія современнаго.

И потому всѣмъ вѣрующимъ такимъ образомъ, т. е. всѣмъ дерзающимъ соединять честное имя вѣры и христіанства съ своимъ именемъ, мирствуя при этомъ и съ духомъ просвѣщенія современнаго, не можемъ же мы не сказать при этомъ или на это: «что́ вамъ и намъ», или «что вы храмлите на обѣ плесни ваши», или что вы какъ тотъ народъ у котораго торговать совѣстью — обычаемъ его стало, хотите какъ и онъ что называется: *и нашимъ и вашимъ* въ одно и тоже время. Ибо когда Ваалъ вашъ Богъ, т. е. когда духъ просвѣщенія вашего у васъ вашъ свѣтъ насущный, и вѣрите вы въ правду этого лжесвѣта, — то что же вы какъ не читающіе только Бюхнеровъ, Ренановъ, Фейербаховъ и Молешотовъ со всѣмъ кагаломъ ихъ, — что же вы воюете на всѣхъ держащихся кагала этого, (но главное конечно на все то, что смахиваетъ только на неприличную наружность покойнаго нигилизма нашего, а чуть гдѣ надпись вывѣска, наружность, попристойнѣе, тамъ содержанію милостивый манифестъ и полная амнистія у васъ конечно, хоть будь оно и во все красное насквозь,) и что же вы себѣ приписываете и несогласіе съ симъ кагаломъ, и имя христіанское, говорю я, — когда во первыхъ вы, не поучаясь присно — жизненно въ ученіяхъ Отцевъ церкви — вы въ тоже время до конца ногтей пропитываетесь между тѣмъ и проникаетесь всѣмъ тѣмъ, — чѣмъ вы зачитываетесь въ духѣ просвѣщенія вашего? А въ словѣ — жизнь и смерть, — слово вводительно вѣдь духа;

самаго духа проводникъ есть слово по роду своему—(т. е. духа сообразнаго самому слову). Повѣрьте же, что вамъ со сценою, съ романомъ, и со всѣми аксесуарами лжесвѣта просвѣщенія—на что Ренаны вамъ;—повѣрьте-же,—что всѣ плоды трудовъ того кагала—вы именно и пожинаете,—что тамъ на васъ то и работаютъ; вы цѣль,—мѣта *его* трудовъ;—вы поощреніе ихъ; плоды *его* трудовъ—въ успѣхахъ *вашей* развитости въ духѣ просвѣщенія:—вы вслушайтесь чѣмъ утѣшается кагалъ ихъ? Тамъ говорятъ: что догматовъ науки ихъ, (что самой то работы зачумленной науки отрицанія ихъ) — пожалуй и незнайте; имъ и не надо этого;—ибо духъ, самый духъ отрицанія этого—предупредительно разносится всевсѣтной, популяризирующей все литературой всей,—всѣ элементы отрицанія этого—вносящей у вѣка въ жизнь сердца и ума его.—И такъ, когда вы до конца ногтей,—во всемъ что васъ одушевляетъ въ духѣ просвѣщенія вашего,— уже проникнуты, на сквозь пронизывающею васъ, до nec plus ultra экзальтированной и рафинированной страстью вашей цивилизованной, съ которой имѣть дѣло по сему,—какъ просто съ искушеніемъ прямо, такъ чуждо уже вамъ стало, что все ваше существо у васъ на оборотъ преисполнено, какъ самымъ свѣтомъ просвѣщенія, какъ силой самой развитости вашей въ немъ, цѣлой полнотой сочувствія къ ней, (къ этой цивилизованной страсти вашей), какъ къ цѣлой красотѣ изящества души у васъ: и когда вы вѣруя при этомъ въ правду цивилизаціи своей, отрицающей правду рѣшительной обязательности для вѣрныхъ Христу содержанія исповѣданія церкви православно вѣрно—(во всей полнотѣ и цѣлости его), вы оставляете поэтому уже—и неприкосновенное исполненіе даже прямыхъ предписаній церкви;—за что какъ прямо противящіеся ей—вы подвергаетесь уже и самому изверженію изъ нея:—И такъ посему: съ этимъ духомъ просвѣщенія и въ сердце и въ умѣ; и съ печатью отверженія на всей жизни внутренней и внѣшней (ибо какъ во всѣхъ качествахъ и свойствахъ,

такъ и на всѣхъ дѣйствіяхъ, людей невѣрныхъ церкви — печать отверженности ихъ печатлѣется у нихъ неотразимо); — но вмѣстѣ съ этимъ и воюя будто-бы противу отрицанія и соединяя съ своимъ именемъ имя Христіанское: — поймите же, я повторяю, что вы этимъ только оправдываете, какъ сказано было выше неправду противъ вѣры—всѣхъ противниковъ истины;—ибо они указываютъ при этомъ на ерунду въ понятіахъ вашихъ: (въ этомъ естественномъ у васъ соединеніи всѣхъ возможныхъ противорѣчій вмѣстѣ, въ вашей просвѣщенной вѣрѣ) какъ на вину самой вѣры, и какъ на свѣтъ ее самой у васъ, — какъ у вѣрующихъ по увѣренію вашему! А на всю несообразность у васъ всего вашего идеала жизни съ духомъ христіанскимъ, что и естественно въ этомъ сознательномъ—какъ свѣтъ жизни у васъ сочувствіемъ вашимъ духу цивилизаціи (сердечномъ и задушевномъ у васъ — до обожанія комфорта и страстей, — что и есть насущность духа этого лжесвѣта вашего): они указываютъ (уже на это жизненное противорѣчіе самимъ себѣ у васъ) — какъ на дары христіанства вамъ, — именующимъ себя христіанами.

Ибо и не одинъ несчастный Бокль поучался на вѣрѣ матери своей — несостоятельности вѣры христіанской, (не въ оправданіе его, конечно, и всѣхъ ему подобныхъ говорю я это, ибо будь только чуть побольше честности, вниманія къ истинѣ, нашлось бы гдѣ найти познаніе вѣры; — но соблазнъ все-таки остается соблазномъ, и сила вещей все-таки стоитъ во всей своей силѣ, въ силѣ великаго значенія свидѣтельствъ личныхъ).—

И такъ, вотъ каково значеніе и назначеніе вѣры вашей; такъ какъ на это только и можетъ послужить имя вѣры вашей у васъ во свѣтѣ просвѣщенія вашего, какъ говоримъ мы, постоянно въ рукахъ его активной силы. —

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мнѣ кажется, что послѣ всего сказаннаго нами, когда такимъ образомъ у насъ поставлено уже на видъ—и дѣло тьмы, и сила свѣта;—мнѣ кажется, что послѣ этого, теперь уже и безъ дальнихъ объясненій — само собой понятно и прямо видимо становится, — какъ и какимъ именно образомъ — силою славнаго стоянія въ свободѣ разума—(на что и указано было нами, какъ на ту единственную силу, которая одна только и можетъ быть достаточна у насъ на разореніе дѣла тьмы и которая, — какъ тоже видѣли мы выше и есть первый плодъ у насъ, или первый даръ намъ вѣрности нашей церкви), какъ этой силою, — какъ ею это и совершается у насъ всесильно и всецѣло и вполнѣ — все дѣло, всей раздѣлки нашей со всей наличной силой —этого состоявшагося и утвердившагося у насъ въ духѣ просвѣщенія наличнаго факта самой дѣйствительности тьмы у насъ на дѣлѣ жизни современной. Прямо видимо, говорю, становится, какъ именно, и разбивается вся сила, и раззоряется все дѣло, и разсѣвается вся состоятельность этого темнаго факта у насъ подъ силою вседѣйственной свободы разума; *этой свободы разума*, — здѣсь у насъ, (въ силѣ вѣрности нашей церкви) — и состоятель-

ной, и побѣдоносной здѣсь въ дѣйствіяхъ своихъ у насъ: какъ вооруженной у насъ силою Божіей въ церкви.—Ибо по дѣлу—именно самой свободы разума и побораетъ Богъ всесильно, какъ улучающій у насъ въ ней всю свободу своихъ дѣйствій въ насъ, — и какъ всѣми силами хотящій намъ именно — всѣхъ безконечныхъ и божественныхъ плодовъ, даровъ и силъ свободы; (свободы, — и уподобляющей насъ Богу; — и дѣлающей насъ общниками Божескаго свойства, — какъ бы участниками въ Божествѣ Его.) —

Теперь я говорю уже само собой становится понятно, что столько же— на сколько и до какой степени въ потемкахъ нашихъ въ духѣ современнаго просвѣщенія (если мы только остаемся въ немъ мирно и безъ этой рѣшительной раздѣлки съ нимъ) – формально невозможны для насъ въ немъ—ни вѣденіе, ни разумѣніе;—ни добросовѣстность, ни здравый смыслъ,—ни Христіанство; — что столько же и также рѣшительно на оборотъ — и мѣста уже не остается у насъ болѣе для самой этой мрачной невозможности добра и свѣта у насъ, — въ силѣ всесильной, и совершенно освобождающей насъ отъ нее — вѣрности нашей церкви; т. е. понятно, что такой уже вполнѣ рѣшительной и совершенной—очевидно является у насъ здѣсь, говорю — въ этой жизненной свободѣ ума нашего въ вѣрности нашей церкви; (въ этомъ единомъ мѣстѣ свободы разума въ мірѣ);—такою окончательной уже является у насъ здѣсь—эта раздѣлка наша съ тьмой лжесвѣта, господствующей внѣ царства вѣрныхъ церкви такъ опустошительно неодолимо неизбѣжно (какъ мы видѣли).

И потому мы только въ нѣсколькихъ словахъ и оставляя самые подробности этого дѣла, (какъ становящеяся здѣсь у насъ уже наглядно видимыми, говорю) на разсмотрѣніе самихъ читателей, мы только остановимся здѣсь на общихъ, но руководственныхъ однакожъ указаніяхъ того, какъ съ одной стороны освобождается у насъ изъ рабства тьмы (въ которой погру-

женъ умъ вѣка въ лжесвѣтѣ просвѣщенія), и возстаетъ въ свободѣ силъ своихъ умъ вѣрный—церкви, пробуждаемой и возставляемой къ употребленію всѣхъ силъ своихъ на дѣло жизни — неодолимой силой Бога своего, поднимающаго всѣ силы ума вѣрнаго Ему въ Его воинствующей церкви, на брань со всей мертвящей его силой тьмы.

И какъ съ другой стороны — бранный умъ вѣрныхъ церкви,—уже въ свободѣ силъ этого возстанія своего — противъ всей силы тьмы и раззоряетъ наконецъ неодолимо-сокрушительно—и самое—все злое дѣло этой насущной современной тьмы, такъ опустошительно владычно творящей всю состоятельную «мерзость запустенія» у насъ во свѣтѣ просвѣщенія.

И раззоряетъ въ ней всесокрушительно—ужъ самой силой своей свободы бранной,—какъ вооруженной у него въ церкви, споборающей ею свободѣ — силой Божіей; ею же онъ и отъ сна рабства своего пробужденъ и на самую жизнь своей свободы бранной;—ею же и все противуборное его свободѣ истребляется передъ лицемъ его возстанія браннаго — ужъ невозбранно безпрепятственно, какъ тьма передъ лицемъ свѣта.—

Ибо сонъ ума и есть родитель его рабства; — сонъ ума есть царство тьмы непроходимой.

И только поднятость и собранность — всѣхъ пробужденныхъ силъ ума и есть царство свѣта и свободы разума — но царство свѣта незаходимаго зато, и свободы непреодолимой уже въ недремленныхъ умахъ.

А въ духѣ просвѣщенія мы видѣли и разсматривали уже,—какъ усыпляется въ немъ умъ нашъ у насъ и всею силой безразборчивости въ дѣлѣ свѣта (въ дѣлѣ истины); и всею невозможностію для насъ въ немъ, въ его лжесвѣтѣ,—и силы убѣжденія, и вѣденія истины,—(и немыслимыхъ въ духѣ просвѣщенія нашего, какъ исхудожествовавшаго невозможность вѣры для имѣющихъ его за свѣтъ свой); и всею оправданностію наконецъ въ духѣ этого лжесвѣта — не только тьмы невѣдѣ-

нія,—какъ неизбѣжной въ немъ, но и самой безпорядочности естества разумнаго, какъ принимаемой и признаваемой наконецъ въ этихъ потемкахъ нашихъ уже какъ бы и за естественное дѣло только.

Такъ что умъ вѣка,—блаженно умирясь со зломъ и съ заблужденіемъ, — уже почилъ у насъ спокойно, мирно, такимъ образомъ на лаврахъ свѣта просвѣщенія своего — въ юродивомъ невѣдѣніи того, что это именно и есть цѣлая вся сила его рабства у него;—какъ мы уже, я говорю, разсматривали и указали это прежде. —

Тогда какъ на оборотъ церковь Бога нашего немолчными устами и одного только присутствія своего на землѣ, уже не оставляетъ никакой возможности,—уму только что не вовсе безсовѣстному—не пробудиться и не подняться жизненно—на жизненно серьезную строго разборчивость въ дѣлѣ свѣта, въ дѣлѣ истины; ибо и однимъ только присутствіемъ ея на землѣ— мы уже поставлены между такими не на жизнь а на смерть противорѣчащими другъ другу свѣтами, — какъ этотъ свѣтъ духа современнаго просвѣщенія нашего, — и свѣтъ ученія церкви,—которыя такъ и настолько противуположны между собой, и такъ взаимно отрицаютъ другъ друга, что если только ужъ свѣтъ одного изъ этихъ свѣтовъ — не тьма, а свѣтъ дѣйствительный,—то свѣтъ другого свѣта послѣ этого, ужъ есть опредѣленно-отъявленный подлогъ формальнаго обмана. —

А дѣло, обмана или правды одного изъ этихъ свѣтовъ, — это дѣло не чего либо посторонняго для каждаго изъ насъ; но наше собственное дѣло до того, что это есть у насъ — прямое цѣлое рѣшеніе судьбы всей жизни нашей: быть-ли ей жизнію свѣта и добра, или жизнію подлости и тьмы, — какъ это видѣли и указали уже мы прежде и какъ ужъ это раскроется у насъ вполнѣ теперь. — Вотъ какъ и съ какой силою — церковь будитъ вниманіе ума не безсовѣстнаго, и въ силѣ только самого присутствія своего на землѣ.

Но мы, оставляя это назади уже, мы говоримъ теперь о томъ, — гдѣ есть уже у насъ и самая раздѣлка съ тьмой лжесвѣта въ умѣ вѣрномъ церкви; что и есть, какъ мы видѣли прежде,—въ умѣ, который добросовѣстностію своего вниманія уже поставленъ въ неизбѣжность вѣры.—

А въ силѣ вѣры — свѣтъ откровенія Божія озаряетъ умъ вѣрной церкви—уже всею силою разумѣнія всѣхъ опасностей грозящихъ естеству разумному—отъ всего, что внутрь и внѣ его въ тьмѣ заблужденій и въ безпорядкахъ естества враждебно окружаетъ, тѣснитъ и безъ всесильнаго и цѣложизненнаго его отпора—и отнимаетъ у него—его свободу, свѣтъ и жизнь—и Бога жизни, т. е. и раззоряетъ у него безъ этого противуборства его,—его завѣтную связь съ Богомъ;—какъ зенницу ока хранящимъ у него свободу, жизнь и свѣтъ разумности его. Такъ что для умовъ внимательныхъ, т. е. вѣрныхъ церкви во свѣтѣ откровенія — уже вполнѣ изобличенъ такимъ образомъ подлогъ всей свѣтлости и правды этого лжесвѣта, усыпляющаго умъ вѣка; и вполнѣ понятно все значеніе темнаго успокоенія ума—въ этомъ мірствованіи его со зломъ и заблужденіемъ въ духѣ вѣка; т. е. для нихъ, для трезво-внимательныхъ умовъ — понятно очевидно уже, я говорю, что такой постыдный, подлый міръ ума—формально есть у насъ прямое отреченіе наше ото всего завѣтнаго святаго и ото всего естественнаго намъ родного.

Ибо въ истинѣ церкви—какъ во свѣтѣ вполнѣ явленной намъ въ ней воли Божіей,—какъ въ полномъ свѣтѣ откровенія Его:—очевидно уже для насъ во первыхъ, что допускать намъ какой либо мракъ заблужденія и отрицанія истины — есть уже прямо признавать намъ за лгуна и обманщика—самого Христа своего — какъ нашего *свидѣтеля истины* въ церкви.

Вотъ какое явное и крайнее зло у насъ *для насъ въ церкви*—тьма отрицанія и заблужденія въ истинѣ.

А во вторыхъ, зло всякой безпорядочности естества (всей уличенной въ силѣ свѣта высокой заповѣди Бога нашего въ церкви) есть уже у насъ очевидное для насъ въ церкви—прямо, *личное оскорбленіе наносимое нами Богу:* личное во первыхъ потому, что Богъ Господь нашъ — до такой степени не терпитъ зла (а это и есть всего, что только есть противнаго заповѣди Его въ безпорядочности нашего естества, такъ онъ не терпитъ зла, что онъ и поднялъ крестъ свой именно для освобожденія насъ отъ онаго; а во вторыхъ, Онъ до такой степени и такъ горячо любитъ насъ, что мы ему дороже жизни,—какъ доказалъ онъ это смертію своей за насъ: — а нашимъ зломъ мы отнимаемъ у Него себя совсѣмъ, (ибо оно у насъ совсѣмъ насъ раздѣляетъ съ Богомъ нашимъ).—А въ третьихъ, наконецъ, мы въ церкви совершенно сознательно—Его, а не свои уже; такъ какъ въ усвоеніи цѣлой вѣрою того, что мы Имъ куплены цѣною Его крови—и состоялся у насъ съ нимъ свободный нашъ завѣтъ — нашего завѣтнаго свободнаго преданія себя Ему, въ чемъ именно и состоитъ Новый Завѣтъ нашъ съ Богомъ, какъ цѣлое опредѣленіе всего значенія христіанства, прямо опредѣляемаго этимъ принадлежаніемъ нашимъ Христу Богу нашему—завѣтно вѣрно въ цѣлой полнотѣ усвоенія насъ Имъ въ свои себѣ.

Вотъ каково для насъ значеніе зла, — всей безпорядочности естества, злой безпорядочности этой, вполнѣ изобличенной у насъ во свѣтѣ заповѣданій и прещеній Божіихъ, — какъ вполнѣ открывшихъ и показавшихъ намъ ее вполнѣ противной у насъ законамъ естества,—стѣснительной и раззорительной для нихъ у насъ; противной требованіямъ свободы нашей въ нихъ,—какъ *такъ и настолько противной* Богу естества нашего, извѣстному церкви Хранителю и Зиждителю и Спасителю у насъ свободы естества разумнаго, стрегомаго и ограждаемаго Имъ во всѣхъ естественныхъ границахъ бытія Его—какъ въ самой силѣ бытія Его и жизни.

Но въ духѣ просвѣщенія нашего,—въ этой тьмѣ все смѣшивающей — до безразличія всего у насъ въ ней умъ вѣка, усыпляемой своимъ лжесвѣтомъ, зависимый отъ всѣхъ вліяній внѣшнихъ, лишенный истины—рабъ явной тьмы, — какъ связанный всѣмъ мракомъ заблужденія своего въ этомъ руководственномъ своемъ лжесвѣтѣ, — онъ уже безпрепятственно неодолимо и предается у насъ въ этой силѣ тьмы всей силѣ зла, какъ мы видѣли господствующаго въ духѣ вѣка — во свѣтѣ просвѣщенія его такимъ образомъ, какъ въ самомъ фактѣ цѣлой состоятельности этой тьмы у насъ. И потому мы остановимся теперь, какъ мы сказали съ другой стороны на томъ еще, какъ и какимъ именно образомъ уже — силою свободы *браннаго ума*—вѣрнаго церкви, какъ ополченнаго всей силой церкви—на брань со всѣмъ у насъ противнымъ естеству и Богу естества—все это дѣло тьмы, т. е. вся эта цѣлая состоятельность ее, состоящая въ господствѣ зла у насъ во свѣтѣ просвѣщенія,—вся рушится и разоряется неодолимо-сокрушительно—этой побѣдоносной силой свободы браннаго ума, какъ обладающаго на этой брани, всейдѣйственною помощію самого Бога (брани)—уже свободно дѣйствующаго и безпрепятственно побѣждающаго у насъ все противное Ему и намъ въ силѣ этой свободы бранныхъ умовъ вѣрныхъ Его воинствующей церкви, церкви и воинствующей въ этой брани за свою свободу,—какъ на его собственной брани: какъ на брани за заповѣдь Его и за Него Самого; а хотя и въ тоже время и за свободу естества человѣческаго у себя, — но какъ дорогаго и для Него Самого еще гораздо болѣе, чѣмъ и для насъ самихъ.

Но въ этомъ фактѣ состоятельности тьмы, т. е. въ господствѣ зла у насъ въ лжесветѣ просвѣщенія нашего—мы видѣли уже и разсмотрѣли прежде, что финалъ всего—и завершеніе всей этой состоятельности дѣла тьмы у насъ во свѣтѣ просвѣщенія; и какъ бы цѣлый весь итогъ—всѣхъ произведеній этой тьмы лжесвѣта—состоитъ въ знаменательной здѣсь обезглавлен-

ности естества разумнаго—отнятіемъ у него въ лжесвѣтѣ просвѣщенія его и всѣхъ остатковъ у него и естественнаго его свѣта и добра.

А такъ же видѣли мы—и что цѣлая задача, и вся цѣль активной силы этого лжесвѣта просвѣщенія современнаго —вы помните вся состоитъ у насъ въ томъ собственно, чтобы добиться ей цѣлаго раздолья произвола, и нестѣсненнаго ничѣмъ простора въ удовлетвореніи всѣмъ требованіямъ разстройства естества въ силѣ всей разнузданной безпорядочности его у насъ, какъ опредѣленно и названа у насъ эта цѣль всѣхъ ее стремленій «эмансипаціею самого естества—отъ всѣхъ законовъ естества разумнаго».—

Самый же планъ всѣхъ дѣйствій этой активной силы нашего лжесвѣта, планъ всѣхъ путей ее,—какими простирается она у насъ къ достиженію сей цѣли—вы помните, развернутъ передъ нами весь, въ раскрытомъ нами содержаніи эмансипаціи ума нашего,—со всѣмъ заключающимся у насъ въ ней союзомъ силъ сродныхъ тьмѣ,—т. е. и силы семени тли живущаго въ насъ и самой силы наличнаго statu-quo мысленнаго міра,—которые именно, какъ мы видѣли, и шлютъ свой вызовъ намъ въ раздѣлкѣ нашей съ самой дѣйствительностію тьмы, состоявшейся у насъ въ этой эмансипаціи ума нашего; мрачнымъ рабствомъ котораго—какъ истымъ содержаніемъ этой эмансипаціи его во свѣтѣ просвѣщенія, мы видѣли, и характеризуется у насъ—все состояніе духа времени.—

То по сему мы и посмотримъ теперь, что дѣлаетъ со всею этой силой состоятельности тьмы, опредѣлившейся у насъ въ такой чудовищности безобразія, — какъ это рабство ума, — разнузданность безчинства естества, и съ безголовицей его, во свѣтѣ просвѣщенія нашего; что совсѣмъ этимъ дѣлаетъ у насъ наша свобода браннаго ума вѣрнаго церкви.

И смотрите: противъ 1-й воюющей на его свободу и впереди всего идущей силы,—установившагося Statu-quo мыслен-

наго міра—(какъ выразился я, т. е. противъ силы такъ властнаго во тьмѣ безмнѣнія, насущно-утвердившагося, и общепризнаннаго порядка вещей царствующаго въ мысленномъ мірѣ, обезсмысленномъ въ его лжесвѣтѣ всей силой этого духа просвѣщенія его современнаго) противъ всей силы, говорю, этого statu-quo мысленнаго—умъ вѣрный церкви въ остро-зрительной своей свободѣ бранной—стоитъ у насъ какъ противъ страшно грозной силы міра вооруженный весь,—и не одною только неодолимою силою убѣжденія своего,—непоколебимаго у него—какъ твердыня его вѣры въ его здравомъ и правильномъ разумѣніи истины,—недоступнымъ по сему никакимъ шатаніямъ заблужденія и естественно, и по вышеестественной силѣ благодати покрывающей его во свѣтѣ вѣры.

Но кромѣ этого, еще такъ какъ, у насъ въ церкви, настолько-же на сколько мы сознаемъ себя христіянами, на сколько помнимъ слова самаго Бога сказавшаго: «всякаго, кто исповѣдаетъ Меня предъ человѣками и сынъ человѣческій исповѣдаетъ предъ Ангелами Божіими; а кто отвергнется Меня предъ человѣками, тотъ отверженъ будетъ предъ Ангелами Божіими;»—и на сколько мы въ церкви воспитаны на такой немыслимости для вѣрныхъ ей—и устами только, или хоть какимъ знакомъ внѣшнимъ, (кадило напримѣръ кумиру принести) на такой немыслимости для нихъ отрѣченія отъ исповѣданія вѣры,—что эта и немыслимость сего для нихъ явила міру—сонмы мучениковъ въ церкви;—и насколько наконецъ намъ извѣстно отъ самаго Апостола и прямо, что «устами исповѣдуется во спасеніе;»—на столько-же не можемъ мы не признавать обязательности для насъ исповѣданія вѣры церкви—какъ дѣла цѣлой вѣрности нашей:—т. е. на столько, говорю, неприкосновенно обязательно для насъ, во всемъ теченіи жизни нашей—и во всѣхъ нашихъ отношеніяхъ—содержаніе исповѣданія церкви вѣрно, не смотря ни на что, и не стыдясь

лица человѣческаго. — А такимъ образомъ, въ такой силѣ честной искренности исповѣданія своего, цѣлую простоту стоянія въ свободѣ разума и составляющей у насъ; въ свободѣ искренности, говорю, *честнаго неотступанія ни за что отъ своихъ убѣжденій* — умъ вѣрный церкви выводится уже на такое поприще борьбы со всей тьмою міра—Богомъ водителемъ бранныхъ умовъ его воинствующей церкви, что такимъ образомъ онъ въ рукахъ Божіихъ становится у насъ уже свѣтомъ міру—въ силѣ исповѣданія своего;—и всякій вѣрный сынъ церкви, такимъ образомъ, является у Бога живымъ свидѣтелемъ Его и истины Его въ мірѣ.

А и естественная сила живаго свидѣтельства истины неизобразима;—но въ благодатной силѣ Духа Божія дѣйствующаго у насъ въ семъ исповѣданіи нашемъ, — какъ въ дѣлѣ истой вѣрности нашей церкви и Богу церкви нашей,—сила нашего живаго свидѣтельства истины естественно и благодатно становится всесильною закваской свѣта въ мірѣ—для всѣхъ не безсовѣстныхъ умовъ, т. е. для всѣхъ не вполнѣ не внимательныхъ—къ дѣлу свѣта, къ дѣлу разума. —

Итакъ, вотъ какой богодѣйственной, живой, *общественной*,—тьмы сокрушительною силой—стоитъ—и дѣйствуетъ и въ этомъ дѣйствіи своемъ свобода—разума у вѣрныхъ церкви.

Но и впереди всего еще, съ тѣмъ вмѣстѣ, такою-же силой внутренней, въ этой своей свободѣ бранной,—умъ вѣрный церкви стоитъ на брани и съ собственнымъ своимъ домашнимъ мракомъ естества, т. е. на брани съ мрачной силой страсти; съ этимъ сѣменемъ тли у насъ (по выраженію церкви), внутрь насъ живущимъ, и воюющимъ у насъ на естество, на свѣтъ его, и на свободу естества;—т. е. на брани съ этимъ естественнымъ безчинствомъ естества, — смерть естества носящемъ въ силѣ такой, какъ мы видѣли, разнузданности его у насъ въ лжесвѣтѣ просвѣщенія нашего: ибо какъ въ сонномъ умѣ,—небрегущемъ объ истинѣ, его безмнѣніе рабствуетъ невольно всякой

невольно-авторитетной для него; для соннаго ума, силѣ—чужихъ мнѣній, а и подавно силѣ активной пропаганды нашего лжесвѣта,—льстящей его вкусамъ—и ловко—лукаво навязывающей ему— всю изухищряемую ею нелѣпость отрицанія;—такъ точно въ подлое сердце, разбитое силою этого темнаго безбожія, навязаннаго ему—сквозь сонъ воспріимчивымъ—ко всѣмъ *господственнымъ* авторитетамъ — умомъ его, — врывается естественно неудержимо, подъ кровомъ—той-же ловко-лукавой руководственной пропаганды лжесвѣта просвѣщенія, — врывается свободно, говорю, вся необузданная сила страсти со всѣмъ господствомъ произвола въ ней.

Но церковь Божія—всѣхъ послушныхъ ей (всѣхъ вѣрныхъ чадъ своихъ), выводя какъ на жизнь вѣрности Царю и Богу своему, какъ на цѣлое все свое дѣло въ ней у насъ — на дѣланіе заповѣдей Божіихъ; выводитъ насъ на это дѣланіе духа жизни ея — прямо какъ на дѣло брани со страстями; — такъ что и руководящіе духъ нашъ въ ней — отцы церкви, руководятъ насъ въ этомъ дѣлѣ исполненія заповѣдей,—уча насъ прямо какъ цѣлому искусству этого дѣла исполненія ихъ,—прямо, говорю, руководствуя насъ именно и собственно на этой самой брани со страстями нашими,—которыя въ своемъ рафинированномъ и цивилизованномъ видѣ составляютъ, какъ мы видѣли—кумиръ міра просвѣщенія современнаго;—но побѣдителями которыхъ здѣсь въ церкви—самъ Богъ содѣлываетъ вѣрныхъ церкви; какъ на цѣломъ дѣлѣ своей вѣрности ей стоящихъ на стражѣ противъ страстей своихъ; или ходящихъ и водимыхъ церковію въ путяхъ противуборства имъ. — И въ этомъ дѣлѣ брани этой со страстями,— какъ въ цѣлой другой сторонѣ, говорю, всей истой вѣрности нашей церкви, — здѣсь нашъ подвигоположникъ бранныхъ умовъ — вѣрныхъ церкви, — самъ имъ побѣду подающій, въ этой силѣ бранной вѣрности ихъ; — здѣсь онъ — побѣдителю на этой брани — уже съ своимъ собственнымъ бунтующимъ

естествомъ, здѣсь онъ подаетъ съ этой побѣдой вмѣстѣ бранному уму и усмиреніе самой брани страстной; какъ исцѣленіе естества—спасительною силой благодати,—освобождающей вѣрныхъ церкви и отъ самаго разстройства онаго наконецъ.— Ибо и вся задача домостроительства спасенія состоитъ въ возстановленіи естества — въ чинѣ стоянія его въ его естественныхъ границахъ.—

И такъ, вотъ какъ, браннымъ умомъ вѣрнымъ церкви такимъ образомъ не только опрокинуты—двѣ страшныя силы союзныя тьмѣ лжесвѣта, которыя намъ шлютъ свой вызовъ—въ фактѣ жизненной дѣйствительности тьмы у насъ, во свѣтѣ просвѣщенія;—но даже видите и цѣлое все дѣло тьмы, которое и составляетъ всю задачу,—мѣту и цѣль активной силы нашего лжесвѣта;—и которое состоитъ, какъ извѣстно, въ достиженіи простора самой разнузданности этихъ силъ естественнаго разстройства въ эмансипированномъ современноестествѣ; съ отнятіемъ въ духѣ церкви, наконецъ, и силы самаго разстройства въ *возстановленномъ* благодатію естествѣ;—и это самое все дѣло, говорю, активной силы тьмы, такимъ образомъ, уже все выбито у нее изъ рукъ такой побѣдоносной бранной силой свободы разума вѣрнаго церкви.

Но посмотрите же и весь великій плодъ такой побѣды браннаго ума—смотрите, въ чемъ у насъ весь собранъ въ духѣ церкви?

Смотрите: въ церкви у насъ сѣмя слова Божія какъ сѣмя свѣта и свободы есть основаніе жизни новой; ибо въ силѣ его духа — мы осіяваемся въ церкви—животрепещущимъ—вѣчно наличнымъ присутствіемъ у насъ истины самой;—и это не потому только, что мы обладаемъ въ вѣрности нашей церкви силою убѣжденія, и правильнымъ разумѣніемъ истины (ибо объ этомъ уже и говорить нечего такъ какъ безъ вѣры нѣтъ и мѣста въ церкви);—и не потому только, что присно поученіе въ ученіяхъ отцевъ—коимъ поручено—житомѣріе слова въ церкви, есть у нея какъ бы дыханіе ея жизни;—но и потому,

что присно-назидающаяся взаимно въ словѣ Божіемъ церковь — осіявается — такимъ образомъ — въ вѣяніи личнаго присутствія въ ней Божія свѣтомъ присносущнымъ и *Самаго Духа истины.* —

И вотъ *какою именно* силою — *такого* всегда наличнаго присутствія у насъ истины, — намъ слѣдуетъ замѣтить это наконецъ и отнимается вполнѣ, — и только ею, именно — и можетъ отниматься и все основаніе самой эмансипаціи ума; — какъ и держащейся въ самомъ источникѣ своего существованія у насъ, мы видѣли — на самой только невозможности истины для насъ — въ насущной тьмѣ вѣка просвѣщенія. И такъ, вотъ съ одной стороны такимъ образомъ въ церкви и отнято уже то самое, что есть сила самой невозможности жизненной — имѣть намъ доступъ къ Богу, какъ недоступному конечно для ума раба тьмы — въ рабствѣ его источающемъ — чуждость свѣта Божія, а потому съ тѣмъ вмѣстѣ и всякое зло безбожія всякаго; а съ другой стороны мы теперь хотимъ указать еще на то собственно — что въ силѣ этой-же, истины соприсущей намъ — въ словѣ, слововводительно у насъ въ ней и молитвеннаго духа.

И вотъ куда именно приноситъ, и гдѣ слагаетъ всѣ свои побѣдныя корысти — бранный умъ вѣрный церкви; — ибо сюда естественно приносится все добытое имъ на этой брани жизни: ибо плодъ этой жизненной его побѣды — надъ всею силой тьмы, весь собранъ имъ въ великомъ вѣдѣніи — извѣданныхъ имъ на дѣлѣ этой брани: и безконечной слабости и недостаточности его собственныхъ силъ естественныхъ въ противуестественномъ безобразіи и разстройствѣ своего падшаго естества человѣческаго и безконечной силы Божіей и помощи и милости къ намъ бѣднымъ по естеству, но обогащеннымъ удивившимъ небо богатствомъ благодати Божіей. — А это превышенебесное вѣденіе и одушевляетъ уже жизненно молитву; — и возноситъ

ее, въ силѣ этой новой крѣпости ея до самаго мѣста, плачущей у ногъ Христовыхъ Магдалины.

И вотъ то мѣсто гдѣ смываются уже всѣ страшные слѣды опустошенія произведеннаго всей силой тьмы въ разумномъ естествѣ; опустошенія состоящаго въ обезглавленности его у насъ въ лжесвѣтѣ просвѣщенія, въ которомъ онъ лишенъ, какъ мы видѣли уже, и остатковъ у него его естественнаго свѣта и добра въ той обезглавленности, которая по сему, какъ мы сказали, и составляетъ уже весь подведенный у насъ итогъ всѣхъ дѣйствій тьмы,—или весь плодъ и цѣлое завершеніе всего дѣла ея, или финалъ всей силы состоятельности тьмы у насъ на дѣлѣ жизни современной:—современной жизни нашей, въ которой вся наша обезглавленность-живою выявляется, и всецѣло выступаетъ вся, во всемъ безобразіи своемъ у насъ, въ этой кипящей, страшно-напряженной, — и у насъ почти что сѣверо-американской, лихорадочной дѣятельности нашей современной,—безголовой и безсердой.

Ибо страсть, пропаганда и безбожіе, ворвавшись дверью соннаго ума (въ сонномъ его безсиліи современномъ,—не употребленнаго на дѣло жизни,—на жизненное дѣло разумѣнія), состряпали уже себѣ у насъ во свѣтѣ просвѣщенія нашего—свое собственное царство—союзнаго лукавства своего, утвержденнаго ими на силѣ этого соннаго безумія нашего.—И эти властные уже такимъ образомъ у насъ отселѣ, говорю, страсть пропаганда и безбожіе царственно-владычно и совершаютъ уже такой поворотъ у насъ въ умѣ рабѣ своемъ, что не спросясь его они уже его употребляютъ у насъ по своему, запрягая его и безъ его спроса во всѣ нелегкія свои—и на свое служеніе—въ своихъ собственныхъ интересахъ; для сего употребляя въ дѣло сердце изподличавшееся безъ ума въ своемъ безбожіи; опошленное и одураченное ими, этими союзными у насъ безбожіемъ, страстью и страшной этой пропагандой нашего лжесвѣта; ибо творя именно волю такого сердца своего—

и пляшетъ подъ ихъ дудку—сонный умъ вѣка; ибо и сонный онъ, но подъ чужую дудку ихъ—онъ какъ рабъ купленный и пляшетъ эту отвратительную какъ бы гальваническую какую пляску свою—изступленную у насъ—въ этой своей неосмысленной современной дѣятельности, такъ страшно напряженной, что грозящей кажется порвать у насъ всѣ струны жизни: и все какъ будто-бы чуть чуть что не наслуженіе самаго добра.

Ибо таково, говорю, дѣло нашего лукавства просвѣщеннаго изхудожествовавшаго у насъ, въ этой натяжкѣ фальши современной, въ этой великоименитой гуманности утилитарной,—такую камбинацію страстей, которая въ своемъ итогѣ давала бы добро *всѣхъ видовъ* и родовъ во всѣхъ его оттѣнкахъ: по вкусу и по требованіямъ вѣка, по всей задачи его духа:—какъ мы видѣли уже: *и въ видѣ*—любви къ истинѣ прославляющей свой блистательный вѣкъ—безбожіемъ и вольнодумствомъ раціонализма отрицающаго истину какъ и эксплуатируя стремленіемъ народностей въ нашъ вѣкъ она успѣла уже сковать себѣ желѣзную силу своего необузданнаго владычества. И начиная отъ этого произвола, такой лукаво желѣзной деспотіи, говорю я, и до произвола разнузданной и распаленной жажды анархіи и всей распущенности нравовъ во что бы то ни стало... И въ видѣ наконецъ и такой нравственно-изящной современной любви между мужчиной и женщиной—но только что не между мужемъ и женой конечно, т. е. любви и до брака и вообще безъ брака любви, которая такъ пришлась у насъ по вкусу вѣка просвѣщеннаго—и въ романическомъ по своему у него свѣтѣ просвѣщенія.—А также и въ другихъ типичныхъ *видахъ*, этой безголовицы естества какіе мы видѣли уже и разсматривали при общемъ обозрѣніи и въ людяхъ убѣжденія и во всѣхъ прочихъ *видахъ* этой обезглавленности его произведенной свѣтомъ просвѣщенія въ духѣ вѣка оставленнаго—при одномъ естественномъ свѣтѣ и при одномъ естественномъ добрѣ

омраченныхъ и искаженныхъ еще этимъ лжесвѣтомъ просвѣщенія его.

И такъ, въ заключеніе всего сказаннаго нами:—намъ теперь и остается только указать еще на то, что только въ церкви, въ Христіянствѣ: — что и есть въ той жизни новой, о которой сейчасъ упомянули мы,—какъ обрѣтаемой въ свѣтѣ истины, въ силѣ этого молитвеннаго духа,—какъ въ цѣлой полнотѣ побѣднаго тріумфа—свободы браннаго ума—вѣрнаго церкви,—что здѣсь только и обрѣтается у насъ единственный пріютъ наконецъ и отъ этой безголовицы естества,—внѣ этого пріюта нигдѣ неизбѣжимой, а въ духѣ просвѣщенія современнаго и запечатлѣнной уже торжественно блистательною постановкой — всей этой мерзости запустѣнія во всѣхъ цивилизованныхъ и развитыхъ видахъ этой безголовицы естества разумнаго, за цѣлый видъ лукаваго возглавленія его—въ его лжесвѣтѣ—тьмой какъ свѣтомъ.—Тьмой уличаемой вполнѣ—лишь только въ свѣтѣ истины самой — въ духѣ церкви, въ которой только, говорю, уже мы въ жизни новой—и возглавлены дѣйствительно и истинно, — тѣмъ возглавленіемъ естества разумнаго — въ церкви (такимъ образомъ отъемлющей отъ человѣчества позоръ чудовищной безголовицы его, естественной—внѣ церкви): — тѣмъ возглавленіемъ, говорю,—которое и есть единое и истое—всемірное чудо—самую суть благодатную церкви—и составляющее въ церкви; въ которомъ и заключается, которымъ и исчерпывается уже весь смыслъ—и всѣхъ чудесъ ея; тѣмъ возглавленіемъ, въ которомъ силою запечатлѣвшей церковь въ новомъ бытіи у насъ,—силою великой жертвы искупленія, все раззоренное у насъ возстановляется и восполняется все недостаточное въ естествѣ; такъ что противъ этой именно силы и вооружается, возстаетъ и работаетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ у насъ, всѣми силами своими—активная сила лжесвѣта просвѣщенія нашего;—и такъ, тѣмъ возглавленіемъ естества нашего — въ церкви — которое и составляетъ у насъ

славу церкви, и зависть демоновъ, и восхищеніе Ангельскихъ чиновъ, и которое состоитъ въ возглавленности естественной уже въ благодати церкви естества человѣческаго—естествомъ Божескимъ у насъ въ церкви,—глава которой и есть самъ Христосъ,—а Духъ ея Духъ Божій, а умъ нашъ въ ней возглавленъ самымъ Богознаніемъ,—единымъ и удовлетворяющимъ всѣмъ требованіямъ разума разумныхъ; а жизнь и дѣйствія у насъ здѣсь уже возглавлены самой невозможностью для насъ убійственной и мрачной этой-сиротской независимости—обездоленныхъ лишенниковъ чуждыхъ Бога, и ближняго безъ Бога всеконечно чуждыхъ;—ибо мы здѣсь возглавлены въ блаженной силѣ всеобщенія церкви, въ вѣчномъ присутствіи самаго Бога лично съ нами въ ней—благоговѣйной силою самыхъ личностей нашихъ у насъ съ Богомъ (въ соотношеніяхъ личныхъ съ Нимъ Самимъ у насъ въ церкви).—

Ибо въ церкви все у насъ въ силѣ этого самаго Богообщенія въ ней.

Ибо въ ней мы видѣли уже съ одной стороны, въ какомъ молитвенномъ духѣ поставляетъ насъ обѣтованный плодъ побѣды браннаго ума вѣрнаго церкви; — а съ другой стороны уже мы видѣли и разсмотрѣли прежде, — какъ все у насъ въ церкви, въ простертіи всѣхъ силъ свободы нашей въ духѣ жизни церкви—на самое угожденіе Богу. —

И такъ, вотъ какъ мы въ ней поставлены, такимъ образомъ, такъ *лично* передъ Богомъ.

И вотъ, въ такомъ-то живомъ и жизненномъ Богообщеніи съ Нимъ, объемлемые Его Духомъ — мы и обогащаемся уже въ ней какъ присносущнымъ *Его свѣтомъ*, такъ и *добромъ Его* божественнымъ,—божественнаго происхожденія — у насъ въ церкви — въ благодати ея, и очищающей, и украшающей *и освѣщающей у насъ* все и естественное доброе наше человѣческое, вѣнцемъ растворенности всего у насъ силою самаго Святаго Духа въ церкви, — Святаго Духа, — обогащающаго

уже вѣрныхъ церкви, наконецъ, и превышенебеснымъ миромъ ума, почившимъ на верхѣ вѣрныхъ церкви въ самой полнотѣ ихъ яснаго сознанія у себя самихъ добра и свѣта—не своихъ, а Божіихъ, — своимъ-же собственнымъ у себя сознающихъ ясно, въ силѣ Духа Божія,—одну только недостаточность свою всякую естественно ни на что во плоти сей, какъ во мракѣ ума: — ни на достаточную благодарность Богу, ни на любовь соотвѣтственную Его любви къ намъ, ни на возможность проникнуться достаточно, всей охватившей духъ нашъ силой жизненности и блаженства—въ познаніи Бога, въ духѣ церкви; но и это такое премирное сознаніе и чувство недостаточности своей — недовѣдомая намъ высота безстрастныхъ, совершенныхъ въ церкви;—а у насъ страстныхъ благодать смиренія (какъ истый общій колоритъ всей церкви), — является въ томъ собственно, что въ обуреваніи своихъ страстей, какъ въ чувствѣ всей злокачественности своей, — явно неизцѣленной еще у насъ такимъ образомъ,—нашъ духъ изнемогаетъ у насъ въ сокрушеніи подъ силой самаго сознанія вѣчной всегда повинности нашей передъ лицемъ всѣхъ живоносныхъ требованій благодати духа въ церкви; и только въ силѣ этого сознанія, воздвигающаго насъ на приснодвижное поступательное всегда простертіе впередъ, чтобъ исправляться вновь и вновь намъ въ силѣ покаянія;—и Богъ насъ милуетъ все вновь и вновь — какъ вѣрныхъ — съ вѣрными своими, всѣмъ обрѣтающимся вѣрными у Него по милости Его одной, — все покрывающей, — и умиротворяющей всѣхъ прибѣгнувшихъ почить на самой милости Его — какъ на предѣлѣ всѣхъ желаній—для тѣхъ, которые премирно умирясь на непримиримости со зломъ подъ кровомъ Его силы—нашли спасительный пріютъ «свободы совѣсти своей, отъ вѣчнаго немирства духа» отъ этой силы «мертвыхъ дѣлъ» и отъ чада угорѣлости лукавства и страстей — въ покоѣ трезвости ума и мира совѣсти въ духѣ церкви, въ сознаніи оной силы искупленія у насъ, кото-

рою и дышетъ все у насъ въ этомъ духѣ церкви,—внѣ коего, такимъ образомъ, нигдѣ нѣтъ естеству разумному убѣжища отъ бѣдствій зла и тьмы;—той-ли тьмы, которая у насъ теперь насущная заполонила, какъ мы видѣли, умъ вѣка, или другой какой, какая можетъ быть готова скоро ей на смѣну,—чтобы завладѣть у насъ вмѣсто нея умами небрегущими о свѣтѣ: но только что, ни той—ни другой, и никакой тьмѣ не найдется мѣста въ силѣ свободы ума вѣрнаго церкви. —

А безъ сего, говорю, намъ некуда дѣваться и уйти и отъ рабства тьмы современнаго лжесвѣта, какъ развѣ только, что попавши въ глубь какую—какой-нибудь еще пошлѣйшей пошлости.

ОПЕЧАТКИ

Стран.	Строч.		Напечатано:	Слѣдуетъ:
4	12	снизу	рвется	рвемся
6	4	сверху	такая	такъ
»	»	»	необходимая	необходима
»	14	снизу	знаменательно	знаменательна
»	»	»	обязательно	обязательна
7	7	сверху	тьма	тьмы
13	3	»	это	то
16	4	снизу	небрегующихъ	небрегущихъ
»	1	»	раскрыть	раскрытіе
20	1	сверху	роду	рода
22	2	снизу	сонной	сонный
23	2	»	недремленныхъ	недремлящихъ
»	8	»	это	что́
»	16	»	о всесиліи	во всесиліи
24	17	»	задумающаго	задушающаго
25	11	»	ихъ	и ихъ
28	7	сверху	не для	ни для
»	11	снизу	примѣрной	примѣрно
29	3	сверху	нагилисты	нигилисты
»	6	»	этаго	это-то
»	»	»	презрительно	презрительнѣе
31	15	»	непризваніи	непризнаваніи
32	4	»	выставленные	выставленное
33	13	снизу	истины	истинѣ

Стран.	Строч.		Напечатано:	Слѣдуетъ:
34	12	снизу	расчитанно	расчитано
35	16	»	испустивъ	и спустивъ
»	11	»	конечно	кончено
38	9	сверху	царющей	царящей
»	15	снизу	намъ	нашъ
»	2	»	намъ	нашъ
39	12	сверху	изваянія	изваянные
»	11	снизу	произведенны	произведены
40	6	»	раздѣлъ	раздѣлкѣ
46	16	»	остановиться	остановится
47	7	»	намъ	нашъ
48	16	сверху	пришлось	пришлась
»	8	снизу	него	неё
50	7	сверху	у насъ).,	у насъ),
»	6	снизу	все свѣтной	всесвѣтной
»	1	»	неостала	не отстала
51	6	»	погрѣшющихъ	погрѣшающихъ
52	13	сверху	было	была
55	6	снизу	истинны, а	истины
59	12	сверху	оступленій	отступленіе
»	10	снизу	мнѣній	мнѣній и
63	1	сверху	на встрѣчу	навстрѣчу
»	14	»	злароднаго	злораднаго
»	12	снизу	отявлено	отъявленно
64	4	»	кровь	кровъ
66	12	»	сущности	сущностью
72	2	сверху	умныхъ	умственныхъ
74	2	снизу	ей	ею
79	12	»	началовсходнаго	началовходнаго
»	4	»	до веденія	доведенія
81	11	сверху	состоятся	состояться
92	4	»	самой	самую
»	»	»	возможности	возможность
98	12	»	сказывается	оказывается
99	6	»	вѣры	вѣра

Стран.	Строч.		Напечатано:	Слѣдуетъ:
101	17	сверху	остявяимъ	оставя имъ
104	12	»	нравственное	нравственное).
106	8	»	сознательномъ	сознательной
110	5	снизу	statut quo	statu quo
111	1	сверху	statut quo	statu quo
»	8	»	заблужденія	заблужденій
112	5	»	безсмысленности	безсмыслицы
»	6	»	statut quo	statu quo
»	14	снизу	statut quo	statu quo
117	2	»	какъ претензія	какъ не претензія
118	15	»	цѣлей	цѣлой
»	14	»	петролейнымъ	петролейномъ
119	11	сверху	statut quo	statu quo
121	9	»	осмѣянно	осмѣяно
»	8	снизу	съ выгодами	съвыгодами, съ выгодами,
122	3	сверху	намъ	нашъ
124	15	снизу	усморительно	уморительно
125	7	»	добра человѣчности	добра и человѣчности
127	5	»	и такимъ	у такимъ
»	4	»	и людей	у людей
128	13	»	вѣры	вѣрѣ
129	7	сверху	стрѣлянья	стремленья
»	10	»	у насъ	у насъ нашего
»	11	снизу	самому	самому стоять
»	9	»	образомъ	образомъ и
»	2	»	всго	всего
131	12	сверху	дѣла	дѣло
133	10	снизу	церковь	церковь и
134	16	сверху	вѣримъ	вѣрить
»	1	снизу	скверниnть	сквернитъ
135	14	сверху	знаемъ	знаешь
136	6	»	начало	начала
»	10	»	говорю	говоря
»	11	»	касаясь	касаюсь

Стран.	Строч.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
138	14 сверху	на разсмотрѣніе	на разсмотрѣніи
139	16 снизу	внимательно	внимательныя
141	6 »	сообщникомъ	общникомъ
142	8 »	если я	если я только
»	6 »	совсѣмъ	со всѣмъ
»	11 »	вѣрнымъ	вѣрнымъ и
145	11 сверху	но это	на это
146	11 »	у наслѣдовавшимъ	унаслѣдовавшимъ
149	4 »	неприкосновенный	непрекословный
»	7 снизу	во все	вовсе
150	12 сверху	всевсѣтной	всесвѣтной
154	4 снизу	говорю)	говорю,
»	3 »	читателей,	читателей),
158	7 сверху	естества,	естества),
159	15 снизу	всейдѣйственною	вседѣйственною
161	16 »	исповѣдаетъ	исповѣдуетъ
»	15 »	исповѣдаетъ	исповѣдуетъ
164	16 сверху	современноестествѣ	современно естествѣ
167	7 »	наслуженіе	на служеніе
»	14 »	задачи	задачѣ
68	10 снизу	въ которомъ	и въ которомъ

